

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

ISSN
0132-0831

1

1989

С НОВЫМ ГОДОМ!

Сергей Коновалов — фрезеровщик опытного завода ВНИИЛТЕКМАШ, молодой депутат районного Совета народных депутатов Советского района г. Москвы.

Много внимания Совет уделяет нуждам трудящихся, наказам избирателей. Фоторепортаж об этом — на 4-й странице обложки.

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ
МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ СССР

№ 1 (217) ЯНВАРЬ 1989 ИЗДАЕТСЯ С 1971 ГОДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» МОСКВА

В НОМЕРЕ

5

ПЕРЕСТРОЙКА: ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ И ПРАВО

Меж ведомственных «нельзя» и «можно». Круглый стол
журнала 5

Ю. ГРЕЧАНИК Недобрый
посев. 20

25

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВСЕОБУЧ: ОПЫТ. ПРОБЛЕМЫ

НОВОЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ
Л. КАРАТЕЕВ. Работа по со-
вместительству. 25

ЗАКОН. КОММЕНТАРИИ. ПРАКТИКА

В. ДЕМИН. Если вас уволь-
няют. 27

ЗАОЧНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ

С. ВЛАДИМИРОВ. На прин-
ципах самоуправления и
единоначалия. 33

ЮРИСТ КОНСУЛЬТИРУЕТ
ДИРЕКТОРА 34

МОЛОДЕЖИ О ПРАВЕ

Н. ТАРАСОВ. Чтобы суд мог
помочь. 35
ЮРИДИЧЕСКИЙ
ПРАКТИКУМ 38

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА

Г. СТОЯКИН. Сломался теле-
визор... 39

ОТ А ДО Я

Принудительное лечение. 41

46

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

М. ЗАХАРОВ. Какую пенсию
получим? 46

ОБСУЖДАЕМ ПРОБЛЕМУ
Мнение читателей. 51

53

СОБЕСЕДНИК

В. ПОВОЛЯЕВ. Круговая по-
руна. Заметки публициста 53

ПОЧТА КООПЕРАТОРА

Кооперация в кооперации.
Раздел ведет юрист И. ПРИ-
ХОДЬКО. 58

В. СТЕРИН. Командировка по вашей просьбе. 63

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК «Чиз»

К. ОГАНДЖАНОВ. По неуставному «уставу»... 67
Редакции отвечают. 70

71

В. КОНОНЕНКО. Посмертно... репрессировать? 71

99

ПО СТРАНАМ
И КОНТИНЕНТАМ

Г. МУСАЕЛЯН, И. СЕМЕНИХИН. Острые ногти «обанэ»

110

Л. АРЕСТОВА. Нанануне приговора. Повесть.

124

ЮМОРЕСКА

Д. МУКИН. Про Вовну, козла и дядю Кузю

КРОССВОРД

Знаете ли вы право?

127

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

Главный редактор В. М. СИРЕНКО

Редакционная коллегия:

В. А. АБОЛЕНЦЕВ, С. И. БАБОШКО,

Г. К. БОЛЬШАКОВА (заместитель
главного редактора),

В. А. ЖУРАВЛЕВ (ответственный секретарь),

Б. В. ЗАБОТИН, И. Н. КУЗНЕЦОВ,

В. Д. ПОВОЛЯЕВ, И. С. САМОЩЕНКО,

П. И. СЕДУГИН, Ю. С. СЕМЕНОВ,

Е. В. СМИРНОВА, А. Я. СУХАРЕВ,

А. А. ТРЕБКОВ, А. М. ФИЛАТОВ.

Технический редактор И. П. КАЛАЧЕВА

Оформление В. А. БУРКИНА

Фото в номере В. ЗИМИНА

Адрес редакции:

129850, ГСП, Москва, И-110, Олимпийский проспект, 22.

Телефон 281-68-12

УВАЖАЕМЫЙ ЧИТАТЕЛЬ 1989 ГОДА!

Вы открыли первый номер журнала «Человек и закон». Его подготовка по времени совпала с проходившим в атмосфере полной гласности и демократизации всенародным обсуждением важнейших законопроектов — об изменениях и дополнениях Конституции СССР и о выборах народных депутатов СССР. Они являются юридической основой на пути реализации решений XIX Всесоюзной конференции КПСС о поэтапном осуществлении реформы политической системы и создании социалистического правового государства.

Сделаны лишь первые шаги, но они поистине революционны и весьма ответственны, ведь речь идет о святой святыне — о возвращении Советам и их народным депутатам изначальной роли, во имя которой в 1917 году была совершена Великая Октябрьская социалистическая революция.

История показала: ничто, никакие войны, беды и другие тяжелейшие испытания, выпавшие на долю нашего народа, не сокрушили Советскую власть, потому что она — душа народа, его вера и его суть. Сегодня мы знаем, в силу каких причин Советы не могли воспользоваться полномочиями, видим, как много делает КПСС, чтобы вернуться к изначальным принципам, делу и заветам великого Ленина. Ярчайшим подтверждением этому служит день сегодняшний.

Реформа органов власти призвана содействовать созданию социалистического правового государства, в фундамент которого уже заложены такие основополагающие правовые акты, как Законы об изменениях и дополнениях Конституции СССР и о выборах народных депутатов СССР, имеющих принципиальное значение для развития демократии, гласности, правового обеспечения перестройки всех сфер нашей жизни. Сюда же надо отнести и такие законы, как «О всенародном обсуждении важных вопросов государственной жизни», «О государственном предприятии (объединении)», «О кооперации в СССР», «Об индивидуальной трудовой деятельности». Но это лишь первые шаги. В новом, 1989 году мы будем участниками и свидетелями новых важнейших событий в экономической, общественно-политической, правовой жизни страны.

Получая ежедневно тысячи писем, мы достаточно хорошо представляем, чего ждет сегодня от нас читатель. «Меньше славословия и лозунгов, деклараций и призывов!» Что можно возразить на это Л. Полякову, приславшему в редакцию письмо с такими словами? Ничего. Такого же мнения придерживается и редакционная коллегия журнала. Это, пожалуй, смысл основной задачи, которую поставила перед собой творческий коллектив редакции.

Что изменит год 1989-й в содержании журнала? Мно-

гое. Прежде всего его материалы должны стать ближе к жизни, к ее проблемам, а следовательно, острее и критичнее. Расширение народовластия, правовая реформа, перестройка работы правоохранительных органов — вот далеко не полный перечень тем 1989 года.

Те, кого интересует опыт работы подрядных коллективов, внедрение хозрасчета и многие другие экономико-правовые проблемы, найдут интересные для себя материалы в разделе «Правовой университет». Читателей, мало знакомых с действующим законодательством, наверняка привлечет раздел «Юридический всеобуч: опыт, проблемы». Здесь они смогут приобрести достаточные знания для того, чтобы вполне свободно ориентироваться в житейских вопросах, требующих применения закона. Для тех, кто желает высказать свое мнение о проблемах на «злобу дня», пусть и не соответствующее общепринятым стереотипам, мы предоставляем рубрику «Дискуссионный клуб». Диалоги, беседы, круглые столы с работниками правоохранительных органов, с руководителями различных ведомств, с учеными и юристами-практиками по многочисленным просьбам читателей станут постоянными материалами журнала.

Организованная преступность, наркомания, дедовщина и многое другое, вызывающее сегодня особую обеспокоенность всех, станут темами исследований наших авторов.

И опять же по многочисленным просьбам наших читателей в 1989 году планируется значительно расширить рубрики «Из зала суда», «Судебный очерк», «Хроника одного расследования». Немало сделано для привлечения к сотрудничеству в журнале популярных авторов, работающих в остросюжетном жанре. В литературном разделе журнала вы сможете прочитать детективный роман «Три сонета Шекспира», повесть «Накануне приговора», и... Об остальном вы узнаете сами, раскрыв очередной номер журнала.

И все же. Как сделать журнал интереснее, нужнее тем, для кого он создан?

Ждем ваших писем. Надеемся, что деловой обмен мнениями, ваши замечания и предложения принесут обоюдную пользу.

ПЕРЕСТРОЙКА: ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ И ПРАВО

*Работает ли Закон о гос-
предприятии?*

*Чего не мог знать законо-
датель?*

*Между мечтами и действи-
тельностью. Победа за здра-
вым смыслом. «Круглый стол»
в Вильнюсе.*

*Почему гибнут люди? Ког-
да восторжествует порядок на
стальной колее? Как преодо-
леть последствия застоя? Об
этом идет речь в статье
«Недобрый посев».*

КРУГЛЫЙ СТОЛ

МЕЖ ВЕДОМСТВЕННЫХ «НЕЛЬЗЯ» И «МОЖНО»

Прошел год: как действует Закон о государственном предприятии (объединении)?

Стал ли Закон о государственном предприятии (объединении) основным документом, по которому живет и работает трудовой коллектив? Что мешает хозрасчету упрочить свои позиции, быть основным направлением развития советской экономики, как это определено Законом?

Эти вопросы были подняты в разговоре, состоявшемся за «круглым столом» в Вильнюсе. В нем приняли участие секретарь Центрального Комитета Компартии Литвы А. Бразаускас¹, министр юстиции республики П. Курис, заместитель начальника управления правового обслуживания минюста А. Баканас, генеральный директор ордена

¹ Когда номер был подготовлен к печати, Альгирдас-Николас Казевич Бразаускас был избран Первым секретарем ЦК Компартии Литвы.

«Дружбы народов» мебельного комбината «Вильнюс» В. Чепас, генеральный директор производственного объединения культтоваров «Неринга» А. Матулявичус, доцент Вильнюсского университета В. Стасконис.

«ЧиЗ». Прожитый год — поворотный в экономике страны. Промышленность интенсивно переходила на хозрасчет и самофинансирование. С 1 января 1988 года вступил в силу Закон о государственном предприятии (объединении). В связи с этим потребовалась значительная организационно-управленческая работа, в том числе правовое обеспечение хозрасчета, создание условий для того, чтобы Закон о государственном предприятии (объединении) был действительно законом, не подлежащим ни вольному прочтению, ни субъективной корректировке. Таковыми виделись задачи год назад. Что же сделано для их решения и каковы результаты?

А. Бразаускас. Более 70 процентов промышленных предприятий в прошлом году работали в условиях полного хозяйственного расчета, ими произведено свыше 80 процентов промышленной продукции, выпускаемой в республике. Принципы нового метода хозяйствования положены в основу работы сельского хозяйства, торговли, бытового обслуживания. Надо отметить, что хозрасчет и самокупаемость в течение ряда лет уже применялись в строительной отрасли республики, не совсем новыми эти методы явились и для транспортных предприятий Литвы.

Если говорить об итогах года, то надо отметить, что темпы развития промышленности республики как основной производительной силы в экономике превысили плановые. Рост национального дохода также выше намеченного и составляет 14 процентов. Это, согласитесь, весьма высокий показатель. Накопленный опыт работы в условиях высокой рентабельности, постоянного обновления и расширения производства явился хорошей основой для проведения экономической реформы. С началом действия нового механизма хозяйствования возникли новые положительные симптомы оздоровления экономики. Так, двадцать предприятий, переведенные на хозрасчет еще в 1987 году, стабильно начали выполнять договорные обязательства. Практика и в дальнейшем показала, что хозрасчет придал весомость обязательствам партнеров: в настоящее время на 99,9 процента выполняются договорные поставки, и нам отрадно отметить, что здесь промышленность республики выглядит значительно благополучнее других. Есть и иные приметы положительных перемен, происходящих в народном хозяйстве Литвы. Однако, по-моему, рано еще бить в литавры, потому как предприятия — основное звено производства, где создаются главные материальные ценности, — делают пока лишь первые шаги по пути совершенствования хозяйственного механизма. И на этом пути существует немало препон.

П. Курис. В минюсте Литовской ССР накоплен определенный опыт работы по оказанию помощи предприятиям и организациям, работающим на полном хозрасчете и самофинансировании, по улучшению правовой работы, оперативному введению в действие Закона о государственном предприятии. Разработаны методические указания по приведению решений правительства Литовской ССР в соответствие с принятым Законом и другими решениями о перестройке управления экономикой. Подготовлены также методические рекомендации по упорядочению ведомственного нормотворчества.

Если бы меня спросили: что является самым трудным в проводи-

мой работе по перестройке правового механизма в соответствии с Законом о государственном предприятии? — я бы сказал не задумываясь: «Стереотип мышления прошлых лет, инерция действий и указаний». Причем с этим явлением приходится сталкиваться буквально на всех уровнях управления экономикой

Как изменить его? Как научить руководителя, специалиста в повседневной практике правильно применять правовые средства? Ведь не секрет, что не все умеют пользоваться правами, предоставляемыми Законом о государственном предприятии. Как юрист, я понимаю, что некоторые положения, закрепленные Законом, пока еще нереальны. Но есть и такие, которые недостаточно применяются исключительно в силу определенной некомпетентности тех, для кого принят Закон.

Мы убедились в том, что доскональное использование правовых актов требует глубоких профессиональных знаний. Для этого министерство юстиции Литовской ССР систематически организует правовую учебу руководителей подразделений и служб, юрисконсультов промышленных предприятий, проводит семинары, где обсуждаются проблемы, возникающие в связи с перестройкой народного хозяйства в соответствии с действием Закона о государственном предприятии (объединении).

А. Матулявичус. Для коллектива производственного объединения культтоваров «Неринга» работа в условиях хозрасчета началась еще в 1984 году. Местная промышленность Литвы в числе пяти других отраслей была включена в общесоюзный эксперимент по отработке новых методов хозяйствования. Так что к началу 1988 года у нас уже был определенный опыт работы. Но сегодня я убежден в том, что хозрасчет не дает возможности останавливаться на сделанном. Экономические законы, вступив в силу, предполагают поиск более оптимальных форм и методов управления производством, оплаты труда. И мы не стоим на месте. Более того (и в этом я вижу большие плюсы Закона о государственном предприятии), мы сейчас получили возможность активнее решать социальные проблемы, стимулировать производительный, творческий труд. Нынешнее положение дел в экономике позволяет хозяйственнику быть более смелым в своих решениях и одновременно заставляет думать, анализировать, находить оптимальные варианты этих решений. Вот, к примеру, на объединении создали дополнительное подразделение — отдел социального обеспечения предприятия. И тут же отовсюду раздалось: «Матулявичус штаты раздувает. Это же недопустимо в то время, когда повсеместно идет сокращение». А мы убеждены: нужен такой отдел. Рассчитали, во что обойдется его содержание, и ориентировочно наметили те выгоды, что получит коллектив. И поняли, что не прогадаем. Минувшим летом у моря отдохнуло большее, чем прежде, число работников объединения, расширяется база отдыха на будущий год, в результате появилась стабильность в обеспечении путевками работающих, а значит, и возможность планировать отдых. И в этом заслуга работников нового подразделения.

Билеты для уезжающих в командировки, для тех, кто по делам службы приехал к нам, гостиницы — всеми этими вопросами раньше занимались директор, его замы и те, у кого имелись гостинично-билетные связи. А теперь — работники отдела социального обеспечения.

«ЧиЗ». Что же в планах этого отдела?

А. Матулявичус. Прежде всего — расширение услуг для работающих в объединении. Скажем, организация на территории объединения работ по автосервису — монтаж, вулканизация колес, мойка автомо-

билей и т. д. Сейчас для того, чтобы воспользоваться такой услугой, работники объединения отпрашиваются с работы, часами стоят в очередях. А мы прикинули и убедились: ни особых затрат, ни больших производственных площадей мелкий автосервис не потребует, зато выгоду коллективу сулит значительную. У предприятия заработано достаточно средств для того, чтобы создать комплексную службу быта, а в будущем — организовать медицинское лечебное и профилактическое обслуживание работников. А почему нет? Средства, я уже говорил, у нас есть, Закон о государственном предприятии не запрещает этих нововведений.

Мы проработали год, который по многим приметам не похож на другие. С какими же результатами пришли к его финишу? Увеличилась заработная плата работающих. Сегодня она составляет 240 рублей. Только за 8 месяцев 1988 года было получено 400 тысяч рублей сверхплановой прибыли. Но в то же время, задав сам себе вопрос: «Полностью ли Закон о государственном предприятии оправдал надежды производителей?» — отвечаю: «Нет».

«ЧиЗ». Так называемый «полный хозрасчет», «на бумаге — одно, на деле — другое», «мнимая самостоятельность», «бюрократическая машина и механизм торможения работают, не сбавляя оборотов» — эти фразы неоднократно произносились в многочисленных разговорах с работниками литовской промышленности, руководителями различных отраслей, экономистами, юристами. Признавая жизненную необходимость принятия Закона о государственном предприятии, большинство убеждено: «Закон не работает в полную силу с самого начала. Он, а заодно хозяйственный расчет и самостоятельность предприятий оказались опутанными всевозможными и «нельзя» и «можно», спускаемыми «сверху».

А. Магулявичус. Как известно, Закон о государственном предприятии предусматривает перевод предприятий и объединений на полный хозрасчет и самофинансирование с применением одной из двух моделей. Первая, напомним, основана на нормативном распределении прибыли, вторая — хозрасчетного дохода. Хотя ни одному из этих методов в Законе не отдается предпочтение, большинство выбирают первую — она менее рискованная. Коллектив объединения «Неринга» в течение четырех лет работал в условиях этой модели. Хорошо узнав ее плюсы и минусы, мы убедились, что данный вариант хозрасчета нас не устраивает. Ведь что получается? Предприятие несет полную ответственность за результаты своей деятельности, и от этих результатов напрямую должен зависеть уровень доходов трудового коллектива. А он не зависит. Первая модель предусматривает увязку размеров фондов производственного и социального развития с величиной полученной прибыли. Однако на зарплату коллектива результаты его хозрасчетной деятельности по-прежнему не влияют. Вторая же модель более полно соответствует принципам хозрасчета, так как и фонд оплаты труда, и фонды производственного и социального развития находятся в прямой зависимости от размера полученного дохода. Правда, и степень экономического риска при этом неизмеримо больше, так как вторая модель в отличие от первой не оставляет возможности предприятию работать с убытком и при этом исправно выплачивать коллективу зарплату. И все же коллектив решил: «Пусть не будет гарантированного фонда заработной платы, согласны на риск, хотим работать так, чтобы результат в целом зависел от труда каждого и оплата была по конкретному труду. Выбираем вторую модель».

А нам в ответ: «Нет. Нельзя». Мы приводим свои доводы, твердим об общих интересах, ведь известно, что вторая модель хозрасчета ориентирована на создание надежного противозатратного механизма, а именно в этом заключена основная задача перестройки управления промышленностью. Но в ответ снова «нет». Хотя в соответствии с Законом о государственном предприятии в данном случае коллектив мог действовать по собственному усмотрению. Но это на бумаге...

А. Бразаускас. Возможно, это мое субъективное мнение, но я считаю, что хозрасчет у нас явно буксует. Почему? Такой вопрос задают себе и практики, и теоретики. И, пожалуй, некоторые причины этого явления уже определяются. Я хочу привести пример, пусть он несколько прямолинеен, зато нагляден. Если на ферме отвязать коров от своих мест и оставить их в том же здании, не выпустив на пастбища, то порядка здесь не дождешься, да и изменений особых не произойдет — ни удой, ни привес не увеличатся. Точно так же, заявив о самостоятельности предприятий и закрепив это положение Законом, мы тут же нарушили сам принцип хозяйственного расчета, потому что возникли всевозможные указания, ограничения, контрольные цифры, плохо увязанные с реальным положением дел. А в результате, к примеру, коллективы, работающие в условиях и первой и второй моделей, не имеют возможности использовать полностью и по своему усмотрению заработанные средства. Закон предельно ясно определяет, какие фонды должно создать предприятие и как их развивать. Но что получается на деле? Взять, к примеру, амортизационные отчисления. Их размер дифференцирован и в промышленности составляет около 6 процентов. Эти отчисления, что известно каждому экономисту, должны идти на поддержание существующего производственного потенциала, для дальнейшего его расширения. Сейчас же часть амортизационных отчислений, по сути, конфискуется и поступает в централизованные фонды.

Я считаю, что существующий нормативный метод распределения прибыли можно без оговорок назвать инструментом благопристойного грабежа. Пусть звучит резко, но это так. Каждому предприятию министерство устанавливает норматив отчисления прибыли, и чем лучше работает коллектив, тем труднее живется ему, поскольку тем выше дань. Парадокс, честное слово. Таким образом мы уничтожаем стимулы для хорошей работы, растим устойчивый нигилизм в рабочих коллективах, порожаем недоверие ко всем произносимым правильным словам и принимаемым решениям. Вопрос разработки нормативов распределения прибыли абсолютно не отрегулирован Законом о государственном предприятии, и в этом, на мой взгляд, один из главных его недостатков. А известно, если Закон не дает четкого ответа на тот или иной вопрос, то каждый ищет свой вариант его трактования.

В иных случаях сегодня до 60 процентов полученной прибыли изымается министерством. Взять, к примеру, завод «Пласта», принадлежащий Минхимпрому СССР. Предприятие является лауреатом Государственной премии, здесь собственными силами коллектива проведена механизация, спроектировано и изготовлено оборудование для цехов, обеспечивающее высокий уровень механизации, ряд процессов полностью автоматизирован. «Пласта» работает стабильно, постоянно наращивая темпы, и, естественно, растет получаемая прибыль, больше половины которой тут же забирается. Понятно, что чем лучше

трудится «Пласта», тем весомее становится забираемая часть прибыли. И куда же уходят деньги? Опять-таки в централизованный фонд союзного министерства. Ясно, что фонд как спасательный круг необходим для поддержания плохо работающих, для тех предприятий, где регулярно выплачивается незаработанная зарплата и где перестройка пока еще остается лишь пустым словом.

У нас в республике, думаю, и в других местах, накопилось немало фактов, способных подорвать доверие и к начатой экономической реформе, и к Закону о государственном предприятии, как к реальной силе, стоящей на защите интересов трудовых коллективов. В подтверждение приведу лишь несколько примеров. В настоящее время Вильнюсский завод строительно-отделочных машин, находящийся в ведении Миндормаша, уплатив «министерский оброк», остался в таком финансовом положении, что на сегодняшний день даже говорить не приходится о дальнейшем развитии производства, социальной базы, о решении жилищной проблемы. Хотя, по всей логике хозрасчета, то, что заработано добросовестным трудом, должно оставаться в коллективе, использоваться на благо всех работающих.

В настоящее время тяжелая ситуация сложилась и на Паневежском заводе автокомпрессоров. Для этого предприятия Минавтопром централизованно заказал импортное оборудование на 20 миллионов рублей. Казалось бы, нужно радоваться подобному факту, наращивая производство и укрепляя финансовое положение — без задержки погасить за счет собственных средств ссуду, предоставленную министерством. Однако экономисты предприятия подсчитали, что возможность выплаты долга практически нереальна. Дело в том, что Минавтопром, выделив ссуду, установил такие нормативы распределения прибыли, что завод может в фонд развития производства ежегодно перечислять только 2,8 миллиона рублей. При размере ссуды в 20 миллионов заводу в долгах, как в шелках, пребывать почти десять лет. Получилось, что одна служба министерства, определяя нормативы отчислений, не посчитала нужным увязать свои действия с действиями другой службы того же министерства, планирующей капитальные вложения. В результате предприятие не по своей вине оказалось в тяжелой и, по сути, тупиковой ситуации. И мы не знаем сейчас, как объяснить трудовому коллективу, почему их труд не дает ощутимых результатов, почему заработанные им средства не обернутся жилыми домами, новыми базами отдыха, прибавкой к зарплате.

В. Стасконис. Недавно в Вильнюсском университете прошла конференция, в работе которой приняли участие ученые республики — экономисты, специалисты по хозяйственному праву, представители промышленности. В числе других обсуждаемых вопросов наибольшее внимание участников было уделено действенности Закона о государственном предприятии. А если быть точнее, то причинам, по которым его эффективность пока еще невелика. Большие нарекания вызывают «спускаемые сверху» экономические нормативы, их необоснованность и явная оторванность от реальной жизни. Ну и, конечно, отношения с банком. Сегодня повсеместно раздаются жалобы хозяйственников на существующие отношения с банком. Дело в том, что, сменив вывеску, банк по сути своей остался прежним.

А. Бразаускас. Я полностью согласен со сказанным. Банк по-прежнему выполняет лишь функции запретительства: это нельзя, на то кредит не дам, здесь закрою финансирование. Беда в том, что банк в сегодняшней своей роли не несет даже моральной ответственности за

результаты собственной деятельности, не говоря уже об ответственности финансовой, которая отсутствует полностью.

Можно сегодня представить ситуацию, при которой бы банк «лопнул»? Конечно, нет, потому что банк отвечает лишь за выполнение многочисленных инструкций, которые регламентируют его деятельность. А казалось бы, именно банк, рассчитав все «за» и «против», должен идти на активное финансирование развития того или иного производства, быть заинтересованным в делах партнеров. Но, поскольку материальное положение банка ни в коем случае не изменится ни от финансовых неудач клиентов, ни от коммерческого успеха, банк по-прежнему остается безразличным к делам партнеров и в условиях внедрения нового хозяйственного механизма, как и прежде, лишь беспристрастно фиксирует производимые операции, просроченные кредиты, растущие накопления.

Так, может быть, для того чтобы изменить сложившуюся ситуацию, нам нужны коммерческие банки, которые смогли бы активно участвовать в хозяйственной деятельности предприятий, быть заинтересованными в успешном вкладе капитала, получении высокого процента, ускорении оборачиваемости денежных средств? Ведь известно, что в банковском деле ускорение оборачиваемости средств ведет в конечном итоге к увеличению массы прибыли. Пока же на практике процессы получения ссуды, кредита чрезвычайно громоздки, неоправданно растянуты по времени и обременены множеством ненужных ограничений и оговорок.

Банк в силу своей некоторой отстраненности от забот и нужд предприятий и сегодня не выступает инициатором ускорения финансирования тех или иных работ, расширения производства. Поэтому неудивительно, что у многих руководителей промышленности накопилось немало претензий к системе кредитования. Надо прямо сказать, что, несмотря на то, что количество банков стало больше, их деятельность пока не дала ощутимого результата в перестройке народного хозяйства. Мы предлагаем сократить число специализированных банков в республике, считая целесообразным и экономически оправданным существование банка Агропрома и Госбанка. В настоящее время наши предложения по данному вопросу переданы в Совет Министров страны.

В. Стасконис. Принятый Закон о государственном предприятии — это качественно новая ступень в развитии демократии советского общества, укреплении экономических методов управления экономикой. Думаю, вряд ли кто ставит под сомнение и его необходимость в условиях перестройки экономики, и его прогрессивную роль для дальнейшего развития народного хозяйства страны. Закон призван не на словах, а на деле полностью устранить в народном хозяйстве административно-приказное начало. И главное — обеспечить предприятиям право самостоятельно выбирать пути решения основной задачи, которую он же, Закон, определяет как «всемерное удовлетворение общественных потребностей народного хозяйства и граждан в его продукции (работах, услугах) с высокими потребительскими свойствами и качеством при минимальных затратах».

Пока не все получилось из задуманного. На мой взгляд, была проявлена определенная поспешность в принятии Закона, не все узловые проблемы были тщательно проработаны, в результате ряд решений на ведомственном уровне иной раз дискредитируют хорошее и нужное дело. И хотя сейчас еще рано проводить окончательный анализ того, как действует Закон, определенно можно сказать, что многие

из причин, помешавших Закону с первых дней крепко стать на ноги, здесь уже назывались. Если министерства не изменят прежних методов управления, вряд ли придется всерьез говорить о расширении демократии, переводе экономики на принципы действительно полного хозрасчета.

И еще. Необходимо подкрепить обязанности предприятий стабильной возможностью их выполнять, гарантировать права вне зависимости от ведомственной или региональной субъективности.

«ЧиЗ». Взаимоотношения предприятий с вышестоящими органами сегодня в большинстве случаев далеки от идеальных. Нередко они строятся не согласно требованиям Закона о государственном предприятии, а вопреки им. В процессе подготовки к сегодняшнему разговору нам довелось присутствовать при телефонном разговоре генерального директора мебельного комбината «Вильнюс» В. Чепаса с Министерством лесной промышленности республики. Огорчение и досада выразились на лице руководителя. В. Чепас положил трубку и обреченно сказал: «Заработанную нами валюту забирают...»

В. Чепас. Мебельный комбинат «Вильнюс» — предприятие высоко-рентабельное, 37 процентов — таков показатель его рентабельности. В текущей пятилетке выпуск мебели, пользующейся хорошим спросом населения, увеличивается на 30 процентов. Каждые три-четыре года комбинат осваивает производство новых наборов мягкой и корпусной мебели. Растет экспорт продукции.

Принципы хозрасчета были заложены в основу работы комбината еще в минувшей пятилетке. Но, бесспорно, начавшаяся экономическая реформа дала новый толчок для их развития. В условиях большей самостоятельности, отсутствия постоянной опеки коллективу работать стало интереснее. И, главное, более наглядными стали результаты труда.

Отмена процента, ограничивающего зарплату специалистов, в общем фонде заработной платы — шаг действительно прогрессивный. Надеюсь, что наконец-то мы сможем поднять на нужный уровень труд инженеров, технологов, экономистов — людей, от которых в малой степени зависит перестройка производства, экономики.

Отрадно, что к мнению производственников стали прислушиваться. Так, были услышаны и приняты наши доводы о ненужности налога с оборота при выпуске мебели. Словом, сегодня коллектив знает, что успешная работа гарантирует увеличение хозрасчетного дохода предприятия. Есть возможность расширять и укреплять базу отдыха, строить жилье (сейчас идет строительство трех домов для работников комбината), планомерно решать вопросы повышения эффективности производства, улучшать условия труда.

Все это так. Но если здесь называлась цифра — 60 процентов — такова доля прибыли, отдаваемой предприятиями в централизованный фонд, то мы, согласно нормативам министерства, вынуждены отчислять все 80 процентов. По мнению специалистов комбината и всего трудового коллектива, столь высокая плата явно противоречит принципу хозрасчета.

К сожалению, это не единственное противоречие. Четвертая часть средств, полученных от экспорта продукции, остается у предприятия. Надо ли говорить, сколь нужны комбинату эти деньги: часть оборудования требует замены, для того чтобы не отстать от мирового уровня в производстве мебели, необходимы современные станки, инструменты. Да и объемов производства, которые должны быть обеспе-

чены в нынешней пятилетке, трудно достичь при наличии оборудования, почти полностью исчерпавшего свои резервы.

Сейчас же республиканское министерство на валютные средства, принадлежащие комбинату, централизованно закупает инструменты для всей отрасли. Справедливо ли это? Ведь этот уже валютный оборот совершается вопреки положениям Закона о государственном предприятии и, главное, лишает коллектив заинтересованности в расширении выпуска экспортной продукции.

Мы за многие годы привыкли считать «задним числом». Поработаем, потом посчитаем, что получилось. При надобности скорректируем один-другой показатель. Если с убытком сработали, знали — не велика беда, за счет казны покроем. Нынче же каждый думающий хозяйственник знает, что в условиях хозрасчета нельзя существовать без тщательных расчетов на перспективу, без экономической обоснованности сегодняшних и завтрашних действий. Но все расчеты и выработанная хозяйственная стратегия могут оказаться мыльным пузырем при неожиданном появлении очередного указания сверху. Вот лишь один пример.

Еще недавно на комбинате знали, что выпуск новых видов мебели — дело, не только нужное покупателям, но и выгодное для коллектива. Ведь свыше 40 процентов полученной прибыли от выпуска и реализации изделий с индексом «Н» комбинат перечислял в фонд развития предприятия и в фонд социального развития. Делали мы так в соответствии с действовавшей инструкцией. Исходя из планируемых доходов планировали расходы — расширили жилищное строительство, подготовили ряд мероприятий по реконструкции производственных участков. И здесь на полном ходу вдруг команда: «Стоп». В середине года предыдущая инструкция аннулируется, в силу вступает новая. Согласно ей, выпуск изделий с индексом «Н» остается выгоден лишь предприятиям легкой и местной промышленности, где порядок отчисления остается прежним. Нам же надлежит получаемую прибыль отдавать в бюджет и более того — произвести перерасчет и вернуть то, что оставляли себе в соответствии с ранее действовавшей инструкцией. Подобные дела, по-моему, сродни беззаконию.

А. Матулявичус. Полностью согласен с данной оценкой. Я везде говорю: нельзя запущенный механизм останавливать на ходу или резко менять его ход, поскольку подобные действия чреваты катастрофой. Да, мы не привыкли серьезно и ответственно относиться к экономическим катастрофам по той причине, что все просчеты и ошибки, как правило, покрывались за счет государственной казны. Я понимаю, что изменение порядка распределения прибыли от выпуска изделий с индексом «Н» не обернется для комбината «Вильнюс» бедой столь большого масштаба, однако уверен, что в связи с этим у предприятия будет немало проблем. Придется объяснять рабочим причины срыва строительства жилья. Или же, не допустив этого, «латать» образовавшиеся в фонде «дыры» за счет других, тоже нужных и немаловажных дел. Вот почему необходим порядок, охраняемый законом, при котором установленные нормативы (объективны они, обоснованы ли — это другой вопрос) в течение хотя бы пяти лет должны оставаться неизменными.

А. Бразаускас. Анализируя иные инструкции, распоряжения, указания, рождающиеся в ведомственных верхах, приходишь к выводу, что создатели этих бумаг решают главным образом задачу поддержания собственной значимости. Чтобы не остаться не у дел, бюрократ готов придумать массу способов напомнить о себе. И ему безразлич-

но, что на согласование, получение виз, разрешений, подписание писем теряется время, а вместе с ним в условиях хозрасчета и деньги.

К примеру, промышленность Литвы не выпустила свыше 16 тысяч телевизоров, предусмотренных планом. Причина срыва — в недоставках конденсаторов из-за пределов республики. Хорошее предприятие, чья продукция широко известна, не по своей вине оказалось в отстающих. Срочно стали искать выход из создавшегося положения. Выяснили, что конденсаторы можно закупить в Польше или Венгрии, причем почти втрое дешевле, чем на внутрисоюзном рынке. Казалось бы, по-хозяйски, а на это и нацелен новый экономический механизм, надо срочно провести операцию по товарообмену, отдав небольшое количество телевизоров, получить неизмеримо большее количество конденсаторов. И тем самым предоставить заводу работать в полную силу.

Но нет. Так было бы слишком просто. Вопрос, который и можно и должно решить на уровне предприятия, «пошел» по лабиринту ведомственных согласований. А пока инстанции решают, как быть, недоставка телевизоров, товаров, столь нужных сегодня на нашем рынке, отнюдь не становится меньше.

Сталкиваясь с подобными вещами, я каждый раз удивляюсь, сколь многолики элементы, составляющие возникшее явление, очень правильно названное механизмом торможения. Пожалуй, ни у кого, кто внимательно изучил партийные документы о перестройке советской экономики, резолюции XIX партийной конференции, нет сомнения, что выработанный путь единственно правильный. Тем более обидны сбои, происходящие по чьей-то некомпетентности или равнодушию.

А. Баканас. По-моему, обсуждая сегодня вопрос, «работает или не работает Закон о государственном предприятии (объединении)», не следует упускать из виду и тот факт, что трудовым коллективам, руководителям промышленности еще предстоит научиться с помощью Закона отстаивать свои права, защищать интересы. Научиться строить производственные отношения в условиях демократии.

Давайте еще раз вспомним, о чем гласит Закон применительно к взаимоотношениям предприятий с вышестоящим органом:

«Министерство, ведомство, другой вышестоящий орган может давать предприятию указания только в соответствии со своей компетенцией, установленной законодательством. В случае издания министерством, ведомством, другим вышестоящим органом акта, не соответствующего его компетенции, либо с нарушением требований законодательства предприятие вправе обратиться в государственный арбитраж с заявлением о признании такого акта недействительным полностью или частично.

Убытки, причиненные предприятию в результате выполнения указания вышестоящего органа, нарушившего права предприятия..., подлежат возмещению этим органом. Споры по вопросу возмещения убытков решаются государственным арбитражем».

Многие факты, о которых сегодня идет речь, далеко не бесспорны с точки зрения Закона о государственном предприятии. Значит, права сторон могла быть определена незаинтересованной инстанцией. Но я специально интересовался: в госарбитраж от предприятий не поступало ни одной претензии на необоснованность действия вышестоящих организаций. А ведь они могли быть и должны быть, если мы действительно намерены отлаживать хозяйственный механизм под эгидой принятого Закона.

В. Стасконис. Полностью согласен с коллегой. Бесспорно, трудно

ломать годами формировавшиеся отношения предприятий с министерствами, когда каждый из подчиненных знал, что с начальством лучше не спорить. Однако делать это надо. Надо спорить, отстаивать свою правоту, вооружившись для этого положениями Закона. Хотя, если быть откровенным до конца, и такой путь не всегда может привести к желаемому результату. Посмотрите, что происходит: тот же госарбитраж получил указание не рассматривать иски предприятий по поводу объемов размещенных госзаказов...

В. Чепас. Вот и получается: на мебельном комбинате «Вильнюс» госзаказ составляет 100 процентов производственных мощностей, что явно не вписывается в логику новых методов управления экономикой. Но тем не менее ни обжалованию, ни обсуждению сей факт не подлежит.

В. Стасконис. По мнению многих юристов, помощь в повышении действенности Закона о госпредприятии могла бы оказать и прокуратура. В самом деле, почему бы органам прокуратуры не взять под контроль разрабатываемые нормативные акты, издаваемые приказы и инструкции, следить за тем, соответствуют ли они Закону, не противоречат ли его требованиям?

«ЧиЗ». Мы спрашивали у многих: «В условиях хозрасчета, финансовой самостоятельности предприятий в случае неповиновения последних есть ли у тех же министерств возможность поставить на место «строптивых»?» Ответ всегда был положительным. Да и трудно пока ему быть другим. Хотя в Законе о государственном предприятии (объединении) записано, что «материально-техническое обеспечение предприятия осуществляется исходя из необходимости его эффективной и ритмичной работы... В порядке оптовой торговли предприятие приобретает без лимитов (фондов) материальные ресурсы в соответствии со своими заказами на основе договоров», вопросы материально-технического снабжения на сегодняшний день остаются острейшими. «Кому дать?», «Сколько?», «Кто может и подождать?» — это по-прежнему решается в вышестоящих инстанциях, и каждое решение зависит от многих факторов, в том числе и субъективного порядка...

А. Матулявичус. У снабженцев-хозяйственников за прошлые годы выработались определенные навыки выбивания, доставания, проталкивания. И пока ни от одного из обретенных методов не отказываемся. По-прежнему материально-техническое обеспечение решается одним путем — достаем. Достаем сырье, оборудование, инструмент.

В. Чепас. Я много лет проработал в промышленности, трудно, наверное, упрекнуть меня в незнании производства. Однако я отказываюсь понимать некоторые явления, с которыми приходится сталкиваться. Вот тому пример. Часть государственного заказа из-за необеспеченности предприятия сырьевыми ресурсами является «воздухом». Заполнение этого воздуха требует, как и раньше, и усилий, и умения «решать вопрос». Далее. Мебельному комбинату определено задание по выпуску мебели и отдельной строкой — задание по выпуску непродовольственных товаров. Для меня это задание — тайна за семью печатями. Во-первых, установленные объемы настолько необоснованны, что являют собой ярчайший пример пресловутой «среднепотолочной цифры», которой, казалось бы, уже не может быть в нашей жизни. Во-вторых, комбинат не обеспечен сырьем для выпуска неведомых «непродовольственных товаров». «Делайте из отходов», — советуют мне порой. А у нас нет отходов. Мы полностью собираем

даже опилки, брикетируем их и с большим успехом поставляем брикеты на экспорт. Кроме того, я считаю, что при правильном положении дел основное производство не может давать отходы, позволяющие наладить еще одно производство.

Словом, предприятие не в состоянии сделать «из ничего» «известно что». Однако сделает. Путем некоторой отчетной манипуляции. Правда, задание будет выполнено не полностью — мебель, выпущенную сверх плана, мы засчитаем «непродовольственным товаром», тем более она и впрямь не хлеб и не картошка.

Вот мне и непонятно: долго ли мы будем еще жонглировать цифрами, разделяя положение дел на вариант действительный и вариант отчетный.

Необеспеченность сырьем, необходимыми средствами производства во многом мешает укреплению хозрасчета. Подобное положение дел является причиной и того, что ряд статей Закона пока еще не может «работать» в полную силу. Так, оптовая торговля материальными ресурсами и средствами производства, на мой взгляд, невозможна в условиях дефицита, который пока довольно прочное место занимает в сфере экономики.

В ходе перестройки методов управления экономикой возникают вопросы, о которых следует думать заблаговременно, предвидеть последствия, которые могут оказаться нежелательными. Так, мы недавно провели анализ изменения цен на оборудование для мебельной промышленности и пришли к выводу, что незначительные изменения в станках и машинах, не приводящие к росту производительности труда, сопровождаются весьма значительным повышением цены. За примером не нужно ходить далеко. Пресс ДА-4436 за восемь минувших лет прошел своеобразный путь совершенствования: его оснастили ненадежной электроникой, которую в девяти случаях из десяти мебельщики немедленно демонтируют, однако цена его при этом стала в два раза большей. Пресс, увы, не исключение, цены на оборудование стабильно растут, производительность и техническое совершенство остаются прежними.

Понятно, что в условиях хозрасчета, неся более высокие затраты, предприятие вынуждено чем-то их компенсировать. Но чем? Увеличением розничной цены своей продукции? Вряд ли это желательный выход для нашего социалистического рынка.

Эти нюансы, на мой взгляд, должны быть учтены при переходе к оптовой торговле. Нельзя допустить, чтобы высокие цены на оборудование, обусловленные ограниченностью выбора и отсутствием конкуренции, укрепляли и без того прочный диктат производителя. Надо, видимо, постоянно помнить, что Законом о государственном предприятии определено: «Требования потребителя обязательны для предприятия, а их полное и своевременное удовлетворение — высший смысл и норма деятельности каждого трудового коллектива».

А. Бразаускас. Организация оптовой торговли материальными ресурсами и средствами производства позволит многие положения Закона о государственном предприятии из декларации превратить в действенный инструмент перестройки хозяйственного механизма.

Литовская ССР выступает одним из активных инициаторов организации оптовой торговли. Уже сегодня потребность народного хозяйства республики в различных материальных ресурсах удовлетворяется через оптовую торговлю, ее объемы планомерно растут. Однако, действительно, расширяя оптовую торговлю, мы одновременно сталкиваемся с возникновением негативных явлений, последствия ко-

торых весьма чреватых. Так, заметно уменьшилось на внутрисоюзном рынке количество запасных частей, комплектующих деталей — изделий, явно «невыгодных» с точки зрения производителя.

В результате в 1987 году станкостроители Литвы вынуждены отказать от выпуска продукции высокого технического уровня и вернуться, как говорится, во вчерашний день. Все дело в том, что нужной для станков комплектации никто не производит, и по каналам оптовой торговли ее приобрести невозможно. Раньше выпуск нового оборудования предусматривал размещение производства необходимых комплектующих узлов на предприятиях различных отраслей. А как быть сегодня? Я не знаю ответа на этот вопрос. Но определенно знаю, что уже сегодня отказ от производства ряда новых, технически совершенных изделий из-за отсутствия комплектующих — явление в литовской промышленности нередкое.

Диктат производителя будет устранен не так быстро, как нам хотелось бы. Но топтаться на месте или ходить уже пройденными дорогами лишь потому, что рынком правит дефицит, не дело. Так мы долго еще будем находиться в этом порочном круге.

Видимо, на первом этапе внедрения оптовой торговли нельзя полностью отказываться от элементов централизованного распределения, органам Госснаба следует сохранить определенные формы управления рынком, не допуская ситуаций, при которых исчезают нужные виды продукции, комплектующих деталей, запасных частей.

«ЧиЗ». В настоящее время жизнь и труд рабочих коллективов регламентируются двумя законами — о трудовом коллективе и о государственном предприятии (объединении). Одна из главных особенностей этих актов заключена в том, что дальнейшее развитие экономики, общественного производства должно быть неразрывно связано с расширением демократии, повышением гражданской активности рабочих, ответственности каждого за результаты труда коллектива. Однако многие вопросы, которые были подняты в сегодняшнем разговоре, как правило, рассматривались с двух точек зрения — предприятия (вернее — его администрации) и вышестоящей организации. А допустима в нашей жизни ситуация, при которой совет трудового коллектива, например, решил бы отказать министерству в передаче валюты, не согласился бы с размером отчислений от прибыли, с объемом госзаказа, не обеспеченного сырьевыми ресурсами?

В. Чепас. Думаю, что пока такая ситуация возможна лишь теоретически. Дело в том, что роль совета трудового коллектива в управлении производством еще полностью не определена, статус, которым наделен совет, обозначен нечетко.

Противоречия вызывают сами положения Закона о государственном предприятии (объединении). С одной стороны, «руководитель предприятия... руководит всей деятельностью и организует работу предприятия. Он несет ответственность за результаты работы предприятия перед государством и трудовым коллективом». Но тот же Закон гласит, что «решения совета трудового коллектива... обязательны для администрации и членов коллектива». Согласитесь, трудно сочетать ответственность перед государством и коллективом с обязательной подчиненностью решениям совета. И пока на практике так, за ошибку и просчет ответ держит директор.

А. Магулявичус. Взаимоотношения руководителя и совета трудового коллектива — вопрос непростой, и прав Вацлав Антанович, говоря о некоторой двойственности положения обеих сторон. У нас на

объединении советом трудового коллектива руководит рабочий. Я член совета. Но поскольку коллектив избирает руководителя, то не логичнее ли этому руководителю и возглавить совет? Если же совет является контролирующим органом, перед которым отчитывается директор и администрация, то есть ли необходимость в выборах руководителя предприятия? Пусть совет назначает, хотите — нанимает директора, контролирует работу. Возможно, мнение мое субъективно, однако, мне кажется, такая расстановка сил принесет больше пользы, особенно на первом этапе внедрения новых методов хозяйствования.

Должен заметить, что с созданием совета трудового коллектива работать в контакте с новым органом управления стало интересно, да и легче, пожалуй. Рассмотрение и утверждение сметы, отчет подразделений по итогам внедрения хозяйственного расчета, ход выполнения коллективного договора — таковы лишь некоторые повестки дня заседаний совета. Именно совет трудового коллектива, когда потребовалось, помог поправить положение дел в отделе охраны труда и техники безопасности. На одном из последних заседаний решали, покупать ли директору «Волгу». Решили купить. И на сей раз обошлись без согласия министерства.

Но все же, думаю, что совету трудового коллектива под силу решать более сложные, ответственные вопросы, ему надлежит стать настоящим хозяином на производстве. Тем более что такая возможность ему предоставлена Законом. Именно совету трудового коллектива следует решать вопросы приема и увольнения, да и производственные конфликты с большей долей объективности может рассмотреть именно совет. Но здесь возникает новая проблема. Действующее трудовое законодательство должно быть органично увязано с Законом о государственном предприятии (объединении), в нем необходимо учесть принципы хозяйственной самостоятельности коллективов и демократическую основу их деятельности.

В. Чепас. К сожалению, регулярно рождающиеся в недрах ведомств инструкции вносят поправки к Закону. Так, комбинату установлен план... по числу людей, направляемых на курсы повышения квалификации. Абсурд, честное слово, получается. В Законе сказано, что совет трудового коллектива решает вопросы подготовки и повышения квалификации кадров, а здесь — план, выполнение которого взято под контроль «наверху». На отраслевые курсы повышения квалификации в Свердловск мы уже не знаем кого посылать. «За что?» — спрашивают люди, расценивая направления как наказание. И в самом деле, тот, кому нужно, прошел курс обучения. Но есть ли, нет ли потребности, разрядка на очередных «рекрутов» для учебы приходит регулярно.

Я уже цитировал, что по этому поводу говорит Закон. Но очень важно нам всем вместе добиться, чтобы каждое разумное слово стало наконец делом. И я считаю, что совету трудового коллектива под силу решение многих вопросов — горячих, больных. Уверен, решение не будет противоречить интересам и коллектива, и государства.

А. Матулявичус. Сегодняшний разговор еще раз убеждает меня в том, что частичных мер в перестройке экономики быть не может. Я вспоминаю 1983 год, когда мы с опаской, недоверием подходили к хозрасчету. И Госплан, и министерство в то время агитировали нас: «Пробуйте. Рискуйте. Ищите». Мы выбрали хозрасчет, и убеждены теперь в своей правоте. Вот только ни я, ни мои коллеги не могут найти объяснения происшедшей «смене ролей». Сейчас мы, про-

изводственники, обрели большую смелость, чем наши вышестоящие инстанции, мы заметно выросли, если судить по принимаемым решениям, получаемым результатам. Но скажу прямо: очень недостает нам реальной помощи экономической науки. Сегодня, как никогда, нужны активный обмен мнениями, деловые дискуссии. Нужно совместно искать ответы на ежедневно возникающие вопросы. Июньский (1987 г.) Пленум ЦК КПСС наметил основные направления перестройки экономики. Наполнить их конкретным опытом, претворить в конкретные дела предстоит всем нам — министру, директору, рабочему.

От редакции. На многих предприятиях промышленности Литвы не первый год существует правило: работать не в ущерб ни себе, ни государству, и быть хозяином на том участке, который тебе поручен. Подтверждение тому — результаты трех лет нынешней пятилетки, о которых сказал выше секретарь ЦК Компартии Литвы А. Бразаускас. В сегодняшнем нашем разговоре принимали участие руководители рабочих коллективов, чей труд известен за пределами республики. Мебельный комбинат «Вильнюс» — неоднократный победитель Всесоюзного социалистического соревнования. Инициатива коллектива по увеличению выпуска продукции высокого качества в свое время была одобрена ЦК КПСС. У производственного объединения культтоваров «Неринга» давно сложилась репутация поставщика добротных, современных, нужных товаров.

Этим предприятиям, как и ряду других, право, есть, что сказать о своих достижениях, поделиться опытом и планами. Но наш разговор намеренно остался в рамках нерешенных проблем, причин сбоев, происходящих в становлении хозрасчета, пассивности Закона о государственном предприятии (объединении). Потому как все участники «круглого стола» понимают, что от того, насколько быстро и эффективно будут устранены эти причины, во многом зависит успех начатых экономических преобразований.

Беседу за «Круглым столом» вели наши специальные корреспонденты Ирина Старостина и Петр Моргунов.

НЕДОБРЫЙ ПОСЕВ

Трагические события последних лет на наших стальных магистралях никого не могут оставить равнодушным. В 1987—1988 годах аварии и крушения унесли более двухсот жизней, нанесли ущерб, исчисляемый многими миллионами рублей. К тому же эти небывалые по тяжести последствий железнодорожные происшествия обнаружили серьезные просчеты в обеспечении безопасности движения.

Всякий раз, когда разговор заходит о безопасности движения, в МПС первым делом указывают на состояние стальной колени и подвижного состава. В подтверждение, например, недавно были приведены такие данные. Почти треть рельсов главного пути выработала ресурс надежности. Четвертая часть мостов имеет опасную «усталость» конструкций и более низкую, чем требуется, грузоподъемность. В эксплуатации находится значительное число отслуживших свой срок вагонов и локомотивов.

При этом ссылаются на плохое материально-техническое снабжение отрасли. Ее основные потребности Госплан удовлетворяет чуть ли не наполовину. Но и обещанный «скудный паек» промышленность не обеспечивает. Лишь за минувшие три года железным дорогам недоставлено 190 электровозов и 440 секций тепловозов, 467 пассажирских и 9,5 тысячи грузовых вагонов, 1100 километров рельсов и 13 миллионов шпал.

И все же дело не столько в технических средствах, сколько в людях — важнейшем звене системы обеспечения безопасности движения. В этом убеждает анализ аварий и крушений последнего времени. В сущности, они эхо недооценки человеческого фактора, недостаточного к нему внимания на протяжении многих лет.

РЯДОВАЯ ГЛАВНАЯ ФИГУРА

Скажем, машинист всегда раньше считался едва ли не самой значительной фигурой на железнодорожном транспорте. Однако в 60-х годах была допущена серьезная недооценка этой профессии. С тех пор она стала рядовой, и престиж ее снизился. В результате качественный состав локомотивных бригад ухудшился.

— Престижность профессии машиниста манила, — вспоминает заместитель начальника локомотивного главка МПС В. В. Яхонтов. — В желающих освоить ее недостатка не испытывали. Было из кого выбирать, и в обучение брали самых подходящих. А потом пришлось агитировать, зазывать, и ничего не оставалось, как принимать почти каждого, кто откликнулся. В итоге 43 процента ныне работающих в локомотивных бригадах профессионально непригодны по психофизиологическим данным.

Конечно же, не каждый годится для этой профессии. Даже у здорового человека может быть склонность к укачиванию, замедленная реакция, недостаточное хладнокровие. Но людям с такими качествами дорогу в машинисты надо преграждать. Ведь в рейсе приходится подолгу концентрировать внимание, выполнять непро-

стые задачи в быстро меняющейся обстановке, мгновенно принимать решения и их реализовывать, словом, выдерживать огромные перегрузки на нервную систему.

Профессиональный отбор у железнодорожников должен стать таким же обязательным, как у летчиков и моряков. И это необходимо узаконить. А прибор психофизиологической проверки для машинистов уже создан. Опытные образцы успешно прошли испытания. Остается лишь проявить МПС заинтересованную настойчивость в его быстрейшем серийном выпуске и внедрении на дорогах.

К негативным последствиям привело также уравнивание машинистов в оплате труда с другими массовыми профессиями на транспорте. Снизился уровень квалификации, ухудшилось отношение к делу и вверенной технике. И хотя в последние годы поправили материальное стимулирование локомотивных бригад, ошибка прошлого до сих пор дает о себе знать.

Только в прошлом году треть аварий и крушений произошла из-за низкой трудовой и исполнительской дисциплины локомотивных бригад. Вспомнить, к примеру, катастрофу близ станции Термез Среднеазиатской дороги. С рельсов сошел пассажирский поезд Москва — Душанбе. Один пассажир погиб и 14 госпитализировали. Причина — машинист втрое превысил скорость на участке, где она была ограничена, о чем имел письменное предупреждение.

Немало брака в поездной и маневровой работе было вызвано несправностями подвижного состава. И часть их обоснованно отнесена на счет некачественного ремонта. Однако в основном они на совести локомотивных бригад, допустивших при эксплуатации порчу электровозов и тепловозов. Наиболее убедительные факты могут представить Азербайджанская, Закавказская и Кемеровская дороги.

Причина же порчи локомотивов главным образом в недостаточной профессиональной грамотности и беспомощности в сложной ситуации машинистов. Поэтому их подготовку и повышение квалификации необходимо коренным образом усовершенствовать. Решение этого вопроса сторицей окупится в поездной работе, обернется снижением аварийности на стальных магистралях.

Подтверждением тому может служить опыт Донецкой дороги. Здесь подготовка кадров и повышение их квалификации организованы на высоком уровне. Для теоретических занятий имеется новейшая литература и наглядные пособия, для практических — современные тренажеры. Конечный результат — работа без брака и аварий абсолютного большинства локомотивных бригад в течение многих лет.

— Серьезным просчетом в обеспечении безопасности движения, — рассказывает В. В. Яхонтов, — представляется недооценка нарушений режима труда и отдыха локомотивных бригад. Это особенно ярко высветил 1987 год. Тогда почти повсеместно резко увеличилось количество сверхурочных часов, случаев переработки и нерегулярного предоставления выходных дней.

В среднем на сети дорог сверхурочные машиниста за год достигли 180 часов при допустимом максимуме 120. А на некоторых магистралях превышение норматива оказалось намного большим. Тем самым было поправлено «Положение о рабочем времени и времени отдыха работников железнодорожного транспорта». Действия администрации пришли в противоречие с трудовым законодательством.

Как же на это реагировали профсоюзные организации, призван-

ные защищать интересы трудящихся? В основном никак. Поначалу кое-где профкомы, сознавая опасность последствий, не соглашались на чрезмерные сверхурочные локомотивных бригад. Однако строптивых МПС быстро утихомирило, заручившись поддержкой ЦК профсоюза рабочих железнодорожного транспорта и транспортного строительства.

Но может, будучи в курсе событий, вмешалась транспортная прокуратура? Куда там. Сработал стереотип мышления — привлекать к ответственности лишь за нарушение правил безопасности, а не за принуждение к этому. А пора бы. Может, тогда и помогли бы предотвратить беду.

Словом, никто не защитил локомотивные бригады от самоуправства и беззакония. Непомеренные сверхурочные превратились в систему. У машинистов накапливалась усталость. Участились различного рода нарушения. И возшел недобрый посев обильными всходами аварий и крушений.

Одна из таких трагедий разыгралась на перегоне Гардабани — Кясик Закавказской железной дороги. Грузовой состав, проехав красный сигнал, на высокой скорости врвался в хвост пассажирского поезда. Погибли машинист товарняка Е. Джюев, его помощник С. Блуашвили, 30 пассажиров.

Как установило расследование катастрофы, Е. Джюев и С. Блуашвили заснули на посту во время рейса. Сказалась накопившаяся усталость. Первый из них лишь в ноябре отработал более 100 сверхурочных часов, второй — около 800 за 11 месяцев.

Впрочем, в депо Тбилиси-Сортировочный другие трудились еще и не так. Были машинисты, у которых годовые сверхурочные доходили до 1200—1400 часов. В целом на Закавказской дороге годовая переработка локомотивных бригад превышала 900 тысяч часов. Нередко люди находились в рейсе до 20 часов при нормативном максимуме 12. Чему же удивляться, если только в пределах Тбилисского отделения произошло 5 крушений и 2 аварии.

ДИСПЕТЧЕР, КТО ОН?

В том, что приходится работать на износ, локомотивные бригады винят в первую очередь диспетчеров. Мол, они не способны или не хотят организовать четкий ритм перевозочного конвейера. Вот, дескать, и приходится машинистам отдуваться за бесконечные сбои в графике движения поездов.

Между тем раньше эти две ведущие на транспорте фигуры, что называется, жили душа в душу. И тому вот какое объяснение. Когда-то так повелось, что диспетчерами обычно становились отслужившие свое машинисты. Они прекрасно знали условия и особенности поездной работы, возможности локомотивов и их водителей. Поэтому конфликты между ними были редкостью.

В последние годы диспетчерские вакансии замещает в основном молодежь с вузовскими дипломами. Специальность есть, а опыта поездной работы не хватает. Вот и раздается нередко совсем не лучшей командой. Машинисту в пути, естественно, приходится их корректировать, вступая в спор. А это к тому же отвлекает от наблюдения за дорогой, что всегда чревато непредсказуемыми последствиями. По данным МПС, нарушения регламента переговоров дают свыше 30 процентов проездов запрещающих сигналов.

— Взаимопонимание и четкое взаимодействие диспетчера и ма-

шиниста — необходимое условие безопасности движения на стальных магистралях, — утверждает заместитель начальника главка перевозок МПС А. Д. Чернюгов. — Диспетчеры должны хорошо знать каждого в локомотивных бригадах, вплоть до особенностей характера, досконально разбираться в поездной обстановке, встречаться, чтобы вместе решать общие трудные вопросы.

Хорошие слова. Только пока маловато этого взаимопонимания и четкого взаимодействия. Недостаточно взвешенные диспетчерские распоряжения нередко становятся чуть ли не обыденным явлением. Многие машинисты смирились с беспорядками в движении и действуют, что называется, на свой страх и риск. А чем это порой кончается сегодня, все хорошо знают.

Разумеется, есть на дорогах образцовые диспетчерские коллективы. Но почему-то распространение их передового опыта вышло из моды. А хорошо бы возобновить эту добрую традицию. Ведь, наверно, не бесполезно делать широким достоянием виртуозное мастерство управления транспортным потоком.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ИНТЕРЕС

Больше всего аварий и крушений (примерно 35 процентов от общего числа) ежегодно в последние несколько лет происходят из-за плохого содержания и ремонта пути. По этой причине, например, в прошлом году с рельсов сошло 4 пассажирских поезда (на Азербайджанской, Закавказской и Октябрьской дорогах), не считая грузовых. В том числе всем памятная катастрофа близ станции Бологое, в результате которой погибли 26 пассажиров и более ста ранено.

После каждой такой трагедии выезжают на место происшествия правительственная и министерская комиссии, ревизоры по безопасности движения, сотрудники транспортной прокуратуры. Составляются протоколы, пишутся отчеты, проводятся многочисленные расследования. Но во всей этой кипучей деятельности не проявляется должного человеческого интереса к рядовым сотрудникам службы пути.

И невольно хочется привести слова заместителя министра путей сообщения Г. И. Козлова:

— При выполнении трудоемких работ по техническому содержанию пути преобладает ручной труд. Взятый курс на механизацию этих работ реализуется медленно. Непривлекательность и тяжесть труда путейцев создают серьезные затруднения в укомплектовании кадров этой профессии. Здесь предстоит решить крупные вопросы в социальном плане.

Заметьте, только еще «предстоит решить»... А ведь условия труда и быта железнодорожников играют не последнюю роль в обеспечении безопасности движения. Вряд ли повышает рабочее настроение монтеров стальной колеи обстановка, скажем, в восьмом околке дистанции пути Саратов-2. Выделенное им помещение всего в 6 квадратных метров служит одновременно раздевалкой, столовой и складом для инструмента. Чтобы попить или умыться, воду надо таскать в ведрах со станции. О стирке спецодежды и душевой лишь мечтать можно.

И таких примеров немало. А бездушное отношение к людям, их нуждам порождает безразличие к работе, расхлябанность, даже безответственность. И это имеет место не только у путейцев, но и у железнодорожников других специальностей.

Но есть на железнодорожном транспорте разновидность безответственности и пострашнее, чем недобросовестный труд. Она в появлении на работе с остаточными признаками алкоголя, а то и вовсе под хмельком. На любом производственном участке стальных магистралей выпивохи опасны, но особенно в перевозках.

Как же здесь обстоит дело?

— Плохо, — признал начальник локомотивного главка МПС А. Н. Кондратенко на сентябрьском кустовом совещании машинистов в Ярославле. — Только за 7 месяцев 1988 года отстранены от работы по признакам алкогольного опьянения 231 машинист и 707 помощников. Среди неблагополучных дорог Октябрьская, Свердловская и Восточно-Сибирская. На Одесской количество отстраненных машинистов возросло более чем в 3 раза. А «рекордсмен» тут — Горьковская.

Как же ведется борьба с «зеленым змием» на железных дорогах? Можно однозначно ответить: неудовлетворительно. А ведь арсенал правовых мер весьма внушителен. Увы, он используется не полностью и неэффективно. Скажем, за выход на работу с признаками алкогольного опьянения машиниста полагается лишить прав на управление локомотивом и даже уволить из депо. Вместо этого его обычно переводят на нижеоплачиваемую работу и то на короткий срок.

Нельзя не затронуть и вопрос о ревизорском аппарате. Ведь в отрасли ни одно учебное заведение не готовит специалистов по безопасности движения. Нет даже пособий по этому предмету. Ревизорами работают просто опытные железнодорожники. И можно понять, как подчас в сложнейших ситуациях бывает трудно без настоящих высококвалифицированных мастеров своего дела.

Другая трудность — в путях административной зависимости ревизоров. Как известно, ходят они под начальством, подчиненные которого нарушают безопасность движения. А на железнодорожном транспорте умеют защищать «честь мундира». Вот и приходится воевать с «ветряными мельницами».

Думается, сегодня уже всем ясно, что вневедомственный контроль эффективнее ведомственного. Опыт госприемки это убедительно доказывает. Так почему бы по аналогии не создать Государственный надзор за безопасностью движения на железнодорожном транспорте? Наделенный необходимыми полномочиями, такой аппарат лучше способствовал бы повышению надежности работы главного перевозочного конвейера страны.

На XIX партконференции было подчеркнуто, что человеческий фактор имеет первостепенное значение для успеха перестройки во всех отраслях экономики. Относится это и к железнодорожному транспорту, безотлагательная задача которого — стопроцентно обеспечить безопасность движения. Значит, для того чтобы ее успешно решить, надо не пожалеть сил для работы с людьми, всесторонней заботы о них.

Ю. ГРЕЧАНИК,
сотрудник пресс-центра МПС СССР

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВСЕОБУЧ: ОПЫТ. ПРОБЛЕМЫ

О порядке увольнения в связи с сокращением штатов, по достижении пенсионного возраста рассказывает В. Демин в статье «Если вас увольняют».

Супруги Гражданкины купили цветной телевизор. Но вскоре он сломался. Как его починить? А, может быть, лучше поменять? Ответ подскажет «Семейная хроника».

Вы дали деньги в долг, но вам их... не вернули. Как поступить? Читайте статью «Чтобы суд мог помочь».

Как «бороться» с алкоголиком? Речь об этом — в рубрике «От А до Я».

НОВОЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

РАБОТА ПО СОВМЕСТИТЕЛЬСТВУ

22 сентября 1988 года Совет Министров СССР принял постановление «О работе по совместительству».

В отличие от ранее действовавшего законодательства новый нормативный акт предоставляет рабочим и служащим практически неограниченные возможности работы по совместительству. Теперь каждый трудящийся, если пожелает, может в свободное от основной работы время работать по совместительству на любом государственном предприятии, в учреждении или организации. Это стало возможным после введения в действие Закона о государственном предприятии (объединении), а точнее, после перехода производства и многих организаций на хозяйственный расчет. Ибо появился сти-

мул для «счета денег», так как их разбазаривание стало бить по карману трудового коллектива. А следовательно, появилась база для общественного контроля за тем, как работает совместитель: сохраняется ли он высокий уровень эффективности труда на основной работе, добивается ли позитивных результатов на работе по совместительству.

В постановлении указывается, что оно принимается в целях создания рабочим и служащим условий для дополнительного участия в общественном производстве в свободное от основной работы время. Вместе с тем предоставление предприятиям и организациям права практически не ограниченной возможности привлечения нужных специалистов на работу по совместительству создает благоприятные условия для успешного выполнения поставленных перед производством задач. Это может относиться, например, к проведению ремонтных или пуско-наладочных работ при установке нового оборудования, когда нужны специалисты высокой квалификации или, наоборот, необходимо выполнение большого объема ручного труда. Или такой пример. Сегодня все предприятия и организации перейдут на хозрасчет, а это значит, что намного увеличится количество хозяйственных договоров, то есть возрастает значение права, а отсюда и роль юрисконсульта. Однако в стране много небольших предприятий и организаций, где объем правовой работы небольшой и не всегда есть необходимость, да и возможность иметь юрисконсульта. Так вот, в таком случае безусловно рационально привлечение совместителя.

Но постановление все же устанавливает некоторые ограничения. Прежде всего совместительство допускается только на одном предприятии (в объединении), в учреждении и организации в свободное от основной работы время. Другими словами, нельзя работать по совместительству на двух, трех и т. д. предприятиях.

Хотя для работы по совместительству согласия администрации и профсоюзного комитета предприятия, организации не требуется, однако в отношении работников отдельных профессий и должностей с особыми условиями и режимом труда, дополнительная работа которых может повлечь за собой последствия, отражающиеся на состоянии их здоровья и безопасности производства, администрацией и профсоюзным комитетом могут вводиться ограничения.

Ограничения также распространяются на лиц, не достигших 18 лет, и беременных женщин. Не допускается занятие двух руководящих должностей.

Продолжительность работы по совместительству не может превышать четырех часов в день и полного рабочего дня в выходной день. Причем общая продолжительность работы по совместительству в течение месяца не должна превышать половины нормы рабочего времени.

Оплата труда совместителей производится за фактически выполненную работу, причем заработок совместителя не увязывается с его заработной платой по основному месту работы.

Л. КАРАТЕЕВ

ЕСЛИ ВАС УВОЛЬНЯЮТ

В пятом и шестом номерах журнала за 1988 год читатели могли познакомиться с изменениями и дополнениями, внесенными в Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о труде и КЗоТ РСФСР Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 февраля 1988 года и Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 5 февраля 1988 года.

За истекшее время сложилась определенная практика применения нового законодательства, были утверждены соответствующие разъяснения Государственного комитета СССР по труду и социальным вопросам, внесены изменения и дополнения в постановление Пленума Верховного Суда СССР от 26 апреля 1984 года «О применении судами законодательства, регулирующего заключение, изменение и прекращение трудового договора».

По просьбам читателей мы расскажем о практике применения отдельных новых положений трудового законодательства, ответим на вопросы, содержащиеся в почте журнала.

Трудовой договор с рабочими и служащими, достигшими пенсионного возраста (ст. 10 Основ, см. ст. 17, 18¹ КЗоТ РСФСР)

В целях дальнейшего совершенствования подбора, расстановки и обновления кадров, правильного сочетания опытных и молодых работников администрация предприятия имеет право совместно с профсоюзным комитетом сохранять трудовые отношения с рабочими и служащими, достигшими пенсионного возраста, если они работают добросовестно, с полной отдачей, имеют высокие результаты труда и пользуются заслуженным авторитетом в коллективе. Издания администрацией дополнительного приказа (распоряжения) о сохранении трудовых отношений в этих случаях не требуется.

По общему правилу трудовые договоры заключаются на неопределенный срок. В соответствии со статьей 10 Основ (ст. 17 КЗоТ РСФСР) срочный трудовой договор может быть заключен по соглашению сторон на определенный срок, но не более чем на три года, а также на время выполнения определенной работы.

Для отдельных случаев законодательством может быть установлен иной предельный срок трудового договора. Например, с работниками, достигшими пенсионного возраста и имеющими необходимый стаж для назначения полной пенсии по старости, вместо договора на неопределенный срок по соглашению сторон может быть заключен (перезаключен) срочный трудовой договор на срок до двух лет (ст. 18¹ КЗоТ РСФСР). В этих случаях издается приказ о расторжении прежнего трудового договора и о заключении (перезаключении) срочного трудового договора с внесением соответствующих записей в трудовую книжку.

Законодательством установлена определенная категория работников, с которыми может заключаться трудовой договор на срок до двух лет. К ним относятся только те лица, которые достигли пенсионного возраста (мужчины — 60 лет, женщины — 55 лет) и имеют необходимый стаж работы (мужчины — не менее 25 лет, женщи-

ны — не менее 20 лет) для назначения полной пенсии по старости. С другими работниками, например, получающими пенсию по инвалидности, за выслугу лет, по старости на льготных условиях, такой срочный трудовой договор заключаться не может.

Трудовой договор, заключенный на определенный срок, может быть расторгнут по требованию работника досрочно только по основаниям, предусмотренным частью третьей статьи 16 Основ (ст. 32 КЗоТ РСФСР): в случае болезни или инвалидности работника, препятствующих выполнению работы по договору, нарушения администрацией законодательства о труде, коллективного или трудового договора и по другим уважительным причинам. Однако закон содержит лишь примерный перечень уважительных причин. Как же быть, если между работником и администрацией возникают разногласия в оценке уважительности причины, которая предьявляется как основание для досрочного расторжения трудового договора? В этом случае следует обратиться в органы, рассматривающие трудовой спор.

Лица, с которыми заключаются трудовые договоры на определенный срок, должны быть предупреждены о таком договоре. Прием на работу оформляется приказом (распоряжением) администрации предприятия, учреждения, организации, который объявляется работнику под расписку.

Срочный трудовой договор прекращается с истечением его срока. При этом не имеют значения фактические обстоятельства и причины, побудившие администрацию отказаться от перезаключения трудового договора на новый срок. Истечение срока договора является самостоятельным основанием для его прекращения. И расторжение трудовых отношений в данном случае не следует расценивать как увольнение по инициативе администрации. **Поэтому для увольнения при прекращении срочного трудового договора в связи с истечением его срока согласие профсоюзного комитета не требуется.**

Следует иметь в виду, что срочный трудовой договор, заключенный с лицами, достигшими пенсионного возраста и имеющими необходимый стаж для назначения полной пенсии по старости, не может быть расторгнут до истечения срока его действия по пункту 1¹ статьи 33 КЗоТ РСФСР. Однако срочный трудовой договор с указанной категорией работающих может быть расторгнут по инициативе администрации по другим основаниям, предусмотренным данной статьей.

**Запрещение расторжения трудового договора
по инициативе администрации без согласия
профсоюзного комитета предприятия, уч-
реждения, организации (ст. 18 Основ,
ст. 35 КЗоТ РСФСР)**

Согласно статье 18 Основ (ст. 35 КЗоТ РСФСР) расторжение трудового договора по инициативе администрации не допускается без согласия профсоюзного комитета предприятия, учреждения, организации, за исключением случаев, предусмотренных законодательством Союза ССР. Это требование применяется и тогда, когда трудовой договор с некоторыми категориями рабочих и служащих расторгается по инициативе администрации по дополнительным основаниям, предусмотренным действующим законодательством (при совершении работником, выполняющим воспитательные функции,

аморального поступка, несовместимого с продолжением данной работы, или в связи с виновными действиями работника, непосредственно обслуживающего денежные или товарные ценности, если эти действия дают основания для утраты доверия к нему со стороны администрации).

Суд, выявив, что увольнение работника произведено без согласия профсоюзного комитета предприятия, учреждения, организации, должен в соответствии со статьей 91 Основ (ст. 213 КЗоТ РСФСР) отложить рассмотрение дела до разрешения профсоюзным комитетом вопроса о даче согласия на расторжение трудового договора, назначить день нового судебного разбирательства и, если согласие профкома будет получено, продолжить разрешение спора. Следует иметь в виду, что в случае отказа в даче согласия на увольнение работника профсоюзный комитет принимает решение о восстановлении его на работе самостоятельно. Суд в таких случаях прекращает производство по делу на основании пункта 4 статьи 41 Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик. Таким же должен быть порядок разрешения возникшего спора и в тех случаях, когда решение принято профсоюзным комитетом в неправомочном составе.

Суд обязан отложить разрешение спора также при отсутствии согласия других органов, если оно требуется для увольнения некоторых категорий работников (соответствующего Совета народных депутатов, а в период между сессиями — его исполнительного комитета, вышестоящего профсоюзного органа, совета трудового коллектива, районной (городской) комиссии по делам несовершеннолетних, районного, городского, районного в городе комитета народного контроля и т. п.). После рассмотрения вопроса этими органами суд разрешает спор с учетом принятого ими решения.

Расторжение трудового договора по инициативе администрации подлежит согласованию с профсоюзным комитетом как коллегиальным органом. Согласование администрацией вопроса об увольнении работника с председателем профсоюзного комитета не может заменить решение профкома.

С представлением в профсоюзный комитет о даче согласия на расторжение с работником трудового договора может обращаться лишь должностное лицо, пользующееся правом приема и увольнения рабочих и служащих, или по его указанию другое должностное лицо, которому дано такое поручение руководителем предприятия, учреждения, организации в отношении конкретного работника, подлежащего увольнению.

Заседание профкома считается правомочным, если в нем участвовало более половины членов комитета (пункт 26 Устава профессиональных союзов СССР). Это требование должно соблюдаться и тогда, когда некоторые члены комитета находятся в отпуске, больны или временно отсутствуют по другим причинам. Постановления профсоюзного комитета, принятые при отсутствии необходимого кворума, следует рассматривать как несостоявшиеся.

Постановление профкома принимается большинством голосов членов комитета, присутствующих на заседании. Если, например, в заседании профкома, избранного в составе 15 человек, принимали участие 8 (кворум имеется), то для вынесения решения должно быть подано не менее 5 голосов. Если в приведенном примере за принятие решения о даче согласия на увольнение проголосовали четыре члена комитета, трое воздержались, один голосовал про-

тив, решение не может быть принято, так как большинство членов комитета его не поддержало.

В соответствии с Уставом профсоюзов СССР (пункт 2.5) член профессионального союза имеет право лично участвовать в профсоюзных собраниях (конференциях), заседаниях комитетов и советов профсоюзов, когда рассматривается вопрос о его деятельности или поведении. Профкомы должны обязательно приглашать на свое заседание работника, об увольнении которого рассматривается вопрос. Если же он, несмотря на своевременное приглашение, не явился на заседание без уважительных причин, профком может рассматривать вопрос в его отсутствие.

Получение согласия профкома на увольнение работника по определенному основанию дает право администрации расторгнуть трудовой договор, но не обязывает к этому.

В соответствии со статьей 35 КЗоТ РСФСР администрация вправе расторгнуть трудовой договор не позднее одного месяца со дня получения согласия профсоюзного комитета. При этом увольнение за систематическое неисполнение обязанностей, за прогул без уважительных причин, появление на работе в нетрезвом состоянии, в состоянии наркотического или токсического опьянения допускается в пределах одного месяца со дня обнаружения проступка, не считая времени болезни работника или пребывания его в отпуске, и не позднее шести месяцев со дня его совершения (ст. 136 КЗоТ РСФСР), а за совершение по месту работы хищения государственного или общественного имущества — в пределах одного месяца со дня вступления в законную силу приговора суда или вынесения постановления органом, в компетенцию которого входит наложение административного взыскания или применение мер общественного воздействия.

Временная нетрудоспособность работника и нахождение его в ежегодном отпуске не прерывают месячного срока, в течение которого администрация, получив согласие профсоюзного комитета (ст. 35 КЗоТ РСФСР), а в надлежащих случаях также совета трудового коллектива или вышестоящего профсоюзного органа (ст. 99 Основ, ст. 235 КЗоТ РСФСР), вправе расторгнуть трудовой договор.

Для увольнения по инициативе администрации работника, не являющегося членом профсоюза, а также нештатного работника требуется согласие профкома на общих основаниях.

Не допускается без согласия профсоюзного комитета колхоза увольнение по инициативе правления колхоза рабочих и служащих.

В тех случаях, когда работник увольняется по приказу (распоряжению) вышестоящей организации, также должно быть получено согласие профкома. Например, право приема, перевода, увольнения учителей предоставлено отделам народного образования, а не директорам школ. Однако согласие на увольнение учителя должно быть получено от профкома школы. Решения товарищеских судов, трудовых коллективов, ставивших перед администрацией вопрос об увольнении работника, также не освобождают администрацию от обязанности получить на увольнение согласие профсоюзного комитета.

Постановление профкома об отказе дать согласие на увольнение работника является окончательным и не может быть отменено вышестоящими профсоюзными органами. Администрация, получив отказ

профкома в даче согласия на увольнение работника, не имеет права перенести рассмотрение вопроса в народный суд.

По общему правилу, цеховым комитетам профсоюза не предоставлено право давать согласие на увольнение. Однако профсоюзные комитеты, имеющие права райкомов профсоюза, могут передавать цеховым комитетам профсоюза некоторые права, относящиеся к компетенции профкома (пункт 54 Устава профессиональных союзов СССР). В этих случаях согласование увольнения по инициативе администрации производится: с цеховым комитетом профсоюза — в отношении работников тех цехов и отделов, где цехкомом предоставлено право давать согласие на увольнение; с президиумом профсоюзного комитета — в отношении работников тех цехов и отделов, где цехкомы подобным правом не пользуются.

На предприятиях и в организациях, где профсоюзная организация объединяет менее 15 членов профсоюза и поэтому избирается не профком, а профорганизатор, согласие на увольнение работника по инициативе администрации дает профорганизатор.

Общие правила согласования с профкомом увольнения с работы по инициативе администрации распространяются и на случай увольнения по инициативе администрации работников в связи с достижением ими пенсионного возраста при наличии права на полную пенсию по старости (п. 1¹ ст. 17 Основ, п. 1¹ ст. 33 КЗоТ РСФСР).

Однако законодательством предусматриваются и исключения из общих правил увольнения по инициативе администрации. В случаях, предусмотренных законодательством Союза ССР, увольнение работников производится без согласия профсоюзного комитета. Без согласия профсоюзного комитета могут быть уволены по инициативе администрации: работники, должности которых указаны в Перечне № 1 приложения № 1 к положению о порядке рассмотрения трудовых споров; работники, должности которых указаны в Перечне № 2 приложения № 1 к указанному положению, если увольнение производится в связи с признанием их в установленном порядке не соответствующими занимаемой должности или в связи с неизбранием на новый срок (при увольнении указанных работников по другим основаниям необходимо согласие профкома); работающие по совместительству — с совмещаемой должности или работы; работники, увольняемые по уставом о дисциплине, если уставом о дисциплине не предусмотрено согласование увольнения с профкомом.

Не требуется согласия профсоюзного комитета на прекращение трудового договора в случаях увольнения работника: в связи с вступлением в законную силу приговора суда, которым он осужден к наказанию, исключающему возможность продолжения данной работы (п. 7 ст. 15 Основ, п. 7 ст. 29 КЗоТ РСФСР); в связи с направлением работника по постановлению суда в лечебно-трудовой профилакторий; в связи с нарушением администрацией установленных правил приема на работу (п. 4 ст. 106 Основ), поскольку во всех этих случаях трудовой договор прекращается не по инициативе администрации. Не требуется такого согласия и при увольнении работника в связи с ликвидацией предприятия, учреждения, организации.

Прекращение трудового договора не по инициативе администрации во всех случаях производится без согласия профсоюзного комитета. В частности, не требуется согласия профкома для увольнения лиц, работающих по срочному трудовому договору, временных и сезонных работников в связи с истечением срока договора (сезона).

Однако при их увольнении по инициативе администрации до истечения срока договора согласие профкома требуется.

Перевод на другую работу (ст. ст. 12, 13, 14 Основ, ст. ст. 24, 25, 26 КЗоТ РСФСР)

В соответствии со статьей 12 Основ (ст. 24 КЗоТ РСФСР) администрация не вправе требовать от работника выполнения работы, не обусловленной трудовым договором. В силу статей 12 и 13 Основ (ст. ст. 24 и 25 КЗоТ РСФСР) перевод на другую работу допускается только с согласия работника, за исключением временного перевода при производственной необходимости или простое (ст. 14 Основ, ст. 26, 27 КЗоТ РСФСР), а также перевода на другую работу (смещение на низшую должность) в качестве применения меры дисциплинарного взыскания (ст. 56 Основ, ст. 135 КЗоТ РСФСР).

Переводом на другую работу, требующим согласия работника, следует считать поручение ему работы, не соответствующей специальности, квалификации, должности.

Не считается переводом, требующим согласия работника, перемещение его на том же предприятии, в учреждении, организации на другое рабочее место, в другое структурное подразделение на территории предприятия, учреждения, организации, в пределах той же местности, поручение работы на другом механизме, агрегате в пределах специальности, квалификации или должности, обусловленной трудовым договором. Перемещение работника недопустимо, если оно противопоказано ему по состоянию здоровья. Если при перемещении существенно меняются условия труда, система и размер оплаты, режим работы, льготы и т. д., то о таких изменениях работник должен быть поставлен в известность не позднее чем за два месяца. В течение этого времени за ним сохраняется работа на прежних условиях. Начало перемещения следует исчислять после окончания двухмесячного срока предупреждения об изменении существенных условий труда. К тому же, если в результате перемещения в пределах специальности, квалификации или должности, обусловленной трудовым договором, у рабочего или служащего уменьшается заработок по независящим от него причинам, то ему в указанном случае производится доплата до прежнего среднего заработка в течение двух месяцев со дня перемещения.

Отказ рабочего или служащего продолжать работу при перемещении на новых условиях служит основанием к прекращению трудового договора по пункту 6 статьи 15 Основ (п. 6 ст. 29 КЗоТ РСФСР). В этом случае уволенному выплачивается выходное пособие в размере двухнедельного заработка.

В том случае, когда в связи с произведенными изменениями в организации производства и труда произошло изменение существенных условий труда — систем и размеров оплаты, льгот, режима работы, установление и отмена неполного рабочего времени, совмещение профессий, изменение разрядов и наименования должностей и других, работник должен быть поставлен в известность о произведенных изменениях не позднее чем за два месяца.

(Окончание следует.)

В. ДЕМИН

НА ПРИНЦИПАХ САМОУПРАВЛЕНИЯ И ЕДИНОНАЧАЛИЯ

Закон СССР о государственном предприятии (объединении) вызвал много новых проблем. В первую очередь они связаны с развитием демократических начал в управлении и укреплении кадров предприятий. С целью оказания методической помощи коллективам предприятий, их администрации, партийным и профсоюзным органам разработаны **рекомендации о порядке избрания совета трудовых коллективов, проведении выборов руководителей и конкурсов на замещение должностей специалистов государственных предприятий (объединений)**. Эти рекомендации одобрены постановлением ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС и утверждены Государственным комитетом СССР по труду и социальным вопросам и ВЦСПС.

Особое внимание обращено на то, что подготовка и проведение выборов советов трудовых коллективов и руководителей, конкурсов на замещение должностей специалистов на предприятиях и в объединениях **осуществляются под руководством первичной партийной организации.**

Напомним, что совет трудового коллектива предприятия (структурной единицы объединения) осуществляет полномочия коллектива в период между собраниями (конференциями). Избирается он общим собранием (конференцией) коллектива предприятия (структурной единицы объединения) тайным или открытым голосованием на срок 2—3 года. При этом **рекомендуется** оповещать о сроках проведения собрания по выборам не позднее чем за 15 дней до выборов.

Избираются члены совета трудового коллектива из числа кандидатов, выдвинутых непосредственно на собраниях (конференциях) коллектива, партийной, профсоюзной и другими общественными организациями, коллективами структурных подразделений, администрацией предприятия, а также членами трудового коллектива. Партийные, профсоюзные, другие общественные организации, администрация могут предложить собранию единый список кандидатов.

В Законе о государственном предприятии установлено, что в совет избираются рабочие, бригадиры, мастера, специалисты, представители администрации, партийной, профсоюзной, комсомольской и других общественных организаций. Причем число представителей администрации не должно превышать четверти общего числа членов совета. Каждую кандидатуру **рекомендуется** обсуждать отдельно.

Нередко возникает вопрос: кто созывает собрание (конференцию) для избрания совета трудового коллектива? Рекомендации дают ответ на него: это делает **профсоюзный комитет совместно с администрацией предприятия (объединения).**

Собрание считается правомочным, если в нем приняли участие более половины членов коллектива, а конференция — не менее двух третей делегатов. Избранными считаются кандидаты, за которых проголосовало большинство членов коллектива, присутствующих на собрании, или же большинство делегатов конференции.

А сколько человек должно входить в совет? Это определяет общее собрание (конференция) исходя из того, чтобы была возможность своевременно и качественно решать задачи, возлагаемые на совет. Но в любом случае численность совета не должна превышать 30 человек. Может произойти и так, что в результате выборов число избранных (получивших большинство голосов) окажется больше определенного собранием. Рекомендации предлагают один из двух вариантов: собрание может либо пересмотреть свое решение о количественном составе совета, либо оставить в совете тех кандидатов, за которых подано больше голосов. Что же касается очередных выборов, то на них состав совета, как правило, обновляется не менее чем на треть.

Председатель, заместители председателя и секретарь совета избираются из состава совета на его организационном заседании простым большинством голосов. И здесь также часто возникает вопрос: а можно ли председателем избрать директора завода или, скажем, секретаря партийной организации. В принципе вопрос этот решается в демократическом порядке. Однако рекомендуется председателем совета трудового коллектива избирать передовых рабочих, бригадиров, специалистов, руководителей участков, цехов, других аналогичных подразделений. И, наоборот, не рекомендуется избирать председателями советов трудовых коллективов руководителей предприятий (объединений, организаций) и общественных организаций.

Важно обратить внимание на то, что все члены совета, в том числе председатель, его заместители и секретарь, не являются освобожденными работниками. Свои обязанности они исполняют исключительно на общественных началах.

Может случиться и такое, что член совета недобросовестно относится к своим обязанностям и тем самым не оправдывает оказанного ему доверия. В таком случае он может быть выведен из состава совета на собрании (конференции) трудового коллектива.

С. ВЛАДИМИРОВ

ЮРИСТ КОНСУЛЬТИРУЕТ ДИРЕКТОРА

Сегодня директор обратился ко мне с таким вопросом.

— На нашем заводе, Степан Степанович, немало пенсионеров. Возникают в связи с этим и определенные проблемы. В частности, начальники цехов постоянно жалуются на то, что в отпуске пенсионеры по три месяца бывают.

— Это как так? — удивился я.

— А вот как: очередной отпуск и плюс еще два месяца за свой счет. Существует закон о том, что работающий пенсионер имеет

право на такой отпуск. Очень неудобный для производства закон. Есть ли тут какой-нибудь выход?

— Существует, Василий Иванович, постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 11 сентября 1979 года, согласно которому руководителям предприятий и организаций сферы материального производства и обслуживания населения разрешено по согласованию с профсоюзными комитетами предоставлять пенсионерам по старости, по их желанию, отпуск без сохранения заработной платы продолжительностью до двух месяцев в году. Таким образом, одного желания работника для получения этого отпуска недостаточно, необходимо еще разрешение администрации и профкома, которое они дают исходя из условий и возможностей производства.

— Спасибо, Степан Степанович, очень существенный нюанс. У меня к вам еще один вопрос. Подобрал наш главный технолог к себе в отдел нового специалиста, а отдел кадров его оформлять отказывается. Дело тут вот в чем. Эта девушка два года назад окончила институт, отработала год по распределению и уволилась в связи с тяжелой болезнью родителей. Почти год нигде не работала. Начальник отдела кадров говорит, что принять мы ее не имеем права. Ей необходимо еще два года отработать на том предприятии, куда ее после института распределили. Прав ли он?

— Нет, не прав. Пункт 49 Положения о персональном распределении молодых специалистов предусматривает возможность увольнения молодого специалиста до истечения срока отработки по уважительным причинам. Если таковые имеются, администрация расторгает трудовой договор и делает запись в трудовой книжке: «Уволен по собственному желанию в связи... (например, с необходимостью ухода за инвалидом 1 группы)».

Так вот, если в трудовой книжке у этой девушки имеется такая запись, то мы вправе принять ее на работу. Молодым специалистом (в правовом значении этого термина) она уже не является.

С. ИСТИНОВ

МОЛОДЕЖИ О ПРАВЕ

ЧТОБЫ СУД МОГ ПОМОЧЬ

К Вадиму Цареградскому, учащемуся третьего курса машиностроительного техникума, обратился его знакомый Антон Дмитриев с просьбой одолжить деньги, 140 рублей. Деньги у Вадима были, заработал летом в строительном отряде. Поэтому он, не задумываясь, одолжил приятелю требуемую сумму. «Недельки через три верну», — пообещал Дмитриев.

Прошел месяц. Встретив Антона, Цареградский напомнил ему о долге:

— Деньги нужны. Хочу на каникулы поехать в Ленинград.

— Ну нет у меня сейчас денег, — ответил тот, — появятся — отдам.

Прошло еще четыре месяца. Дмитриев долг возвращать не собирался. Вадим растерялся: как быть?

— Сходи в суд, — посоветовал приятель, — ведь мы с Сергеей видели, как ты давал ему деньги, подтверждам.

- Расписки, конечно, нет? — спросил судья, выслушав Вадима.
- Какой расписки?
- В получении денег. Ее должен был написать твой знакомый.
- Нет, ничего он не писал.
- Жаль, без этого очень сложно помочь тебе.

В чем же дело? Случаи, когда одалживаются деньги, встречаются в жизни достаточно часто. Неужели всегда нужна расписка? Ведь в данной ситуации передачу денег видели товарищи Вадима. Разве этого недостаточно?

Постараясь разобраться в данной ситуации. А для этого снова обратимся к гражданскому праву и выясним, что такое гражданско-правовые договоры?

В обыденной жизни люди часто договариваются встретиться в определенном месте, позвонить в условленное время и т. д. В отличие от таких договоренностей **гражданские договоры вызывают юридические последствия** и представляют собой соглашения двух и более лиц (в договоре они называются сторонами), направленные на возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей.

Гражданско-правовые договоры заключаются:

— между государственными, кооперативными и другими общественными организациями. Это договоры поставки, подряда на капитальное строительство, закупки сельскохозяйственной продукции у колхозов и совхозов и др.;

— между организациями и гражданами. Например, договор купли-продажи (покупка вещей и продуктов в магазинах), договор бытового заказа (пошив одежды или обуви в ателье), договор перевозки пассажиров и багажа (поездки на поездах, автобусах) и т. д.;

— между гражданами. Это договоры купли-продажи, мены, дарения и т. д. К ним относится, например, приведенная в начале статьи ситуация — договор займа.

Чтобы заключаемый договор создавал необходимые для гражданина юридические последствия, был действительным, он должен соответствовать установленным в законе правилам.

Какие же это правила?

Одно из основных требований — **договоры не должны противоречить интересам Советского государства и общества**. Например, не может быть заключен договор в отношении имущества, которое по закону не может находиться в собственности или владении граждан. Так, все клады на территории нашей страны являются собственностью государства. Поэтому человек, обнаруживший клад, не приобретает права собственности на найденные ценности и в силу этого не вправе продавать, дарить или обменивать их. В соответствии с законом (ст. 148 ГК РСФСР, аналогичные статьи ГК других союзных республик), он обязан сдать клад государственным органам. В этом случае нашедшему выдается вознаграждение, которое, согласно существующему правилу, составляет 25 процентов стоимости сданных ценностей.

Следующее немаловажное требование касается лиц, вступающих в гражданско-правовые договоры. Так, в соответствии с законодательством (ст. 14 ГК РСФСР, соответствующие статьи ГК других союзных республик), **лица, не достигшие 15 лет, являются, как правило, недееспособными**. Они по общему правилу не вправе заключать договоры. За них это делают их родители, усыновители или опекуны. Поэтому договоры несовершеннолетних, которым еще не исполни-

лось 15 лет, не имеют юридического значения, являются недействительными. Исключение составляют мелкие бытовые сделки — покупка билета в кино, хлеба, молока, школьно-письменных принадлежностей, обмен значками и т. п. Их ребенок может совершать самостоятельно. Кроме того, несовершеннолетний, не достигший 15 лет, сам внесший на свое имя вклад в сберегательный банк, может им самостоятельно распоряжаться.

Лицам в возрасте от 15 до 18 лет закон предоставляет возможность заключать гражданско-правовые договоры, но с согласия родителей, усыновителей или попечителей (ст. 13 ГК РСФСР, соответствующие статьи ГК других союзных республик).

Здесь важно обратить внимание на следующее обстоятельство. Заключенный с согласия взрослых договор является действительным, влечет юридические последствия. Поэтому пятнадцатилетние должны особенно обдуманно относиться к своим поступкам. Факт согласия на совершение покупки или обмен — это проявление доверия, признание определенной «взрослости». Но это накладывает и ответственность, так как конкретное решение подросток принимает сам. И легкомыслие в таких случаях может привести к серьезным неблагоприятным последствиям, материальному ущербу.

Иногда закон требует оформить заключение договора определенным образом, то есть совершить его в определенной форме. Это тоже условие действительности гражданско-правовых договоров. Существуют две основные формы договоров: устная и письменная.

Устная форма означает, что при заключении договора нет необходимости составлять письменный документ. В устной форме совершается подавляющее большинство сделок. В основном это договоры, которые исполняются в момент их заключения. Так, приобретает вещи, продукты питания в магазинах либо лекарства в аптеках, нет необходимости составлять письменный договор и подписывать его. Товар получен, деньги уплачены. Следовательно, договор и заключен, и исполнен.

В ряде случаев, когда закон прямо требует этого, необходима **письменная форма**, которая может быть **нотариальной и простой**.

Нотариальная предполагает оформление договора в виде специального документа и удостоверение его в особом государственном органе — нотариальной конторе. **Простая форма** — составление произвольного письменного текста, который достаточно подписать.

Необходимо знать, что различные виды гражданских договоров имеют свои особенности в оформлении.

Договор купли-продажи, как уже говорилось, очень часто заключается в устной форме. Но в ряде случаев он требует письменного оформления. Так, в соответствии со статьей 44 ГК РСФСР договоры между гражданами на сумму свыше 100 рублей должны заключаться в письменной форме. Поэтому, покупая или продавая имущество, стоимость которого более 100 рублей, необходимо составить письменный договор.

Правила заключения договора купли-продажи распространяются на договоры мены. Следовательно, обмен гражданами имуществом стоимостью свыше 100 рублей должен заключаться в письменной форме.

Договор дарения. Далеко не каждый знает, что в соответствии с законом (ст. 257 ГК РСФСР) договор дарения на сумму свыше 500 рублей и договор дарения валютных ценностей на сумму свыше 50 рублей должен удостоверяться в нотариальной конторе.

Договор займа по правилу статьи 269 ГК РСФСР должен быть оформлен письменно, если сумма превышает 50 рублей. Именно это правило, как вы помните, было нарушено при заключении договора между Антоном Дмитриевым и Вадимом Цареградским.

Несоблюдение простой письменной формы влечет за собой недействительность договора лишь в случаях, прямо указанных в законе. Во всех остальных случаях договор считается действительным, и только при возникновении спора и обращении в суд нельзя ссылаться на показания свидетелей. Поэтому-то суд и не мог основываться на свидетельстве приятелей Вадима о даче денег в долг. И, если вдуматься, становится ясным глубокий смысл данного юридического правила. С одной стороны, оно дает возможность надежно обеспечить свои интересы — получи расписку, и суд будет на твоей стороне. С другой, исключает ущемление твоих интересов со стороны других лиц. Как это возможно? Представим себе, что в ситуации, аналогичной описанной, никакого займа... не было. Просто Вадим договорился с приятелями и решил подобным образом «заработать» деньги. К сожалению, иногда может случиться и такое. Поэтому закон стремится исключить даже маловероятные возможности нарушения интересов граждан.

Н. ТАРАСОВ

ЮРИДИЧЕСКИЙ ПРАКТИКУМ

Задача 1

Экономист Тарбева была командирована на трехмесячные курсы повышения квалификации, а на ее место 15 февраля была зачислена на временную работу Сильвестрова. После окончания курсов Тарбева использовала очередной отпуск, и после ее возвращения из отпуска (10 июня) Сильвестрова была уволена. А 14 июня она вновь была зачислена на временную работу на период болезни другого экономиста и после его выздоровления (1 октября) уволена как временный работник.

Какие нарушения законодательства допущены администрацией?

Задача 2

От ресторана «Южный» на правах его структурного подразделения была открыта закусочная, расположенная в том же городе. При комплектовании штата буфетчики ресторана Глумов и Салахов были переведены на ту же должность в закусочную. Глумов на перевод согласился, а Салахов категорически отказался, мотивируя это тем, что закусочная находится далеко от его дома и заработок там будет явно ниже, чем в ресторане.

Основательны ли доводы Салахова?

Как вправе поступить администрация в случае отказа работника от подобного перевода?

Задача 3

Никифорова обратилась к администрации с просьбой предоставить ей очередной отпуск перед отпуском по беременности и родам. В предоставлении отпуска ей было отказано, так как она проработала на предприятии всего 6 месяцев, а отпуск полагается по истечении 11 месяцев непрерывной работы.

Правильны ли действия администрации?

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА**СЛОМАЛСЯ ТЕЛЕВИЗОР...**

Быт есть быт, и супругам Гражданкиным часто приходится сталкиваться с предприятиями торговли и бытового обслуживания. Увы, приобретаемые ими товары не всегда оказывались доброкачественными. Так было и с купленным в кредит цветным телевизором: уже через три недели стало пропадать изображение. Сослуживцы Семена советовали ему потребовать заменить телевизор, так как он вышел из строя до истечения первого месяца работы. Однако в магазине poslali в мастерскую гарантийного обслуживания, там отказались выдать справку на обмен, объяснив, что это правило к цветным телевизорам не применяется.

Почему? — недоумевали Гражданкины.

Давайте поможем им разобраться.

Основным нормативным актом здесь являются «Типовые правила обмена промышленных товаров, купленных в розничной торговой сети государственной и кооперативной торговли», утвержденные приказом Минторга СССР и Госстандарта СССР от 1 февраля 1974 года № 19/19. В союзных республиках на основе этих Типовых правил приняты свои Правила обмена промышленных товаров, но они практически повторяют то, что содержится в общесоюзном нормативном акте. Следует заметить, что эти Правила исходят из интересов в первую очередь торговых предприятий, а не граждан, и поэтому защитить свои права покупателю довольно сложно.

Нас прежде всего интересует вопрос, можно ли было требовать замены телевизора, если он выходит из строя в течение первых 30 дней с момента приобретения. Ответ будет положительным, если речь идет о телевизорах черно-белого изображения. Что же касается цветных телевизоров, то такая возможность исключается. В Типовых правилах сказано, что приобретенные в розничной торговой сети цветные телевизоры по требованию покупателя (в пределах гарантийного срока) обмениваются на новые, если предприятие-изготовитель или мастерская гарантийного ремонта не приведут эти изделия в технически исправное состояние в двухнедельный срок после получения от покупателя заявки о необходимости ремонта, а также если после двух сложных ремонтов эти изделия вновь нуждаются в ремонте. Возможность замены, как видим, минимальна, поскольку лишь технически грамотный и хорошо разбирающийся в схемах покупатель может доказать факт «сложного»,

а не простого ремонта. Такие же условия ставятся и для обмена легковых автомобилей, мотоциклов, мотороллеров, мопедов, бытовых холодильников, лодочных моторов.

В отношении других товаров (кто знает, с какими еще проблемами придется столкнуться нашим супругам) условия проще. Так, например, пианино, велосипеды, стиральные машины подлежат обмену, если неисправности не будут устранены в течение 10 дней, а кинокамеры, фотоаппараты, пылесосы — 7 дней после обращения покупателя, а также если после одного ремонта эти изделия и товары нуждаются в ремонте. Во всех случаях гарантийный срок продлевается на все время, пока изделие находится в ремонте.

Есть еще один вопрос, на который следует обратить внимание. Доставка изделий (весом свыше 10 кг) для ремонта и обмена на предприятия-изготовители, в мастерские гарантийного ремонта или магазины и обратно в пределах населенного пункта, а в сельской местности — в пределах района, в котором проживает покупатель, производится без взимания с покупателя платы за перевозку этих изделий. Если покупатель сам привез изделие в связи с неисполнением мастерской обязанностей по доставке (причины у них для этого находятся), ему возмещаются расходы по перевозке по установленным тарифам. Именно это правило чаще всего нарушается мастерскими и магазинами (если вещь подлежит замене, расходы должны быть возмещены магазином). Но, очевидно, в создании такой ситуации виноваты и покупатель, считая, что из-за нескольких рублей не стоит «портить отношения» с торговыми и обслуживающими организациями. А это, в свою очередь, порождает у тех чувство безнаказанности и безответственности.

Иначе решается вопрос, если недостатки обнаружены в товарах, не имеющих гарантийных сроков. В Типовых правилах указывается, что покупатель в таких случаях имеет право в течение 14 дней (не считая дня покупки) по своему выбору: а) обменять этот товар на другой; б) вернуть вещь в магазин и получить обратно уплаченные за нее деньги. При этом второй вариант — получение денег — не зависит от того, есть в магазине другие товары на обмен или нет: если покупатель хочет получить обратно деньги, магазин обязан вернуть их.

Следует знать, что 14-дневный срок применяется при обнаружении недостатков, которые считаются явными и могут быть выявлены при обычном внимательном осмотре. Если же недостатки в приобретенной вещи являются скрытыми, то есть такими, которые могут быть обнаружены лишь при использовании вещи, то претензии можно предъявить в течение шести месяцев со дня покупки. Для сезонных товаров (например, меховых изделий) он начинается не со дня продажи, а с момента наступления соответствующего сезона (начало сезона определяется министерством торговли союзной республики исходя из местных климатических условий).

И, наконец, расскажем о порядке ремонта телевизоров после истечения гарантийного срока. Думается, это будет интересно и Гражданкиным, и многим другим семьям. В настоящее время существует две формы: ремонт после выхода телевизора из строя в обычном порядке и абонементное обслуживание телевизоров граждан. О втором случае и пойдет речь.

Постановлением Совета Министров РСФСР от 25 июня 1986 года № 285 утверждён «Типовой договор подряда на профилактическое

обслуживание и ремонт телевизоров, холодильников (морозильников) по абонементам (бытовой заказ)».

Этот договор может заключаться после истечения срока гарантии на один год, а затем он ежегодно продлевается. Общая продолжительность нахождения телевизора на абонементном обслуживании не ограничивается за исключением случаев, указанных в Типовом договоре.

Целью договора является обеспечение качественной работы телевизоров. Ремонтная организация обязана по заявке абонента проводить плановый профилактический осмотр телевизора не реже одного раза в год, его настройку и регулировку, ремонт на дому, а в случае необходимости — доставлять телевизор для ремонта в мастерскую и обратно и др.

Обязанности владельца телевизора состоят в ежемесячной уплате взносов за абонементное обслуживание в сумме, устанавливаемой прейскурантами (при неуплате ежемесячной абонементной платы в течение 3 месяцев действие договора прекращается), а также в соблюдении правил эксплуатации телевизора. В частности, владелец телевизора не вправе нарушать пломбы, которыми опечатывает телевизор ремонтная организация. В случае нарушения пломбы ремонт производится за счет владельца телевизора.

Если организация нарушает свою обязанность по профилактическому осмотру, владелец телевизора может либо потребовать возврата внесенной им суммы за абонементное обслуживание за прошедший год (если телевизор в течение этого года не ремонтировался), либо зачесть внесенную плату в счет выполнения своих обязанностей по договору на следующий год. Если мастерская нарушила установленные сроки ремонта, а также если радиомеханик не явился в согласованный день, владелец телевизора имеет право не вносить абонементную плату за очередной месяц (кроме случаев, когда на время задержки ремонта ему был предоставлен телевизор из фонда мастерской).

Г. СТОЯКИН,
юрист

ОТ А ДО Я

Принудительное лечение

Кузякин сидел на скамейке перед подъездом своего дома и играл на гармонии. Вообще-то правильнее было бы сказать, не играл, а «мучил» гармошку. Так как от выпитого портвейна руки не слушались, в голове ясности не было, и, как ни старался Кузякин не-

сколько часов кряду вывести мелодию своей любимой песни, ничего у него не получалось. Он с такой злостью терзал гармошку, что не заметил, как к нему подошел участковый инспектор Коновалов.

— Что же ты, Иван Трофимович, делаешь? Ночь на дворе, а ты людям спать не даешь! Сколько же можно пиликать? Самому-то не надоело? Опять три дня на работу не ходил. Скандалил, с соседями дрался. Жену с детьми из дома выгнал. Все, Кузякин, завтра отношу материалы в суд, пускай отправляют тебя на принудительное лечение.

— Ничего не выйдет. Нет такого права.

— Вот право-то как раз есть. Сам смотри. Чтобы отправить человека на принудительное лечение в лечебно-трудовой профилакторий, нужно, чтобы он был хроническим алкоголиком и уклонялся от добровольного лечения или злоупотреблял алкоголем после лечения. Ты сам «завязать» не можешь, а лечиться отказываешься. Между тем состоишь на учете в наркологическом диспансере и заключением врачебной комиссии наркологической больницы № 17 признан хроническим алкоголиком второй степени, нуждающимся в принудительном лечении. То есть тебя можно и необходимо лечить — об этом свидетельствуют медицинские показания. А это еще одно основание для направления тебя в профилакторий. Мужик ты не старый, трудоспособный. Общественность нашего дэза, трудовой коллектив, в котором работаешь, и твоя жена ходатайствуют о направлении тебя на лечение. Так что все основания, как говорится, налицо.

Что же такое *принудительное лечение*? К кому оно может применяться? Прежде всего к хроническим алкоголикам и наркоманам.

Так, в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 1 марта 1974 г. «О принудительном лечении и трудовом перевоспитании хронических алкоголиков» (с внесенными в него изменениями) и Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 16 мая 1985 г. «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма, искоренению самогонварения» хронические алкоголики, уклоняющиеся от добровольного лечения или продолжающие пьянствовать после лечения, подлежат направлению в лечебно-трудовой профилакторий для принудительного лечения и трудового перевоспитания на срок от одного года до двух лет. А статья 1 Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 25 августа 1972 г. «О принудительном лечении и трудовом перевоспитании больных наркоманией» (с соответствующими изменениями) устанавливает, что **лица, больные наркоманией**, обязаны проходить лечение в лечебно-профилактических учреждениях органов здравоохранения. В случае **если они уклоняются от такого лечения**, то их направляют в лечебно-трудовые профилактории (а несовершеннолетних, достигших 16-летнего возраста и до 18 лет, — в лечебно-воспитательные профилактории) для принудительного лечения на срок от шести месяцев до двух лет.

Вопрос о направлении в профилакторий как хронических алкоголиков, так и наркоманов рассматривается районным (городским) народным судом по ходатайству общественных организаций, трудовых коллективов, государственных органов, членов семьи или близких родственников и при наличии медицинского заключения. В открытое судебное заседание вызывается лицо, в отношении которого возбуждено ходатайство, и в необходимых случаях члены семьи, близкие родственники, представители общественных организаций,

трудовых коллективов, государственных органов, возбудивших ходатайство.

Уже говорилось, что для направления на принудительное лечение требуется наличие совокупности определенных оснований. Суд тщательно проверяет каждое из них и либо удовлетворяет ходатайство, либо отказывает в его удовлетворении. Постановление суда является окончательным и обжалованию не подлежит.

Постановление суда о направлении лица в лечебно-трудовой профилакторий (а больных наркоманией несовершеннолетних от 16 до 18 лет — в лечебно-воспитательный профилакторий) является основанием для его увольнения с работы без выплаты выходного пособия, исключения из учебного заведения на период лечения. Время пребывания в профилактории не прерывает течения трудового стажа и засчитывается в общий трудовой стаж. Отпуск за этот период не предоставляется.

Лицо освобождается от принудительного лечения по истечении срока, установленного судом. По представлению администрации профилактория, основанному на медицинском заключении, этот срок может быть сокращен районным (городским) народным судом. Такое сокращение срока принудительного лечения возможно лишь при условии успешного лечебно-трудового воздействия, но не более чем наполовину. Поскольку ЛТП не являются исправительно-трудовыми учреждениями, они не предназначены для отбывания в них мер уголовного наказания.

Порядок применения принудительного лечения к лицам, виновным в совершении преступления, регулируется уголовным, уголовно-процессуальным и исправительно-трудовым законодательством. Так, статья 62 Уголовного кодекса РСФСР (аналогичные статьи содержатся в уголовных кодексах и других союзных республик) устанавливает, что в случае совершения преступления алкоголиком или наркоманом суд может наряду с наказанием за совершенное преступление применить к такому лицу принудительное лечение. Основанием для этого является наличие медицинского заключения о том, что подсудимый — хронический алкоголик или наркоман, который нуждается в применении к нему принудительного лечения и по состоянию его здоровья нет противопоказаний к таким мерам.

Принудительное лечение алкоголиков и наркоманов, совершивших преступление, назначается как по инициативе суда, так и по ходатайству общественной организации, трудового коллектива, товарищеского суда или органа здравоохранения. При наличии такого ходатайства суд обязан его обсудить и принять мотивированное решение о его удовлетворении или отклонении.

Лечение лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы, обеспечивает администрация исправительно-трудового учреждения (ИТУ). Если к моменту отбытия наказания в виде лишения свободы лечение алкоголика или наркомана еще не завершено, то администрация ИТУ на основании медицинского заключения входит с представлением в суд о продлении лечения в медицинских учреждениях со специальным лечебным и трудовым режимом. В этих же учреждениях осуществляется и лечение хронических алкоголиков и наркоманов, осужденных за совершенное преступление к мере наказания, не связанной с лишением свободы.

Таким образом, принудительное лечение хронических алкоголиков и наркоманов — это особые меры медико-психиатрического воз-

действия, направленные на излечение больных путем привития им чувства отвращения к спиртным напиткам и наркотикам.

Кроме алкоголиков и наркоманов, принудительному лечению могут быть подвергнуты душевнобольные, совершившие общественно опасные деяния и признанные невменяемыми, а также лица, заболевшие душевной болезнью после совершения преступления. Применение наказания в отношении этих лиц противоречило бы принципам гуманизма и социальной справедливости. Поэтому к ним применяются принудительные меры медицинского характера. Являясь мерами государственного принуждения, они направлены на восстановление нарушенного здоровья и на предупреждение возможных общественно опасных деяний со стороны душевнобольного.

Статья 58 Уголовного кодекса РСФСР устанавливает, что к лицам, совершившим общественно опасное деяние в состоянии невменяемости либо совершившим такие деяния в состоянии вменяемости, но заболевшим до вынесения приговора или во время отбывания наказания душевной болезнью, лишаящей их возможности отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими, судом могут быть применены следующие принудительные меры медицинского характера, осуществляемые лечебными учреждениями органов здравоохранения: помещение в психиатрическую больницу с обычным наблюдением, либо с усиленным наблюдением, либо со строгим наблюдением.

Выбор вида психиатрической больницы производится судом в зависимости от душевного заболевания лица, характера и степени общественной опасности совершенного деяния и самого больного с учетом заключения судебно-психиатрической экспертизы об этом. Лица, помещенные в психиатрическую больницу с усиленным или строгим наблюдением, содержатся там в условиях, исключающих возможность совершения ими нового общественно опасного деяния.

Прекращение применения принудительных мер медицинского характера производится судом по заключению лечебного учреждения в случае выздоровления лица или такого изменения характера заболевания, при котором отпадает необходимость в применении этих мер. В тех случаях, когда суд не считает необходимым применение к душевнобольному принудительных мер медицинского характера, а также в случаях прекращения применения таких мер он может передать его на попечение родственникам или опекунам при обязательном врачебном наблюдении. Администрация психиатрической больницы при отсутствии определения суда не вправе по своему усмотрению прекратить лечение или изменить вид принудительной меры медицинского характера.

Гарантией от необоснованного помещения гражданина в психиатрическую больницу является включение в Уголовный кодекс РСФСР статьи 126², согласно которой помещение в психиатрическую больницу заведомо психически здорового лица наказывается лишением свободы на срок до двух лет или исправительными работами на тот же срок с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от 1 до 3 лет или без такового (Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 5 января 1988 г. — Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1988, № 2, ст. 35).

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ЮРИДИЧЕСКОГО ПРАКТИКУМА

Задача 1

Временными рабочими и служащими признаются лица, принятые на работу на срок до двух месяцев, а для замещения временно отсутствующих работников, за которыми сохраняется их место работы (должность),— до четырех месяцев (пункт 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 24 сентября 1974 года «Об условиях труда временных рабочих и служащих»). Однако если временный работник после увольнения вновь принят на работу на то же предприятие, в учреждение, организацию и перерыв в работе не превысил одной недели, то при условии, что срок его работы до и после перерыва в общей сложности превышает соответственно два или четыре месяца, трудовой договор с таким работником считается продолженным на неопределенный срок и он не считается временным со дня первоначального заключения трудового договора (статья 11 Указа).

Так что уволить Сильвестрову как временного работника администрация не имела права.

Задача 2

Прежде всего надо сказать, что в задаче речь идет не о переводе на другую работу, а о перемещении на другое рабочее место (статья 13 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде, статья 25 КЗоТ РСФСР). Такое перемещение в пределах специальности, квалификации или должности, обусловленной трудовым договором, на том же предприятии, в учреждении, организации либо в другое его структурное подразделение в той же местности не требует согласия работника. При этом допускается и изменение существенных условий труда — систем и размеров оплаты труда, льгот, режима работы, установление или отмена неполного рабочего времени, совмещение профессий, изменение разрядов и наименования должностей и других. Работник должен быть поставлен в известность об этом не позднее чем за два месяца. Если он не согласен на продолжение работы в новых условиях, трудовой договор с ним может быть расторгнут по пункту 6 статьи 29 КЗоТ РСФСР.

Задача 3

В соответствии со статьей 71 КЗоТ РСФСР по просьбе женщины очередной отпуск ей может быть предоставлен перед отпуском по беременности и родам или после него и до истечения одиннадцати месяцев непрерывной работы на предприятии.

Отказ администрации неправомерен.

В № 8 нашего журнала за 1988 год была опубликована статья Э. Тучковой «На повестке дня — пенсионная реформа». Редакция получила на эту публикацию отклики. Люди спорят с автором статьи, высказывают свои предложения по совершенствованию пенсионного законодательства. Продолжаем волнующую многих читателей тему.

КАКУЮ ПЕНСИЮ ПОЛУЧИМ?

«Моя пенсия 55 рублей,— пишет Ф. Козлова из Краснодара,— а возраст за 70. Подрабатывать уже не могу, а цены все растут. Надо бы повысить и пенсии...»

«Честно проработал всю жизнь, не пил и не прогуливал,— сообщает И. Никулин из Куйбышева.— Через год на пенсию, а буду получать 70 рублей с копейками. А другие хитрят — в последний год перед пенсией «нарабатывают» так, чтобы 120 получать. Чем же я хуже них? Почему есть такие лазейки в законе о пенсиях?»

Постараемся ответить на эти и на другие вопросы, касающиеся пенсии по старости. Ведь этот основной вид пенсионного обеспечения в нашей стране является источником средств к жизни для большинства пожилых людей.

Прежде всего пенсия должна обеспечить тот уровень жизни, который человек имел, когда работал. По расчетам специалистов, размер пенсии должен составлять в среднем 67—70 процентов заработка.

Реален ли сейчас такой уровень пенсионного обеспечения? Нет, не реален. У нас еще недостаточна эффективность народного хозяйства, необходимо срочно поправить дела в здравоохранении, народном образовании, жилищном строительстве, других социальных сферах. Вот почему такой уровень — перспектива будущего.

Иное дело уровень в 60 процентов. Он необходим. И в недалеком прошлом достигал такого рубежа, а затем резко снизился. Следовательно, речь идет о восстановлении утраченных достижений. А ведь если разобраться, сейчас фактически получаемый заработок ниже начисленного, так как из него вычитают налоговые платежи, ко-

торые в среднем достигают 11—12 процентов. Таким образом, пенсия в размере 60 процентов к начисленному заработку составляет почти 70 процентов к фактически получаемому. Такой уровень и будет существенным шагом вперед.

Центральная идея заключается в том, чтобы последовательно вплотную в пенсионную систему принцип социальной справедливости, закрепленный в Конституции СССР: положение человека в социалистическом обществе определяют труд и его результаты. Следовательно, пенсия каждого конкретного человека должна также зависеть от оценки обществом его труда. Труд же оценивается при помощи двух основных показателей: количественного и качественного. **Количественный** — это число проработанных лет, длительность трудового стажа. **Качественный** показатель — характерный для данного человека уровень оплаты труда. С учетом этих двух показателей многие и предлагают определять размер пенсии в процентах к заработку. Не будем рассматривать варианты, которые по тем или иным причинам оказались неприемлемыми. Остановимся на тех, которые представляют интерес для дальнейшей разработки.

Например, предлагать назначать пенсию в размере 55 процентов при стаже работы у женщин от 20 до 25 лет и у мужчин от 25 до 30 лет, а затем повышать ее на 1 процент заработка за каждый последующий год работы. В общем же при этом варианте достигается равный уровень пенсионного обеспечения женщин и мужчин к их пенсионному возрасту: в среднем 65—70 процентов к номинальному заработку или почти до 75 процентов к фактическому заработку.

Вызывает интерес и другое предложение: назначать пенсию как и прежде, а затем повышать ее ежегодно не на 1 процент заработка, а в меньшей степени, например, на 0,7 процента. Практически достигаются те же положительные результаты.

Подобных вариантов высказывается немало. Однако исчисление пенсии с учетом длительности трудовой деятельности вызвало ряд проблем, касающихся в основном стажа. И при подготовке пенсионной реформы проблемы эти необходимо разрешить с максимальной справедливостью.

Казалось бы, несложный вопрос: с учетом какого стажа, **непрерывного или общего, следует устанавливать размер пенсии?** Сейчас же существуют надбавки к пенсии с учетом и того, и другого стажа. А к пенсиям колхозников, кроме механизаторов, специалистов и председателей колхозов, надбавки вообще не начисляются. **Может быть, целесообразно отдать предпочтение общему трудовому стажу?** Ведь именно он наиболее полно отражает трудовой вклад человека на протяжении всей его жизни. При этом учитывалось также, что даже при увольнении по собственному желанию переход с одной работы на другую в большинстве случаев обусловлен уважительными причинами. Посудите сами, в каком случае человек меняет работу? Если ему на новом месте предоставят более высокую оплату труда, лучшие условия труда, возможности профессионального и служебного роста, и так далее.

Возникает и такой важный вопрос: **какие периоды целесообразно включать в этот стаж?** Только работы, службы или же также иные периоды общественно полезной деятельности: подготовки к профессиональной деятельности, ухода за маленькими детьми, детьми-инвалидами с детства, взрослыми инвалидами, за которыми необходим постоянный уход?

Сейчас положение явно противоречивое. Возьмем период подготовки к профессиональной деятельности. Учеба в ПТУ, которая занимает 2—3 года, учитывается во все виды трудового стажа. А обучение в среднем специальном и высшем учебном заведении засчитывается в общий трудовой стаж при условии работы до поступления в учебное заведение (хотя бы один день!) лишь в качестве рабочего или служащего либо службы в Вооруженных Силах СССР. Учиться же в университетах и медицинских высших учебных заведениях приходится до 6—7 лет. При таком порядке оказывается заниженной пенсия инженеров, врачей, агрономов и других, кто получил профессиональную подготовку, хотя оплата их труда зачастую не выше, чем других категорий трудящихся. Вот почему не поддерживается предложение включать в их стаж лишь периоды работы и службы.

Можно ли согласиться с тем, что сейчас уход за маленьким ребенком засчитывается в стаж лишь женщинам, родившим ребенка в тот период, когда они состояли в трудовых отношениях либо являлись членами колхоза? Либо с тем, что уход за инвалидом I группы засчитывается в стаж, если причина инвалидности — ранение, полученное при защите СССР, или же трудовые увечья либо профзаболевание? Ясно, что и здесь необходимо положительное решение для полного выравнивания «стажевых» возможностей.

И вот мы подошли, наконец, к проблеме, которая интересует всех без исключения: какими будут минимальный и максимальный размеры пенсий?

Минимум пенсии обычно повышался волевым порядком. Передко — с задержкой. Часто — не одновременно для всех категорий пенсионеров. Повышение минимума пенсий отставало от достигнутого минимального уровня оплаты труда. А ведь минимальный размер пенсии имеет особую социальную значимость: ее получают миллионы людей, в том числе пенсионеры «старые», то есть граждане, которым пенсии установлены многие годы назад.

Так каким же должен быть минимум?

Здесь у всех мнение однозначное: минимум пенсии должен быть ориентирован на достигнутый в стране минимальный уровень оплаты труда, составлять постоянную, значительную часть этой оплаты и автоматически повышаться в связи с ее увеличением.

Итак, в законе необходимо определить не твердую сумму минимума пенсии, а лишь соотношение ее в процентах с минимальной оплатой труда. Пока имеется в виду установить минимальную пенсию на уровне 75 процентов минимальной оплаты труда. Однако такое решение вызывает серьезную тревогу. Тот минимум пенсии, который действует сейчас, установлен несколько лет назад. К концу текущей пятилетки его намечено увеличить с 50 до 60 рублей в месяц (для колхозников же повышение в этой пятилетке не запланировано). Это и будет 75 процентов от введенной к тому времени минимальной оплаты труда — 80 рублей.

Достаточен ли такой уровень?

Будем откровенны: явно недостаточен.

Вот почему ученые и практические работники предлагают довести минимальную пенсию до 85 процентов от минимальной оплаты труда, а также предусмотреть более высокий минимум для тех, кто работал дольше.

А каким должен быть максимальный размер пенсии? И нужно ли вообще его ограничивать?

Такой «потолок» установить необходимо. Связано это с очень большой дифференциацией заработков. С одной стороны — работники с 80 рублями в месяц. С другой — зарабатывающие 700—800, а зачастую и больше. И таких немало: руководители предприятий, крупные ученые, писатели, композиторы, члены производственных кооперативов, артелей старателей, шахтеры, плавсостав рыбопромыслового флота и другие. Если не установить максимума, в пенсионной системе проявятся излишества в отношении ряда категорий работников, они будут расценены как проявление социальной несправедливости. Представьте себе минимальные пенсии по 60—70 рублей, которые получают миллионы людей, и пенсии по 500—600 рублей и выше на их фоне...

Предлагаются два варианта, призванные сделать различия в уровне пенсии умеренными. В принципе оба они равнозначны. **Первый предусматривает установить пенсионный максимум на уровне, близком к средней сложившейся оплате труда рабочих и служащих, занятых в народном хозяйстве. Второй — установить его в кратном отношении к минимальной пенсии. Например, по соотношению 1:4 или 1:3,5.** Иначе говоря, при минимальном размере пенсии 60 рублей максимальный не должен превышать 210 или 240 рублей. И в том и другом варианте максимум должен быть подвижным, гибким, то есть увеличиваться по мере роста оплаты труда либо минимальной пенсии.

Или вот такой важный вопрос, который касается уровня пенсионного обеспечения. **Государство, установив пенсию в определенной денежной сумме, обязано поддерживать ее реальную стоимость в течение всего «пенсионного» периода жизни человека.** Иначе говоря — не допускать снижения уровня материальной обеспеченности в связи с ростом цен на потребительские товары и услуги. Это ведь до последнего времени утверждалось, что цены у нас в стране стабильны. На самом-то деле они растут и продолжают повышаться. Пенсии же остаются, как и прежде. Во всех развитых странах, в том числе социалистических, эта проблема решена путем корректировки пенсии с учетом роста цен. У нас же этого нет. Мы экономим на пенсионерах...

Очевидно, что в новом законе необходимо предусмотреть повышение всех пенсий в зависимости от роста цен хотя бы раз в два года (во многих странах повышение производится ежегодно, и даже два, четыре раза в год), а также внеочередное повышение, если ценность пенсий снизилась на пять или более процентов.

В самом начале статьи я привел отрывок из письма И. Никулина, в котором он жалуется на «хитрости» тех, кто за год до выхода на пенсию «нарабатывает» до ее максимального размера. Проблема эта волнует многих.

Действительно, пенсия исчисляется на основе среднемесячного заработка и сумма ее зависит от того, каковы правила его подсчета. По действующим правилам пенсия подсчитывается из среднемесячного заработка за короткий (12 последних месяцев работы) либо более длинный (5 лет работы подряд из последних 10 лет перед обращением за пенсией) период, а колхозникам — лишь за длительный период в пять календарных лет. **Но всегда ли пенсия исчисляется из фактического заработка?**

Оказывается, нет. Не всегда. Зачастую получается, что фактический заработок ниже или выше того, который берется для исчисления пенсий. А все дело в том, что в составе заработка для пенсии

не учитываются некоторые выплаты. Например, за сверхурочную работу, к которой нередко привлекают трудящихся. Либо большинству трудящихся в составе заработка не учитывается оплата за работу по совместительству, а отдельным категориям — учитывается. Кроме того, средний заработок подсчитывается лишь за полные месяцы работы. И это нередко приводит к завышению заработка. Очевидно, что при исчислении пенсии надо включать все виды оплаты труда. Ведь до пенсионной реформы 1956 года были такие правила. По непонятной причине их отменили.

Не все благополучно и с периодами, за которые подсчитывается среднемесячный заработок для пенсии. Может ли заработок за короткий, 12-месячный период объективно отразить сложившийся, характерный для данного работника доход от трудовой деятельности? Думается, ни в коей мере. Вот почему и было предложено: пенсию исчислять из среднемесячного заработка за длительный период. Иначе говоря, брать средний фактический заработок за 5 лет работы (60 месяцев) из последних 10 лет перед прекращением работы (или же перед обращением за пенсией для тех, кто продолжает работать).

Правда, тут же возникли сомнения. **Достаточен ли десятилетний срок перед обращением за пенсией, в течение которого допускается брать пять лет работы подряд? Всегда ли укладывается трудовой пик человека в данный срок или выходит за его рамки?**

Исследования показали, что у рабочих и служащих профессиональные трудовые пики разные. У рабочих пик наступает раньше, у служащих сдвинут ближе к пенсионному возрасту. Так, переход рабочих с тяжелой работы на более легкую наблюдается ранее даже чем за 10 лет до пенсионного возраста. Но ведь на тяжелой работе и заработка были выше! Следовательно, необходимо расширить календарный срок и увеличить его с 10 хотя бы до 15 лет. Из этого срока и брать среднемесячный заработок за пять лет работы подряд.

Надо сказать, что исчисление среднего заработка за пятилетний период снижает его на 5—8 процентов по сравнению с заработком за последний год. Вот почему специалисты предлагают несколько увеличивать «прошлый» заработок в связи с изменением розничных цен, ростом оплаты труда занятого в народном хозяйстве населения.

Все, о чем было рассказано, в равной степени относится ко всем категориям трудящихся: рабочим, служащим, колхозникам, членам других производственных кооперативов, военнослужащим, работникам органов МВД СССР. Создается единый закон для всех. И о чем мы с вами говорили — лишь часть большой работы по подготовке пенсионной реформы, общественное ожидание которой чрезвычайно велико. Ко всему этому предстоит решить вопросы об уровне пенсионного обеспечения инвалидов, в частности инвалидов войны, семей, потерявших кормильца, о порядке выплаты пенсий работающим пенсионерам и многие другие. И при их решении будут учитываться и ваши письма, советы и предложения.

М. ЗАХАРОВ,
доктор юридических наук

ОБСУЖДАЕМ ПРОБЛЕМУ**МНЕНИЕ ЧИТАТЕЛЕЙ**

Уважаемая редакция

В связи со статьей «На повестке дня — пенсионная реформа», опубликованной в вашем журнале № 8 за 1988 год, вносим предложения:

1. При определении размера пенсии учитывать весь общий стаж, независимо от того, на одном или нескольких предприятиях (организациях) работал человек. Ведь работал-то он в нашей стране, выполнял нужную для государства работу.

2. В фактический стаж работы включать и время учебы в вузе. Специалист с высшим образованием и сегодня получает зарплату ниже, чем лицо, не имеющее образования, да еще и при уходе на пенсию вторично ущемлен. Какая же роль, цена образования?

3. Установить единый порядок для назначения пенсии, упразднить персональные, пенсии для военнослужащих и др., кроме льготных за работу во вредных условиях.

4. Определить единый порядок оплаты работающих пенсионеров, независимо, рабочий он, ИТР или служащий. Коль работает пенсионер, надо ему платить за труд. А пенсию он заслужил, пусть и получает ее независимо от того, продолжает работать или нет.

5. Предусмотреть единый потолок пенсий для всех категорий пенсионеров. Ведь цены на товары для всех одни, значит, и условия тоже должны быть равными.

6. При определении размера пенсии целесообразно брать средний заработок за 5 лет работы из последних 10 лет.

7. Сохранить действующий в настоящее время возраст ухода на пенсию и необходимый стаж.

г. Курск

Экономисты:
Л. Андреева,
М. Исакова,
Н. Михайлова,
Н. Родин,
В. Салин.

Э. Тучкова рекомендует в вопросе пенсионного законодательства выплачивать 30-процентную надбавку к пенсии за трехлетний период работы (без пенсии) после достижения пенсионного возраста. Такой расточительский подход явно не в ладах с экономическими интересами страны.

От такой арифметики затрепещ государственный кошелек. На мой взгляд, если рациональнее поразмыслить, то дополнительную компенсацию следует выплачивать не за трехгодичный срок переработки, а за пятилетний, и за каждый год производить надбавку не 10 процентов, а 3—4. В итоге надбавка выразится за все 5 лет в 15—20 процентов.

Теперь о пенсионном возрасте. Думаю, он должен быть определен для мужчин — 65 лет, для женщин — 60 лет. Обычно 60-летние мужчины и 55-летние женщины не очень жаждут уходить на пенсию.

Конечно, если в печати заикнуться о том, чтобы на пенсию отправлять с 65 лет мужчин и с 60 лет женщин, тут кое-кто из граждан запротестует. На этот случай, чтобы всем угодить, в новом Законе о пенсиях должен быть параграф, дающий право желающим уходить на пенсию, как прежде, с 60 лет мужчинам и с 55 лет женщинам, но уже без процентных надбавок, о которых выше шла речь.

М. Луговской,
ветеран войны и труда.

Мы, рабочие совхоза, абсолютно не согласны с тем, что в связи с увеличением продолжительности жизни в нашей стране целесообразно повысить пенсионный возраст, например, на 2—3 года.

На наш взгляд, это предлагает тот, кто не занимался физическим трудом. Вот мы, женщины, работаем в совхозе, выращиваем овощи. Нам приходится выполнять тяжелую работу: зимой копать траншеи на парниках, таскать носилки, а летом собирать урожай, выносить его с поля, грузить и т. д. И посмотрите на нас, в свои 45 лет выглядим старухами. А кто работает круглый год, тот не может дотянуть до 55 лет. А кто дотянет, так больше и дня не выходит на работу, потому что нет сил.

Поэтому мы все 10 человек против повышения пенсионного возраста. Идет перестройка, так надо взять во внимание труд женщины в сельском хозяйстве. Предлагаем — женщинам работать до 50 лет.

Донецкая область.
пос. Талаковка

По поручению звена —
рабочая Н. Ковтун

Мои предложения в пенсионную реформу:

1. Максимальный размер пенсии должен быть абсолютно одинаковым для каждого гражданина СССР. Ибо в период трудовой деятельности и шахтер, и министр были полностью вознаграждены за свою работу.

2. Назначение пенсии по последнему году работы (а значит, и заработка) исключить.

3. Работающим пенсионерам пенсию не выдавать, но за каждый проработанный год начислять 25 процентов к пенсии, стимулируя тем самым пенсионера к продолжению трудовой деятельности (если это нужно предприятию).

4. Работающему пенсионеру больничный листок выдавать и оплачивать его.

5. Персональные пенсии должны быть отменены.

М. Заболотный, работающий пенсионер,
ветеран Вооруженных Сил СССР,
участник Великой Отечественной войны.

Латвийская ССР,
г. Елгава.

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

НАША БЛАГОДАРНОСТЬ

Решением редакционной коллегии годовой подпиской на журнал «Человек и закон» отмечены внештатные авторы и лучшие общественные распространители печати:

Губанов Александр Михайлович
Демин Вячеслав Петрович
Комиссаренко Иван Павлович
Кошелева Инна Яковлевна
Кузин Сергей Владимирович
Ларин Александр Михайлович
Майорова Ирина Ивановна
Миронов Михаил Миронович
Новарчук Александр Исаакович

Пелецкий Карл Янович
Перевалов Виктор Дмитриевич
Савицкий Валерий Михайлович
Смирнов Евгений Алексеевич
Солеев Вениамин Алексеевич
Соловьева Римма Анатольевна
Старостина Ирина Леонидовна
Шахов Василий Дмитриевич.

Редакция благодарит наших помощников за проделанную работу, желает им крепкого здоровья, надеется на дальнейшее сотрудничество в деле пропаганды правовых знаний.

ДЕФИЦИТ ДОБРОТЫ: ЧЕМ ЭТО ОБЪЯСНИТЬ?

Заметки писателя Валерия
Поволяева.

ВНИМАНИЮ КООПЕРАТОРОВ: СПРАШИВАЙТЕ — ОТВЕЧАЕМ

Рубрику ведет главный
консультант Министерства юстиции СССР И. Приходько.

ПРИШЛИТЕ КОРРЕСПОНДЕНТА!

Письмо из редакции: читательнице Л. Брит отвечает журналист.

НАША ПОЧТА РЕДАКЦИИ ОТВЕЧАЮТ

ЗАМЕТКИ ПУБЛИЦИСТА

КРУГОВАЯ ПОРУКА

...Все, что происходило, напоминало некий нехороший рассказ. И вот ведь как: рассказ этот был уже много раз прочитан ранее, он был слишком знаком. Неужели все повторяется? Так точно и подробно, в деталях, в лицах? Повторяются эпизоды и сюжет?

Да, все повторяется, и повторов этим нет конца. Но обо всем по порядку. О себе я не могу сказать, что отношусь к породе особо боязливых людей: страх, конечно, бывает, как, собственно, и у всякого человека, абсолютно бесстрашных людей, по-моему, нет, важно только бывает вовремя брать себя в руки. Я трижды был в Афганистане, дважды в Ливане, был в тревожно тихой Ливии за несколько часов до американского ракетного удара — и знаете, руки никогда, даже в самые пиковые минуты не дрожали. Знаю, как свистят пули, как хрипят реактивные снаряды, доводилось бывать в боях, знаю, как рвутся химические гранаты — и никогда при этом не тряслись руки. А тут вдруг невольно затряслись. В мирную пору. В центре Москвы, примерно в шесть часов теплого и пасмурного сентябрьского вечера.

Как театр начинается с вешалки, так всякая гостиница начинается со швейцара. От того, как встретит швейцар приезжего, так для гостя и начинается город.

Самая крупная гостиница в Москве, как известно, «Россия». Гостиница эта хоть и огромная, но все-таки домашняя, насыщенная теплом не только калориферов и радиаторов парового (или водяного) отопления, а и теплом человеческим. Но это только на верхних этажах, не на первом. Первый этаж — это государство швейцаров и администраторов. Очень своеобразное и зачастую неприятное, за мечу, государство!

Помню, как к нам, в Союз писателей приехал из одного проектного института начальник сметного отдела Николай Иванович Касатый. Институт тот собирался проектировать новый Дом творчества, и нам надо было утрясти ряд вопросов. В заявке, поданной в гостиницу, невнимательная машинистка пропустила в фамилии Касатого две буквы — вместо «Касатый» напечатала «Катый». Гостя нашего в забронированный номер гостиницы «Россия» не пустили. Не помогло и письмо, которое Союз писателей РСФСР послал вечером в гостиницу. Помню, старший администратор «России» Валентина Федоровна Рыжкова отчитала нашего молодого сотрудника так, будто он был нерадивым курьером, потерявшим важную бумагу. Говорила Валентина Федоровна ледяным тоном. Конечно, тон можно было выдержать, и унижение можно было перенести, лишь бы гость был устроен в гостинице. Но гость остался на улице.

Было это три с лишним года назад. Время прошло, а память осталась, и нехорошее впечатление у Н. И. Касатого осталось. В. Ф. Рыжкова работает в гостинице и сейчас.

Но вернемся к теплому сентябрьскому вечеру. Мне надо было подняться на две минуты в гостиницу к товарищу за банкой красnodарского чая. Дело вроде бы быстрое. Шел я по служебному удостоверению, и почти было прошел, но «почти» не в счет: не тут-то было. Низкорослый, плотный и очень крепкий швейцар в очках неожиданно сделал шаг вперед и резким движением попытался мне завернуть руки за спину. Причем прием применил профессиональный — чувствовалось, имел товарищ практику.

Я опешил: может, швейцар перепутал меня с кем-нибудь? Оказалось, нет.

Вы знаете, в этой ситуации я неожиданно спасовал и решил уйти из гостиницы — все подальше от греха. Но перед уходом попытался узнать фамилию этого человека. Не тут-то было. Наивные мы люди! Казалось бы, чего проще узнать фамилию человека, сообщить о случившемся директору гостиницы, заместителю директора, поплакаться им в жилеты на поправное достоинство — и дело с концом, но увы... Сообщить фамилию швейцара? Да ни за что! Вы понимаете, товарищ, о чем просите?

Хотя, если честно, табличка с фамилией должна висеть у него над головой, прямо здесь же, в тамбуре: «Вас обслуживает швейцар такой-то...» Ну, а обслуживает вышибала — за ваши кровные, естественно, денюжки, то пусть так будет и написано: «Вас обслуживает вышибала такой-то...» Вещи надо называть своими именами. На бранный голос швейцара как на некий начальственный окрик подоспел молодой человек в свитере, оттеснил меня в угол, к стеклянной стенке и через растянутую горловину свитера достал красненькое удостоверение с надписью «Московский уголовный розыск». Запугать меня удостоверением не запугал, а придаться ему было не

к чему Тем не менее в груди у меня, по-над сердцем возник некий секущий холод. Я себя так еще никогда не чувствовал. Все происходящее напоминало не атмосферу гостиницы, а некую исправительную колонию, в каких нашему брату-литератору иногда приходится выступать в воспитательных целях.

И главное, у швейцара система сигнализации была почти как в тех учреждениях — некая чуть ли не потайная кнопка для вызова подмоги, нажал на нее — и подмога вот она, рядом, уже несется, сметая все на пути. Потому-то и швейцар был более чем уверен в собственной безнаказанности, в собственной безопасности, как был убежден и в обратном — полной незащитности тех, кто проходит через эти ворота.

Проще было погибнуть, чем узнать его фамилию.

А не пахивает ли все это круговой порукой? На мысль о существовании ее, а вместе с нею особой формы житья, что ли, как ни странно, меня навело появление молодого человека с удостоверением Московского уголовного розыска. Иначе с чего бы ему здесь появляться? Ведь ему надо заниматься совсем другими делами — уж, во всяком случае, не разбором конфликта между швейцаром и рядовым посетителем типа меня.

Когда после обмена любезностями я попросил муровца назвать фамилию швейцара, он совершенно резонно заметил, что это не его дело, он трудится совсем по другой части и т. д. Тогда чего же он пытался прикрыть своим удостоверением человека, которому явно противопоказана работа в общественном учреждении? Муровец исчез так же внезапно, как и появился. Будто в мультипликационном фильме Диснея: был человек и — фьють — нет его!

А я уже безуспешно пытался узнать фамилию швейцара у целой группы людей, стоящей за стойкой пустого гардероба. Именовалась группа эта бригадой. Их было человек шесть — этакая команда борцов на пенсии — все крепкоплечие, крепкорукие, хорошо сколоченные, готовые на решительные действия. Командовал бригадой, естественно, бригадир — низенький, с жестким волсым лицом. Я представился, назвал свою фамилию и место, где работаю, попросил бригадира назвать имя швейцара.

— Предъявите документы! — потребовал бригадир.

Я предъявил удостоверение члена редколлегии журнала «Человек и закон» словно бы из-под земли появился еще один молодой человек, похожий на первого муровца — с таким же цепким профессиональным взглядом и наверняка с таким же пугающим удостоверением.

Бригадир кинул мое удостоверение на стойку.

— Что вам нужно?

Неожиданно я понял, что если бы предъявил паспорт — обыкновенный паспорт, меня тут же бы скрутили, и очутился бы я в какой-нибудь комнате, скажем, отдыха, где находились бы вот такие крепкорукие мужики — и худо мне было бы: в решительности и сплоченности, в умении отстаивать свои права и унижать других этим людям отказать было нельзя.

Я повторил просьбу: мне нужна фамилия швейцара

Бригадир процедил сквозь зубы: «Узнайте у администратора в том конце здания». А до «того конца здания» топать, извините, не менее километра

Бригада, услышав стальные нотки в голосе своего предводителя, сомкнула ряды.

Пришлось применить тот же прием, что был применен по отноше-

нию ко мне: я предупредил, что все происходящее сделаю достоянием печати.

Бригадир размышлял долго, очень долго. Наконец разжал зубы. Прозвучало очень неохотно и зло:

— Тимофеев!

— А имя, отчество?

Последовала минутная пауза.

— Степан Алексеевич!

Вот так долго и трудно я добывал фамилию человека, которую должен был узнать тут же, без задержки...

А швейцар продолжал усердно проверять документы, хватать людей за руки, за плечи. Кстати, для входа в гостиницу не обязательно было иметь документ. Пока я топтался около швейцара, мимо прошмыгнула ярко одетая девица без всяких документов. Увидев людей, на всякий случай потыкала себя пальцем в грудь:

— Итальяно!

Швейцар кизнул, пропуская ее, хотя из этой девицы «итальяно», как из меня папа римский, да и слово «итальяно» было произнесено с вятско-шкилевским акцентом (есть такое село в Тульской области — Шкилевка). Что же касается рода занятий этой девицы, то он не оставлял никаких сомнений.

К сожалению, пол-Москвы знает, что за четвертной можно снять номер практически в любой гостинице, за четвертной можно пройти в любой, самый сверххраняемый отель. «Россия» ценится меньше, тут, как сообщают знатоки, можно обойтись десяткой, на профессиональном языке — чириком. И никаких документов, никаких пропусков не надо — ничего! Вы будете пропущены с улыбкой, с расшаркиванием ножкой. Не верите?! Попробуйте! А вообще давайте силами милиции и прессы проведем рейд по московским гостиницам. Посмотрите, какой будет улов! Есть еще и другие злые места, знающие люди подбросили их: «Интурист» на улице Горького, новый корпус в Измайлове, мотель «Солнечный» на Варшавском шоссе...

Год назад я улетал в очередную командировку в Афганистан. Перед самым отъездом у меня раздается телефонный звонок. Звонил мой товарищ по Афганистану еще 1981 года, Герой Советского Союза, генерал. Его вызвали на несколько часов в Москву за новым назначением. Звонил генерал из гостиницы «Россия», до самолета у него оставалось всего ничего. Он просил приехать хотя бы на десять минут, чтобы побыть вместе, постоять, помолчать, посмотреть друг на друга, вспомнить ребят, которых уже нет в живых. Внизу в гостинице «Россия» произошла та же самая история — с той же самой профессиональной попыткой не пустить. И снова я так и не смог узнать ни фамилии швейцара, ни того, где вообще его можно найти.

Утром я позвонил директору гостиницы «Россия» Сергею Ивановичу Егорову, поведал, что произошло, тот внимательно выслушал и заявил, что швейцарами занимается его заместитель Евгений Алексеевич Дарьев.

Я позвонил Дарьеву. Тот пообещал во всем разобраться. Месяц спустя, когда я вернулся из Афганистана, он сообщил, что разобрался, провел собрание, где швейцар признал свою неправоту, и что подобное никогда больше не повторится и так далее. И вот какая вещь — заместитель не назвал фамилии своего подчиненного, и передо мною за хамство никто не извинился.

Сейчас все повторилось — год не был в этой гостинице и словно бы возвратился на «круги своя». И главное — вот совпадение! — на-

ткнулся на того же самого швейцара, на Степана Алексеича Тимофеева.

На следующий день Дарьев во время разговора усмехнулся:

— Тимофеев — это известный паровоз! Жалоб на него много. .

Уходя из «России», я понял — и я, и любой другой человек совершенно бесправны, беззащитны перед людьми первого этажа. Не будь я прикрыт своими документами, для меня вся эта история добром бы не кончилась: самое малое — эти люди прислали бы мне на работу коллективное письмо, именуемое «телегой», ну а большее... Пока я писал этот материал и консультировался по вопросам, в которых не очень силен, меня предупредили: «Смотри, это может плохо для тебя кончиться!» Вот так.

И это-то со мною, с москвичом, который, слава богу, все-таки хорошо защищен, а что может произойти с провинциалом, с инженером из Свердловска или с кандидатом наук из Краснодара?

Когда об этом думаешь, делается не по себе. Поэтому я на всякий случай держу двух свидетелей того, что произошло. А вдруг, действительно, эта история будет иметь продолжение?

...Все-таки деликатная это вещь — бытовая психология. Наверняка почти у каждого есть в этом деле печальный опыт, полученный в гостинице, магазине, в службе быта или в отношениях с соседями. Здесь трещина может возникнуть на любой почве, по любому поводу, иногда даже самому малому: косому взгляду, либо равнодушному зевку при встрече соседа на лестничной площадке... Одни относятся к этому спокойно — ну зевнул сосед сонно, вместо того чтобы поздороваться, ну и что из этого? Сосед — невежливый, неинтеллигентный человек, с него станется, с ним все бывает... Другие краснеют от ярости и сжимают кулаки. Все зависит от уровня интеллигентности и тех, и других.

Живет в Москве на Садово-Кудринской, — представьте, в моем же доме, один такой интеллигентный человек, Гоман Александр Ноевич, любитель собрать шумную компанию, выпить и потанцевать, причем так, что от дробного стука ног, криков и музыки дрожит весь подъезд. Человека, который вздумает попросить, чтобы хозяин малость убавил звук, дабы чего не случилось с жилым зданием, герой наш, едва стоя на ногах, как правило, обещает отделать так, что «ни один морг к себе на постой не возьмет». Не правда ли, ответ, достойный интеллигентного человека, а? Узнаете московскую школу? А говорят, нравы Марьиной роши искоренены! Работает Гоман на втором авторемонтном заводе не кем-нибудь, а заместителем директора. Когда же он трудился рядовым механиком в системе Министерства заготовок, то ругался, говорят, меньше. Сейчас вырос. Что же будет, когда он станет директором завода? Или, не дай бог, на главк пойдет?

Грубость, хамство так прочно вошли в жизнь, что не знаю, есть ли силы, способные искоренить их, побороть. Может быть, и нет таких сил. Вместе с грамотой, с познанием арифметики и алгебры грубость вживляется в нас еще в школе.

Во Внуковском аэропорту дежурная — юная девчонка, почти десятиклассница, не успевшая избавиться от школьных привычек, ладенькая, с коротко остриженными, совсем детскими косицами волос — Татьяна Валерьевна Шабельникова, на глазах у всех рвет из рук пожилого гражданина сумку и швыряет ее на багажный конвейер. И лишь потому, что вес сумки не 5 кг, как положено по правилам для провоза ручной клади, а 5 кг 800 г.

— В самолет не попадете, а если попадете, то только через мой труп! — объявляет Татьяна человеку, который втрое старше ее.

В самолет пассажир все-таки попадает, и эпизод тот завершается без трупов. У злополучной сумки не было замков, и лежали в ней документы и ценности, а в билете, на обратной стороне четко и совершенно однозначно было указано: «Документы, драгоценности и деньги рекомендуются провозить при себе...»

Вот он сервис на грани крика — это уже не тот сервис, что был ненавязчив, это другой сервис.

В самолете гражданина, еще не отошедшего от общения с Шабельниковой, стюардесса сажает в первый ряд, а появившаяся через несколько минут другая стюардесса поднимает и спокойно выдворяет в хвост лайнера:

— Пройдите дальше на свободные места! — Впрочем, надо отдать должное справедливости, одну из пассажирок она задерживает: — А вы, бабуся, останьтесь, вы в преклонном возрасте, вам вредно много двигаться! — хотя «бабусе» той едва стукнуло пятьдесят и до пенсии ей еще работать и работать.

Узнаете интеллигентную манеру?

«Бабуся», как всякая женщина, услышавшая такое, бледнеет, хватается за сердце и весь полет глотает валидол.

Казалось бы, мелочи, но как от этих мелочей напрямую зависит наше состояние и наше здоровье.

Худо, когда человеку с маленькой должностью, или, следуя выражению классика, «просто маленькому человеку» дают власть и он начинает этой властью упиваться. Швейцар в гостинице, официант в ресторане, служащая аэропорта, патрульный ГАИ на улице, медицинская сестра в поликлинике, продавщица, сосед с соседкой, многие другие, с кем мы сталкиваемся каждый день... Как все мы зависим от них и друг от друга.

У нас есть большой дефицит вежливости, добра, улыбки, тепла и образовался избыток хамства, недоброты. Обращая внимание на других, мы не обращаем внимания на себя. Либо обращаем такое внимание, что происходит перекокс.

А надо бы почаще улыбаться, надо учить детей добру, надо жить честно и интеллигентно, чтобы не свалиться в пропасть.

Валерий ПОВОЛЯЕВ

ПОЧТА КООПЕРАТОРА

Раздел ведет юрист И ПРИХОДЬКО

КООПЕРАЦИЯ В КООПЕРАЦИИ

Дорогая редакция! Разговор о проблемах, волнующих кооператоров, начатый в десятом номере журнала за прошлый год, необыкновенно интересен. И не только кооператорам, но и тем, кто, казалось бы, отношения к этому не имеет. Но у кооперативного движения, я уверен, большое будущее. Мне лично интересна, например,

такая новая форма, как сотрудничество кооперативов с другими предприятиями и организациями, в том числе государственными, сотрудничество, основанное на коллективном членстве. Нельзя ли рассказать об этом? И еще: меня и моих коллег по кооперативной работе интересуют формы совместной деятельности кооперативов, в том числе в рамках создаваемых ими объединений и союзов, деятельность кооперативов, которые созданы внутри других кооперативов. Ждем ответа, внимательно следим за вашими публикациями. С уважением, Г. Плетнев, кооператор.

Красноярский край.

КООПЕРАЦИЯ, если рассматривать это слово в его буквальном смысле, означает совместные согласованные действия нескольких участников в целях достижения общего желаемого результата. Понятно, что эта совместная деятельность может осуществляться не только гражданами в рамках создаваемой ими общественной организации — кооператива, но и самими кооперативами.

Формы сотрудничества кооперативов как между собой, так и с иными общественными и государственными организациями могут быть самыми разнообразными. Чаще всего они строятся на основе договоров, заключаемых на продажу, поставку продукции и сырья, капитальное строительство, перевозку, а также других договоров, которые регулируют взаимоотношения кооперативов и их контрагентов в конкретных хозяйственных отношениях.

Однако в ряде случаев интересы кооперативов и их партнеров — государственных и общественных организаций — шире таких конкретных хозяйственных отношений. Этот взаимный интерес может охватывать различные стороны деятельности кооперативов, и потому сотрудничество между кооперативом и другой организацией часто не может быть сведено к оформлению отношений между ними с помощью традиционных договоров, определяющих отношения сторон по поводу отдельных сторон хозяйственной деятельности — например, выполнения работ (договор подряда), получения имущества в пользование за плату (договор имущественного найма) и т. п.

Речь идет о формах сотрудничества, когда взаимные интересы кооперативов и их партнеров тесно переплетаются, когда заключение одного договора обусловлено заключением ряда других с тем же или другим партнером. В подобных случаях возможна такая форма сотрудничества, как **коллективное членство**, то есть участие в кооперативе в качестве его члена другой организации.

О коллективном членстве в статье 12 Закона СССР «О кооперации в СССР» сказано так: «В случаях, предусмотренных настоящим Законом или уставом кооператива, его коллективными членами могут быть также другие кооперативы, государственные и общественные предприятия и организации. Взаимоотношения между кооперативами и их коллективными членами строятся на договорных началах».

Что здесь имеется в виду? О некоторых случаях коллективного членства в кооперативах говорится в самом Законе.

Например, статьей 48 Закона предусмотрено, что в потребительские общества наряду с гражданами могут вступать в качестве коллективных членов кооперативы по производству продукции, товаров и оказанию услуг, другие предприятия и организации.

Коллективный член потребительского общества сохраняет хозяй-

ственную самостоятельность, права юридического лица и руководствуется в своей деятельности собственным уставом (положением). Потребительское общество не отвечает по обязательствам своего коллективного члена, а последний отвечает по обязательствам общества в пределах внесенного им паевого взноса. Хозяйственные взаимоотношения между потребительским обществом и его коллективным членом строятся на договорных началах. Всякое решение, затрагивающее имущественные права коллективного члена, может быть принято только при его согласии.

Другой пример. Статья 47 Закона допускает возможность создания при промышленных, строительных и других предприятиях, организациях и учреждениях кооперативов общественного питания с участием в них в качестве коллективных членов предприятий, учреждений и организаций. Иначе говоря, на базе заводской столовой может быть создан кооператив, который будет обеспечивать питанием рабочих этого завода. Коллективное членство завода в таком кооперативе позволяет более гибко сочетать интересы его работников и созданного при нем кооператива. Завод может оказывать такому кооперативу разностороннюю помощь в его деятельности — например, предоставить за небольшую плату или в бесплатное пользование оборудование столовой, помещение, услуги, связанные с доставкой и хранением продуктов. В целях снабжения указанных кооперативов общественного питания продовольственными ресурсами и улучшения снабжения трудового коллектива продуктами питания при заводе может быть создан кооператив по производству, заготовке и переработке сельскохозяйственной продукции. Предприятие — коллективный член кооператива общественного питания может предоставлять кооперативу продукцию подсобного сельского хозяйства.

ПРЕДПРИЯТИЯ и организации, при которых создаются кооперативы общественного питания и кооперативы по производству и переработке сельхозпродукции, могут предоставлять льготы и преимущества своим работникам — членам этих кооперативов, участвующим в деятельности кооперативов своим личным трудом в свободное от работы время. В свою очередь, разнообразная помощь кооперативу со стороны предприятия — коллективного члена — может быть обусловлена рядом требований к кооперативу, в котором он участвует.

Эти требования отражают интересы трудового коллектива предприятия — коллективного члена кооператива. Например, требования о высоком качестве обслуживания, приготовлении горячих блюд для работников предприятия, которые трудятся в многосменном режиме, широком ассортименте недорогих блюд, торговле полуфабрикатами, доставке обедов непосредственно на рабочие места работникам непрерывных производств, ну и, кроме того, об организации торжеств, юбилеев, чествования передовиков производства... Примеров тут множество.

Согласно Закону коллективное членство допускается и в других случаях, если это предусмотрено в уставе конкретного кооператива. Например, райком комсомола хочет сотрудничать с кооперативом, выпускающим молодежные, модные товары, или с кооперативом, занимающимся организацией культурного досуга молодежи, оказанием спортивно-оздоровительных услуг. Он может предоставить такому кооперативу необходимую финансовую помощь, помещение, транспорт, оборудование, организовать молодежный субботник по

обустройству помещения и территории, необходимой кооперативу. В договоре с кооперативом райком комсомола может, в свою очередь, оговорить условия предоставления такой помощи. Такими условиями могут быть, например, определенный профиль деятельности кооператива, направленность его на выпуск недорогих, доступных молодежи товаров...

В договоре могут быть предусмотрены и последствия несоблюдения сторонами взаимных обязательств — право на расторжение договора с возвратом предоставленного имущества, уплата неустойки, возмещение убытков и т. д.

Сотрудничество кооперативов между собой может оформляться путем объединения их на строго добровольных началах в союзы (объединения).

Эти союзы и объединения могут создаваться как по видам деятельности, например, объединиться решили кооперативы одного вида — по производству товаров народного потребления, оказанию услуг, так и по территориальному признаку — союзы в районах, областях (краях), автономных и союзных республиках и стране в целом. Территориальные союзы могут создаваться кооперативами различных видов — в них могут участвовать колхозы, потребительские общества, жилищные кооперативы, кооперативы в сферах производства и услуг.

Цели создания союзов и объединений кооперативов могут быть самые разные. Это — изучение состояния и перспектив развития рынка товаров (работ, услуг), на производстве и продаже которых специализируются кооперативы, входящие в союз, обеспечение защиты прав кооперативов и оказание им юридической помощи (не всякий кооператив может позволить себе держать своего юрисконсульта), представительство интересов кооперативов в государственных и иных органах, а также в международных организациях. Союзы кооперативов могут оказывать кооперативам помощь в совершенствовании производства, внедрении достижений научно-технического прогресса, рекламе их продукции, подготовке и повышении квалификации кадров. Помощь союзов создавшим их кооперативам может состоять и в содействии специализации производства, координации деятельности кооперативов, организации рациональных хозяйственных связей, материально-технического снабжения, переработки, хранения и сбыта продукции.

Наконец, важные функции союзов — развитие кооперативной демократии, коллективное обсуждение наиболее важных вопросов деятельности кооперативов, обобщение опыта и выработка рекомендаций по наиболее полному использованию имеющихся резервов и возможностей, пропаганда кооперативного движения.

Союзы (объединения) кооперативов образуются на съездах, собраниях делегатов (уполномоченных) кооперативов. Съезд (собрание делегатов или уполномоченных кооперативов) принимает устав союза (объединения). Разрешения на создание союза со стороны государственных органов не требуется. Это — дело самих кооперативов. Уставы союзов и объединений кооперативов не подлежат регистрации в государственных органах. Союз считается созданным и признается юридическим лицом с момента принятия его устава.

Содержатся союзы и их аппараты управления за счет отчислений от доходов кооперативов, входящих в союз, а также от доходов от хозяйственной деятельности самих союзов. По решению съез-

дов кооперативов на союз или объединение кооперативов может быть возложено выполнение отдельных производственно-хозяйственных функций. Союзы могут иметь имущество, формируемое за счет доходов от собственной деятельности или переданное им кооперативами.

КООПЕРАЦИЯ, сотрудничество кооперативов могут осуществляться и в такой форме, как создание межхозяйственных предприятий и организаций и даже кооперативных банков и страховых учреждений.

Это может быть и совместная деятельность нескольких кооперативов в строительстве и эксплуатации сельскохозяйственных объектов, жилых домов, в дорожном строительстве, подготовке специалистов и создании учебно-производственных и других предприятий.

Совместная деятельность кооперативов может быть направлена и на создание межотраслевых производств, ремонтно-строительных, торговых и других предприятий и организаций. Кооперативы могут участвовать в совместном выполнении работ, связанных с реконструкцией и техническим перевооружением предприятий и производств, ускорением научно-технического прогресса...

Перечень видов совместной деятельности кооперативов не является исчерпывающим. Допускаются и любые другие виды совместной деятельности, если они не запрещены законодательством.

Для осуществления совместной деятельности кооперативы заключают договоры, в которых предусматривается решение вопросов, связанных с организацией и деятельностью совместных предприятий и организаций.

Кооперация кооперативов может происходить и в такой форме, как создание кооперативов из первичных трудовых коллективов одного кооператива. Так, из числа колхозников, работников других сельскохозяйственных предприятий могут создаваться по желанию граждан хозрасчетные коллективы на условиях коллективного или семейного подряда и аренды у колхоза земли и других основных фондов.

Хозяйство может на договорных началах предоставлять хозрасчетным коллективам право самостоятельно реализовывать произведенную ими продукцию, использовать полученные доходы, в том числе и на оплату труда, уплату налогов и отчислений в государственный фонд социального страхования, а также открывать счета в учреждении банка или финансово-расчетном центре. С согласия хозяйств такие коллективы могут создаваться в качестве первичных кооперативов. Колхоз, в котором созданы первичные кооперативы, по существу, становится своего рода кооперативом кооперативов.

Кооперация кооперативов, кооперативов и государственных организаций может осуществляться и в иных формах. Например, колхозы, другие сельскохозяйственные кооперативы, взаимодействуя с другими предприятиями и организациями агропромышленного комплекса, могут на добровольных началах и взаимовыгодных условиях, не утрачивая хозяйственной самостоятельности, вступать в состав агропромышленных объединений, агрокомбинатов, агрофирм, производственных, научно-производственных и иных систем.

Если ущемляются права и законные интересы кооперативов, находящихся в составе этих объединений и систем, или если их совместная деятельность оказывается экономически неэффективной для кооперативов, они вправе по решению общего собрания выйти из состава объединения или системы.

КОМАНДИРОВКА ПО ВАШЕЙ ПРОСЬБЕ

Вместо личного письма

На редакционный стол легла внушительная папка с документами. В ней жалобы, официальные ответы, справки, копии решений судов, представления прокуроров. В них — боль и обида человека, который уже почти четыре года как бы вычеркнут из жизни: работы нет, где живет — неизвестно, на что живет — тоже. Но человек этот — Людмила Макаровна Брит — как-то все же умудряется существовать все эти годы.

Когда люди рассказывают о своих мытарствах, всегда возникает желание помочь им. Такое желание возникло и у нас, когда Людмила Макаровна поведала о том, как ее уволили с должности директора сельского Дома культуры. Уволили, как она считает, несправедливо. И потому Людмила Макаровна очень просила направить корреспондента в село Константиновку Горностаевского района Херсонской области, чтобы на месте разобраться во всех обстоятельствах ее мытарств.

Здесь, мне думается, необходимо сделать небольшое отступление. Редакционная почта не знает недостатка в жалобах: и на произвол местных властей, и на дисциплинарные гонения, и на необоснованные увольнения. Однако, справедливости ради, стоит сказать, что не все в присылаемых письмах, мягко говоря, соответствует действительности. Есть в них порой полуправда, есть тенденциозность, иногда проглядывает желание свести счеты с «обидчиками» на страницах журнала. Однако здесь случай особый. Все-таки Л. М. Брит неоднократно после увольнений восстанавливал в прежней должности народный суд. Это заставляло предположить, что местное начальство было к ней необъективно. И главное — суд восстанавливал, а вот в последний раз уволили, и мыкается Л. М. Брит в поисках справедливости. Отчего нет по последнему увольнению решения народного суда? В чем дело? Чтобы ответить на этот вопрос, я и выехал в поселок Горностаевку Херсонской области.

Командировка пролетела быстро. Довелось узнать много любопытного о взаимоотношениях людей в районе, о других проблемах. Но можно ли защитить Брит Л. М. от «произвола» местных бюрократов? Об этом я и решил в письме из редакции напрямую поговорить с Л. М. Брит.

Итак, Людмила Макаровна, считаю, что прежде необходимо сделать небольшой экскурс в историю вашей трудовой деятельности.

В 1971 году по путевке райкома комсомола вы приехали в село Константиновку и стали руководить тамошним Домом культуры. Как руководили? Судя по множеству почетных грамот из вашей папки и вороху газетных вырезок с хвалебными рецензиями и заметками — неплохо. Были даже призовые места на всяческих смотрах в районе. Это с одной стороны. А с другой — через несколько лет у вас явно стали портиться отношения с местным начальством. Поначалу с председателем исполкома сельского Совета. Затем с председателем

колхоза. А там и с начальством из районного отдела культуры. Отчего так?

За давностью (прошло все-таки более 11 лет — срок солидный) причины охлаждения к вам начальства установить мне не удалось. Нынешние руководители, как говорится, за действия бывших администраторов не отвечают, да, откровенно говоря, и не знают, из-за чего разгорелись страсти.

Поэтому сообщу о фактах без всяких эмоций.

В 1974 году вас без вашего согласия (подчеркну: это нарушение норм трудового права) перевели на нижеоплачиваемую должность худрука. Народный суд, куда вы обратились, встал на вашу сторону и в прежней должности директора вас восстановил.

Однако уже через год вас не переводят, а увольняют за прогул. И вновь суд, установив, что прогула не было, восстанавливает вас на работе.

Вывод вроде бы лежит на поверхности: тогдашнее руководство относилось к вам предвзято и хотело избавиться от вас. Но затем оно сменилось. Несколько лет вы работали спокойно. А потом снова почему-то уволили — в конце 1982 года. Потом восстановили. И получается, что вас вроде бы и не увольняли.

Еще несколько лет назад о том, что явилось причиной такой ситуации, не принято было писать и упоминать в широкой печати. Речь пойдет о вмешательстве партийного аппарата в дела советских органов, о давлении на них.

Итак, в конце 1982 года вас, Людмила Макаровна, уволили за прогул, а в начале 1983 года приказ об увольнении отменили. Отменил его прежний заведующий отделом культуры — вас восстановили в должности. Что повлияло на местное руководство? Отчего оно было таким непоследовательным — в одном приказе увольнение за прогул, в другом через некоторое время восстановление в прежней должности. Восстанови вас народный суд — никаких вопросов бы не возникало. Но вы тогда в народный суд не обращались, никаких судебных решений не было.

Какие же силы сработали, защитив вас?

Сработало так называемое «телефонное право». Вы, разумеется, ни в чем не виноваты. Вы просто обратились в высокие партийные инстанции с жалобой на увольнение. Вас приняли на самом-самом верху. Выслушали. И вниз ушла «телефонная команда» — разобраться и **восстановить!** Без последнего слова эта команда ничего бы в вашей судьбе не изменила — мне это ясно. На областном уровне восприняли команду и соответствующим образом «спустили» ее в район.

Первый секретарь Горностаевского райкома партии В. Г. Ковальчук снял трубку телефона и повелел бывшей заведующей отделом культуры (она сейчас на пенсии — потому и фамилии не называю), отменив предыдущий приказ, восстановить на работе гражданку Брит Л. М.

Восстановили. А у меня возникает вопрос: был или не был прогул?

Если был, то на каких основаниях восстанавливать, идя против закона? Если не был — зачем увольнять? Впрочем, в те годы мы еще не говорили о верховенстве закона, о правовом государстве. Но где же принципиальность руководителя, который на каждое указание секретаря райкома — даже если оно противоречит нормам права — вытягивает руки по швам? Хотя, я понимаю, противостоять «телефонному праву» в те годы могли далеко не все руководители. Властвовало оно часто над законом — чего уж тут скрывать. Но вот в

чем я ныне убежден на все сто процентов — этот эпизод сыграл с вами в дальнейшем злую шутку. Не вы выдумали, Людмила Макаровна, «телефонное право». Но в дальнейшем — повторяюсь — вы очень рассчитывали на него. И, как показывает жизнь, напрасно.

Но продолжим ваше жизнеописание.

Наконец в 1984 году вас, Людмила Макаровна, снова уволили. В **четвертый раз!** Теперь уже по пункту 3 статьи 40 КЗоТ УССР. За что? «...За систематическое неисполнение рабочим или служащим без уважительных причин обязанностей, возложенных на него трудовым договором или правилами внутреннего трудового распорядка, если к рабочему или служащему ранее применялись меры дисциплинарного или общественного взыскания».

И вы бросились жаловаться. Полетели письма в ЦК КПСС. В ЦК, в обком Компартии Украины. И в письмах крик души: «Помогите, накажите местных чиновников, ведь в четвертый раз увольняют!» А между тем шло время. И кончился, истек срок, который закон отводит для обжалования через народный суд решений администрации.

Вот о чем я думаю. Два раза вы использовали законные пути, обращались с заявлениями в суд — и на основании закона, от имени закона вас восстановили. Значит, знали, куда идти и где искать защиты? Так почему же на этот раз не пошли? Думаю, все по той же причине: рассчитывали — вновь раздастся звонок «сверху», и вас преспокойно позовут обратно руководить константиновским сельским Домом культуры. Ан нет, не последовало такого звонка.

Но вы уже не могли остановиться: писали в Прокуратуру Союза. В прокуратуру республики. В прокуратуру области. Начальник отдела общего надзора областной прокуратуры Л. И. Сокур показала мне объемную папку — все ваши жалобы и ответы на них: «Установлено, что увольнение осуществлено в соответствии с требованиями закона, и оснований для опротестования приказа о вашем увольнении не имеется», «Оснований для восстановления вас в должности директора константиновского сельского Дома культуры не имеется. Нарушений законодательства о труде при вашем увольнении не обнаружено». Под этими ответами — подписи различных должностных лиц.

Со своей стороны заявляю, Людмила Макаровна: основания для таких ответов у проверяющих были. В этот раз при вашем увольнении нарушений закона не было. Впрочем, окончательную точку в этом деле мог поставить **только народный суд.**

А что может сказать человек, на которого, как известно, возложена обязанность высшего надзора за исполнением закона всеми органами и должностными лицами, а также защита законных интересов граждан? Прокурор района старший советник юстиции Николай Александрович Неижпапа принял ваше дело по «наследству» от прежнего прокурора. Но дело он досконально знает. И потому беседа коротка:

— Оснований для опротестования приказа об увольнении Л. М. Брит у прокуратуры нет. Ее уволили с соблюдением всех норм трудового права.

Однако в своих жалобах, Людмила Макаровна, вы указываете: «Если меня уволили якобы за «систематическое неисполнение служебных обязанностей», то почему ко мне не была тогда применена ни одна мера наказания, когда я работала?» И пункт 3 статьи 40 тоже говорит: увольнение возможно, если к рабочему или служа-

шему за период работы применялись меры дисциплинарного или общественного взыскания!

Говорю об этом прокурору.

— Если бы дело обстояло так, то прокуратура немедленно опротестовала бы приказ об увольнении. Однако были применены к Брит меры дисциплинарного взыскания,— отвечает прокурор.— Был приказ о выговоре. Поговорите на этот счет с заведующим отделом культуры Андреем Леонидовичем Вышинским.

Вот и начинается полуправда в ваших жалобах, Людмила Макаровна.

Вышинский предъявляет мне приказ № 40 от 30 октября 1984 года о вашем увольнении. И тут же приказ № 14 от 6 апреля того же 1984 года, в котором вам объявлен выговор «за крайне низкий уровень работы по культурному обслуживанию труженников сельского хозяйства константиновским Домом культуры».

Но есть у меня еще один козырь из вашей же жалобы. И я не оставляю попыток вашей защиты. Спрашиваю Вышинского: а как, мол, согласуется приказ № 14 от 6 апреля с Почетной грамотой, врученной Брит Л. М. 18 марта того же года, всего за три недели до выговора? И зачитываю грамоту: «Награждается агитбригада константиновского Дома культуры, занявшая третье место на районном смотре агитбригад, посвященном 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Руководитель агитбригады — Л. М. Брит». И подпись... А. Л. Вышинского.

Что на этот раз возразит уважаемый Андрей Леонидович? Мнется Андрей Леонидович, но все-таки говорит:

— Разве вы не знаете, что такое районные смотры? Дежурное мероприятие. И попробуйте не дать грамоту. Да мы каждому участнику даем. Это еще ни о чем не говорит. Работа в Доме культуры должна строиться не на одних агитбригадах из школьников.

Я согласен, не на одних агитбригадах строится работа Дома культуры. Но здесь вопрос о другом. О принципиальности руководителя. О девальвации наших приоритетов. Почетная грамота должна вручаться лишь тому, кто ее достоин, а не всем под копирку. Или не вручаться.

— Но почему же Брит не обжаловала приказ о выговоре? Почему не обратилась в суд с иском на увольнение? — переходит в наступление Вышинский. А я отвечаю цитатой из вашей жалобы «Мою должность подвели к Перечню № 1. И суд — ни районный, ни областной, ни в Киеве — теперь не принимает моего дела»

— Это натяжка,— возражает Вышинский,— никто судебной защиты Людмилу Макаровну не лишал. Никакого отношения к перечню ее должность не имеет.

— Кроме того, мы неоднократно разъясняли ее право обжаловать увольнение через народный суд. Об этом есть документ,— вторит Вышинскому прокурор.

Да, такой документ есть.

Сложно защитить вас, Людмила Макаровна. Очень уж вы необъективны в своих жалобах. Например, в них часто встречаются упреки в адрес местной «мафии», как вы выражаетесь. «Угрожали не только мне, но и моим родственникам... патривают милицию и прокуратуру на мою мать, ее парализовало из-за их преследований — вдову ветерана войны...»

Серьезнейшее обвинение. Итак, встречаюсь с вашей мамой Мария Андреевна Брит, 1912 года рождения, пенсионерка. Дверь от-

крывает она сама. Да, ходит Мария Андреевна неважно, согнувшись, но к местной милиции и прокуратуре ее заболевание никакого отношения не имеет. Говорили мы о вас, Людмила Макаровна, о вашей нелегкой судьбе. Это очень ее беспокоит. Старается она помочь вам, шлет деньги из своей скромной пенсии, подолгу ждет от вас писем. А живет она у сына, вашего брата, Людмила Макаровна. И все заботы о матери он взял на себя. Мария Андреевна отвергла все ваши утверждения о преследовании ее со стороны милиции и прокуратуры.

Так как же нам расценивать утверждения о преследованиях «парализованной» матери? Возможно, эти неточности и преувеличения рождены обидой! Но вы, думается, нарочито сгущаете краски. Да, у вас есть основания быть недовольной и сомневаться в искренности и объективности действий руководства районного отдела культуры по отношению к вам. Но все-таки надо быть **предельно точной** в подборе и освещении фактов, Людмила Макаровна!

И все-таки... Обоснованно или нет ваше последнее увольнение? Я не могу однозначно на это ответить. Потому что это в компетенции **только народного суда**. Я же могу только сделать следующее: просить Горностаевский народный суд считать эту публикацию **официальным обращением** с просьбой о продлении вам искового срока для обжалования решений отдела культуры о вашем увольнении.

И еще хочется напоследок, Людмила Макаровна, сказать: нельзя искать в жизни, воюя за справедливость для себя, обходных путей.

Я не знаю, как в дальнейшем сложится ваша судьба. Я не знаю, примет ли к слушанию суд ваш иск о восстановлении на работе. Одно я знаю твердо: в своих жалобах вы должны быть правдивы. Утверждаете, например, что запись в трудовой книжке об увольнении по пункту 3 статьи 40 КЗоТ УССР превратилась для вас в «волчий билет», на работу, мол, вас никуда не берут. Опять, мягко говоря, натяжка. Вы ведь никуда по поводу своего трудоустройства и не обращались. Во всяком случае, вы не смогли назвать ни одно должностное лицо ни в одной организации, которое бы отказало вам в приеме на работу. Да вы сами говорите, что никуда не хотите устраиваться, а хотите восстановиться. И чтоб наказали виновных за ваше увольнение.

Мне представляется, все это очень смахивает на попытку отомстить своим обидчикам. Другого объяснения всем неточностям в ваших заявлениях и жалобах у меня нет.

И все-таки я хочу, чтобы закон и справедливость восторжествовали во всей этой затянувшейся истории.

Очень хочу.

Вячеслав СТЕРИН

Херсонская область,
Горностаевский район

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК «ЧИЗ»

ПО НЕУСТАВНОМУ «УСТАВУ»...

Прочитал в девятом номере за прошлый год заметку Е. Токмаковой, а также интервью с доктором юридических наук В. Масловым о неуставных взаимоотношениях между военнослужащими. Об

этом же говорится в другом интервью, которое дал вашему корреспонденту начальник Управления военных трибуналов Министерства юстиции СССР, генерал-майор юстиции А. Муранов («Человек и закон» № 12).

Совершенно прав военный юрист В. Маслов: неуставные отношения между военнослужащими подрывают основу основ армии — ее боеспособность. Какой, простите, воин, защитник из человека безвольного, забитого, униженного? И, бывает, с нарушенной психикой... Разве можно доверить ему боевое оружие, разве можно подпустить его к сложнейшей современной военной технике? Убежден: на борьбу с «дедовщиной» надо направить всю силу советских законов.

Все читали повесть Ю. Полякова «100 дней до приказа». Правдивое произведение. Но далеко не обо всех теневых сторонах уставщины в ней сказано. Много, на мой взгляд, приглажено, есть скороговорка. Все дело в том, что «дедовщина» — это своего рода «устав», по которому живет армия. (Здесь и далее я буду говорить про ту армию, которую сам видел, не претендуя на обобщения.)

Даже те, кто в первый год службы ненавидел «дедов» всеми фибрами души, сам, став таковым, узнает, как точит червячок самоутверждения, как хочется если не воспользоваться своей властью над забитыми «молодыми», то хотя бы проверить ее наличие и величину. Если ты не будешь постоянно заниматься «воспитанием» молодежи и как можно более агрессивно защищать свои «права» от других «дедов», то тебя не будут воспринимать всерьез и ты постепенно эти «права» потеряешь. Как ни странно, но и молодые войны, по моим наблюдениям, уважают и слушаются только тех, кто их беспощадно терроризирует. Я вижу в этом «воспитательное» влияние неуставного армейского «устава». Молодые хоть и подчиняются всем «дедам» части, но обслуживают в основном старослужащих своего взвода. И нередко, как это ни грустно признавать, молодой солдат даже гордится крутым нравом своего «деда».

Получается так, что авторитет солдата определяется страхом, который испытывают перед ним окружающие. Он угнетает не только молодых, но и всех солдат, кого может. Вот тут-то такие прекрасные качества, как человечность, доброта, интеллигентность, могут сыграть плохую службу, ибо интеллигентный человек, как известно, не может испытывать радость, вызывая чужую боль. И, на мой взгляд, порой бывает слишком слаболовен, чтобы заставить себя сделать это даже для самозащиты. Таких называют «чмошниками». (Происхождение «термина» объяснить не могу.) «Чмошничество» — это, по-моему, одно из наиболее страшных проявлений неуставщины, уродующее и калечащее молодые души. «Чмошниками» становятся и люди очень добрые, и очень дурные, низкие. Объединяющая их черта — неспособность постоять за себя. Человека просто забивают. Панически боясь занесенного кулака, он выполняет все, что прикажет ему тот, кто сильнее.

Один раз промолчал в ответ на грубый окрик, значит, струсил. Ага! В следующий раз получишь пинок или затрещину. Огрызнулся — избьют скопом. И все слабее ответная реакция, все больше привыкает человек к своему угнетенному положению.

На гражданке, в школе, к примеру, можно дрожать от страха перед хулиганом Васей, а дома деспотично изводить родителей и знакомой девочке расписывать свои подвиги. В армии спрятаться не

удается. И стыдиться за свое малодушие не перед кем, кроме самого себя. Но «чмошник» — это не на два года. Человек, вернувшись домой, может не стать прежним, доармейским. Он уже в армии познал глубину своей низости и позже, когда встанет перед ним трудная жизненная задача, привычно струсит

Живется «чмошнику» много хуже, чем молодому. Если молодые «бегают» потому, что им «по сроку службы положено», не выделяются из толпы товарищей и не возбуждают злобы, то «чмошник» выпал из коллектива, он обладает своим индивидуальным малодушием. Его просто бьют. Кого можно воспитать побоями? «Дедовщина» закономерно ставит молодых и «чмошников» в услуги тем старослужащим, которые завоевали свои привилегии сроком службы и жестокостью.

Некоторые читатели могут принять эти строки за крик души того же «чмошника». Нет, я сам не доверяю крикам души: в них неприглядная правда сильно преувеличена, искажена личным мучительным восприятием. Да и обидно, если примут меня за «чмошника»: вот уж кем не был! Но я и не хочу, чтобы неопытные ребята получали в «школе мужества» такие уроки жизни, а после армии приступали к самостоятельной деятельности с подобным представлением о людях. Ведь некоторые, уволившись в запас, еще долго не могут прийти в себя и скалятся, как волки, на весь белый свет. А иные вообще проносят понятие «виноват тот, кто слабее» через всю жизнь.

В повести «100 дней до приказа» старослужащий, выступив против своего призыва, «дедами» «разжалован»: он остается одиноком и гордым Чайльд Гарольдом. Это неверно: человек, публично отказавшийся жить по законам «дедовщины», этими «дедами» обязательно преследуется. Бойкот сам по себе — страшная вещь в армии, где общаешься постоянно с одними и теми же людьми и нельзя сменить знакомства. В народе говорят: «Назови сто раз человека свиньей, и он захрюкает». И отшельник это должен испытать во всей глубине. Кроме того, раз ты «дедами» «разжалован» в молодые, то должен выполнять его обязанности. И этот «закон» под контролем «общественного» кулака блюдет строго. Веселым и безмятежным, как в повести, такой бывший «дед» не проживет.

И еще один момент: это отношение офицеров к «дедовщине». Подчеркиваю — я сужу на основании собственного опыта.

Случаи, чтобы офицеры обобрали воспитание молодых солдат кулачными методами, конечно, крайне редки. Хотя мне приходилось встречать и такое. Правда, в неназойливой форме. Но косвенное попустительство на каждом шагу.

«Дедовщине» в армии нужно объявить беспощадную борьбу. Но для этого, по-моему, необходимо прежде всего обратить внимание на командиров — офицерские кадры. И, разумеется, на их правовую подготовку. Разве могут такие отцы-командиры являться достаточно сильным авторитетом для солдат, которые телепередачу «Служу Советскому Союзу» смотрят с усмешкой. Поэтому и берут власть в свои руки ничтожные, но сильные в своем цинизме «деды»

К. ОГАНДЖАНОВ,
уволился в запас в 1987 году

РЕДАКЦИИ ОТВЕЧАЮТ

В редакцию поступило письмо от наших читателей из Руднянского района Волгоградской области. Они писали о том, что фуражир совхоза «Громковский» Н. Янова безнаказанно занимается мелкими хищениями.

Вот что сообщил нам о результатах проверки письма начальник Руднянского РОВД майор милиции Ю. Дюженко: факты подтвердились — Н. Янова вместе с мужем Н. Яновым похитили в совхозе 80 кг ячменя. Они были привлечены к административной ответственности. Постановлением районного народного суда в соответствии со статьей 49 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях на Янову наложен штраф 80 рублей. Н. Янов оштрафован на 100 рублей.

* * *

А. Петров, председатель Ивановского областного комитета профсоюза рабочих тяжелого машиностроения, отвечает редакции: письмо работницы картонажной фабрики В. Пешковой о неправильном взимании платы за содержание ее ребенка в детском учреждении проверено. Выяснилось, что бухгалтерия располагала не всеми документами о совокупном доходе родителей (муж В. Пешковой находится на излечении в ЛТП, и потому справка о его зарплате была представлена позже), начисляла плату в максимальном размере. Работники бухгалтерии допустили ошибку — не учли, что В. Пешкова имеет четверых детей и должна платить 50 процентов от максимального размера.

Ошибка исправлена. Переплаченная сумма В. Пешковой возвращена

* * *

М. Савиных, работнице Стрыйского завода «Темара» Львовского производственного объединения «Кинескоп», матери троих несовершеннолетних детей, проживающей с семьей в рабочем общежитии, была предоставлена трехкомнатная квартира. Однако в новую квартиру она не переехала, категорически отказавшись получить ордер. В письме в редакцию говорилось об ущемлении ее прав

Жалоба проверена прокуратурой города с привлечением специалистов. Установлено: в комнатах стены на высоте до одного метра покрыты плесенью. Обнаружены были также другие, не менее серьезные нарушения санитарных требований. Городской прокуратурой предложено руководству предприятия, на котором работает М. Савиных, а также горисполкому решить вопрос о предоставлении ей квартиры, отвечающей санитарным требованиям. Об этом сообщил нам н. о. прокурора области старший советник юстиции И. Заплотинский.

ПОСМЕРТНО... РЕПРЕССИРОВАТЬ?

Много лет назад на кладбище, что приютилось на краю глухой таежной деревушки, появился свежий могильный холм. На нем траурная лента и деревянный обелиск с красной звездой. Рядом в песок врыли крест с надписью: «1932 года 3 сентября погибши от злова человека от острова ножа два брата Морозовы Павел Трофимович рожденный в 1918 году и Федор Трофимович». Этот крест поставила мать убиенных — Татьяна Семеновна.

Вскоре могилу осквернили.

Для того чтобы ее не трогали те, кому Павел Морозов мешал и после своей смерти, останки братьев перенесли в центр деревни. Памятник пионеру стоит теперь рядом со школой, где он учился. Однако история Павлика Морозова получила новое звучание в наши дни. За перо одним из первых взялся известный писатель Владимир Амлинский. В марте 1988 года он вышел к барьеру на страницах журнала «Юность» и начал дуэль с тенью погибшего ребенка. Амлинский назвал пионера доносчиком и вынес ему обвинительный вердикт: «Павел Морозов...— это не символ стойкости, классовой сознательности, а символ узаконенного предательства».

В мае того же года в «Литературной газете» писатель, самовластно вычеркивая имя Морозова из списка героев, заявил, что Павлик «глубоко опасен». Это-де «один из бесчеловечных мифов сталинской коллективизации», который «был нужен вождю и его системе».

Позднее рядом с известным писателем у «барьера» появился еще более известный — историк Натан Эйдельман. Он пишет: «Сталин и его окружение старались приобщить к репрессиям всех: тысячи митингов в осуждение «вредителей», культ Павлика Морозова и более взрослых доносчиков» («Московские новости» № 30 от 24 июня 1988 года).

Почему тревожат прах уральского паренька? Ответ на этот вопрос можно найти в журнале «Новое время» (№ 28 от 8 июня 1988 года). Там о Павлике Морозове рассуждает литератор С. Соловейчик, написавший много хороших статей на педагогические темы. Защищая мальчиков и девочек от произвола, жестокости и оскорблений взрослых, он, как правило, поднимал на щит тех, кто, обладая широкой душой, был способен понять детство, разобраться в психологии ребенка. На этот раз Соловейчик не защищал, наоборот, направил стрелы своего гнева в мертвого подростка, обвинив его в самом страшном грехе — предательстве своего отца. Помянул и поэта (тоже мертвого) за то, что он написал поэму о Павлике Морозове «В завязь нравственности,— утверждал Соловейчик,— был нанесен в свое время удар, от которого общественное сознание не может оправиться до сих пор. Как будто произведено нравственно-хирургическое прожигание, выжигание жизненно важного душевного нерва».

Какая дьявольская хитрость! Никто не может не посочувствовать убитым в лесу мальчишкам, и так, незаметно, под анестезией жалости к убитым, в сердца детей, читавших книгу, вливали жуткую вакцину против совести.

Вот для того, чтобы мы с вами, читатель, окончательно очнулись от «сталинского гипноза», и совесть наша наконец пробудилась, и мы, не дай бог, не сделали еще одну попытку «оправдать или по-иному понять человека, предавшего Христа», Соловейчик выносит свой приговор: «...поцелуй Иуды вызывает стойкое всеобщее негодование. **Прощают убийцу, изменника не прощают**» (подчеркнуто мною.— В. К.) Вот так. Приговор окончательный, обжалованию не подлежит.

Почин, как говорится, сделан, а дальше что? Дальше то же самое. Не в мрачные времена культа, а в наши вроде бы полные справедливости, честности, гуманизма дни со страниц то одного, то другого печатного органа, то с голубого экрана начали раздаваться на первый взгляд объективные суждения: требовали вынести портреты Павлика из классных комнат, отказаться от лжегероя. Некоторые читатели и зрители послушно подчинились, кое-кто заколебался: сменить ли имя пионеротряда или так оставить? Непослушных начали стыдить. Например, в «Огоньке» (№ 24 за 1988 г.) журналистка Татьяна Иванова, укоряя пионервожатую одной из московских школ за то, что она «подвигает детей на борьбу за право носить имя Павлика», назвала девочку «жертвой сталинизма». Все как в старые, недобрые времена: ярлыки, крепкие слова, угрозы. И не смей спорить! Тем более вступаться за «разоблаченного». Не то Амлинский и другие живо зачислят в инакомыслящие. Ведь спорить с писателем, как он сам говорит в «Литгазете», значит и «сегодня в пропагандистских целях использовать штампы возвращенного на сталинских мифах сознания, отчетливо поддерживая агрессивно-охранительный пафос письма Нины Андреевой». Да, заранее предвижу, в чей лагерь меня причислят, и... все же рискну.

Амлинский пишет: «Теперь идет подступ к истории... история у каждого из нас в жилах, в крови». Это так. Но прежде всего она в фактах и документах. Никому не возбраняется, конечно, публично высказывать свои суждения об исторических личностях и событиях. Но что известно об уральской трагедии Амлинскому, Соловейчику, Ивановой? Серьезному историку Эйдельману в первую очередь (писателям и журналистам тоже), прежде чем сказать что-либо, следовало бы изучить факты, оценить их с чувством исторической ответственности и на основе исторической правды. Они же громко выкрикнули звонкую фразу, погнались за сенсацией, которая далеко не всегда бывает в ладу с истиной. Уважаемые историк и писатели забыли, что подлинная сенсация лишь тогда сенсация, когда она основана на знании, фактах. Однако, прочитав их весьма эмоциональные и ультраправедные рассуждения о поступке уральского паренька, я поняла: фактов они не знают.

Меня могут спросить: «А зачем им эти факты? Историк и писатели ведь протестуют не против конкретной личности, а против того образа пионера, который был создан не столько литературой, сколько расхожей молвой?» Однако, изучив высказывания оппонентов, можно предположить, что даже всех публикаций о Павлике Морозове они прочесть не удосужились. Хотя, если верить Юрию Феофанову («Неделя» № 23, 1988 год), нас, людей старшего поколения, «заставляли на Павлика молиться». Так ли это? Спросите старых

учителей, моих, например, они подтвердят, что никогда не призывали доносить на родителей. Ну а если кто-то и использовал Павлика в качестве примера доношительства, то мальчик в этом не виноват.

Смею утверждать, что миф о пионере-доносчике появился именно в последние годы. Воюя с «образом», который был создан недоброй молвой, Амлинский и другие литераторы надругались над реально существовавшим человеком и его трагической судьбой.

Но оставим пока борцов с тенями в покое и спросим себя: «А что мы-то знаем о Павлике Морозове?» Каюсь, в детстве я тоже о нем книжек не читала — видно, плохо «заставляли», позже — воспитывали на героях Отечественной войны. Так что знала я о Павлике понаслышке, как, впрочем, и большинство тех, с кем пришлось разговаривать, готовя этот материал. Специально опросила человек сто разного возраста. Ответы были примерно такие: «Отец Павлика, кулак, что-то там хотел сделать против колхоза, сын ему помешал, за это его убили». Многие же вообще затруднились что-либо ответить.

В тридцатые годы великий пролетарский писатель А. М. Горький сказал, что память о подвиге пионера Павла Морозова не должна исчезнуть. В шестидесятые Н. С. Хрущев, обращаясь с приветствием к Всесоюзной пионерской организации, назвал Павлика Морозова первым среди «отважных ребят, совершивших героические подвиги во славу любимой отчизны». И тем не менее, как ни вдальблвали поколениям «миф о пионере-герое», они, эти поколения, имеют о Павлике Морозове весьма смутное представление. Что ж, тем легче «авторитетам» с дубинками разрушить его памятник, опираясь на созданный молвой отрицательный стереотип. Хотя, как правильно кто-то сказал: «Стереотипы вообще не нужны. Никакие. Ни старые, ни новые. Нужна только правда. Только поиск истины». Попробуем ее найти. А начнем с писем, которые пришли к нам в редакцию.

«БРОСАЮТ КАМНИ И В МЕНЯ...»

«Пишет вам учительница Павлика Морозова Лариса Павловна Исакова. Не удивляйтесь, я еще жива... И когда ученика моего называю «предателем», то бросают камни и в меня. Считают его «сталинистом» — относят к ним и людей моего поколения, как «прошедших специальную идеологическую обработку в течение многих пятилеток». Один известный романист, которого цитирую, считает, что у таких, как я, «надо вырвать целые участки мозга», не замечая, что от слов его несет самым настоящим фашизмом. Пусть делают, что хотят, пусть ославят, как Павлика, но в жизни я столько уже натерпелась, что ничего не боюсь. И не дам глумиться ни над мертвыми, ни над живыми.

Пока собиралась писать, два раза «скорую» вызывала — так больно за Павлика, за себя, за мужа моего, Илью Максимовича. Но скажу все, что думаю и знаю, мне от людей скрывать нечего...

Родилась на Урале, кончила в Ирбите школу с педагогическим уклоном и поехала на работу в Тавдинский район, на самый север Уральской, теперь Свердловской области. Было мне тогда семнадцать лет, а ученикам — по двенадцать — четырнадцать. В 1929 году направили в Герасимовку. Чтобы понять, где я очутилась, надо знать историю этих мест. Глухомань страшная, буреломы, болота. В начале века поселений здесь вообще не было. Люди в тайгу пробирались звериными тропами, охотились на белок, лисиц, бобров. Летом 1906 года из Белоруссии прибыли сюда сорок бедняцких семей. На

родине у них своей земли не было, платить помещикам за аренду не могли, вот и подались на Урал искать лучшей жизни. Поставили шалаши у острова Сатоково — так родилась Герасимовка. С годами появились и другие деревни: Владимировка, Тонкая Гривка, Кулаховка, Урман-Дубрава. В них тоже жили переселенцы — белорусы. Корчевали пни, выжигали лес, отвоевывали землю у тайги. Орудия производства — соха, топор да лопата. Шло время, и постепенно началось среди крестьян расслоение на богатых и бедных. Многим до нового урожая хлеба не хватало, и мужики уходили батрачить к старожилам в богатое село Городище. Зимой отправлялись в Тавду к купцу Логинову рубить и возить лес, а осенью шли к арендатору озера Сатоково ловить рыбу.

В 1917 году в Герасимовку приехали из волости большевики, вместо старосты избрали Совет рабочих и крестьянских депутатов. Но вскоре наступили тревожные времена. На Урале свирепствовала колчаковщина. Около Герасимовки партизаны сражались с белогвардейцами. Когда их разбили, началась мирная жизнь, но ненадолго. Летом 1921 года в деревне Тонкая Гривка вспыхнуло кулацкое восстание, руководил им бывший белогвардейский офицер. Кулаки, вооруженные берданами, вилами, топорами, захватили и Герасимовку. Навстречу им с хлебом и солью вышли богатые мужики.

Кулацкая банда во главе со своим атаманом растерзала пятнадцать городищенских большевиков, хотели захватить Тавду и перебить всех коммунистов. Но пришел отряд красноармейцев, и банду разгромили.

Когда я и Зоя Кабина приехали в Герасимовку ликвидировать неграмотность, о восстании здесь хорошо помнили, остатки банды скрывались в лесу, и многие им сочувствовали, настроены были против Советской власти. Вот в таких условиях мы и начали работать.

Вначале поселили меня у зажиточного мужика Арсения Кулуканова, которого потом осудили за подстрекательство к убийству Павлика Морозова. Так что я этого человека знаю отлично... Говорили, что он убил в тайге и ограбил заезжих коробейников и на этом разбогател. Во всяком случае, был он действительно богатым, дом имел пятистенный, много скота и земли. Но потом разделился со старшими сыновьями, поэтому официально кулаком не считался. Однако жадный был и злой, за свою собственность мог с живого шкуру содрать. Старика Морозова, деда Павлика, тоже хорошо помню. Сам он после раздела с сыновьями жил средне, но перед богатыми на задних лапах ходил, особенно перед зятями своими Кулукановым и Силиным. Третью же дочь, Устинью, которая вышла за бедняка Дениса Потупчика, в грош не ставил. Сейчас пишут некоторые, что бедняки были лодыри, работать не хотели, оттого и бедствовали. Ложь это! Скажите, как тому же Потупчику было из нужды выбраться? Заболели у него жена и дети, пришлось лошадь продать. А это крах. Попал в кабалу к Кулуканову. Работал у него за лошадь по десять месяцев в году. Кулуканов ему лошадь давал, но тогда, когда все отсеется. Какой урожай мог Денис собрать? Мизерный. Хлеба еле до заморозков хватало. А потом опять в батраки. Дети его, вечно голодные, по деревне куски собирали.

Трофим Морозов, которого сейчас жертвой изображают, тоже как живой перед глазами стоит. Угрюмый, неразговорчивый. Посмотрел бы С. Соловейчик, как он над своей женой издевался, наверное, другое бы заговорил. Старик Морозов сноху ненавидел за то, что была из бедных, одним хозяйством с ним жить не захотела, а настояла на

разделе. Да еще иногда в школу бегала на ликбез. Из-за этого у них в семье всегда были распри.

Сколько ни стараюсь вспомнить о Трофиме что-нибудь положительное, ничего в памяти отыскать не могу. И не потому, что потом из-за него вся эта трагедия вышла, а потому, что был он человек невзрачный и двуличный. Председателем сельсовета его выбрали только потому, что он единственный мог кое-как писать и считать. Но видели бы вы, каким он после этого стал! Как же — самая большая власть в деревне, главнее его никого нет! За столом в сельсовете сидел надутый, словно барин. На словах был за народ, а на деле — совсем напротив. Беднякам, вдовам, сиротам ничем не помогал, школе тоже, а зажиточным делал всякие побрякушки. Силин, например, спекулировал, а он этого словно не замечал.

Как сел Трофим на должность, хозяйство свое совсем забросил, жена да Павлик одни надрывались. Домой приходил пьяный, где только на водку деньги брал? Видно, тогда уже получал подношения. Я ему сколько раз говорила: «Прекрати пьянствовать и жену гонять, ты же Советская власть, на тебя люди смотрят!» Только рукой махнешь да еще матом обложит. На другой день все то же самое: в доме брань, крики, слезы. Татьяна Семеновна с таким поведением мужа смириться не могла, и вскоре Трофим ушел к Кулуканову. Там ему подыскали другую женщину, и стал он веселиться и гулять свободно. В семье появлялся редко, придет, поскандалит и снова на сторону.

Татьяна Семеновна была простая деревенская женщина, лицом пригожая и очень добрая. Детей своих любила без памяти. Их у нее было пятеро. Павлик — старший, Алеша (при мне он уехал к тетке в другую деревню, и я его совсем не помню), Федя, хорошенький, очень смывленный мальчик, Рома и Гриша, который еще в зыбке качался, но вскоре заболел и умер. Павлик тоже очень любил братьев, особенно Федю. Они и в класс вместе приходили, хотя Федя не достиг еще школьного возраста.

Жалко мне было ребят, что так страдают от своего отца. Я тогда замуж вышла за уполномоченного райкома партии Исакова, свой ребенок родился, и все-таки хотели мы Федю к себе взять, но мать не отдала.

Школа, которой заведовала, работала в две смены. О радио, электричестве мы тогда и понятия не имели, вечерами сидели при лучине, керосин берегли. Чернил и то не было, писали свекольным соком. Бедность вообще была ужасающая. Когда мы, учителя, начали ходить по домам, записывать детей в школу, выяснилось, что у многих никакой одежки нет. Дети на полатах сидели голые, укрывались кое-каким тряпьем. Малыши залезали в печь и там грелись в золе.

Организовали мы избу-читальню, но книг почти не было; очень редко приходили и местные газеты. Некоторым сейчас Павлик кажется эдаким напичканным лозунгами мальчиком в чистенькой пионерской форме. А он из-за бедности нашей эту форму и в глаза не видел, в пионерских парадах не участвовал и портретов Молотова, как Амлинский, не носил, «здравницу» вождям не кричал.

Муж мой в Белоруссии батрачил на кулаков с девяти лет. В пятнадцать Илья добровольно ушел в Красную Армию, вступил в партию, всю гражданскую провоевал и за Советскую власть жизнь готов был отдать. Революцию, идеи Ильича мы приняли всей душой, мечтали о равенстве, братстве, о коммунизме, и Павлик был такой же

Ни про какого Сталина он тогда и не знал. В газетах про него в те времена мало писали, да Павлик газет и не читал.

Как комсомолка я сразу же включилась в общественную работу по хлебозаготовкам, помогала мужу проводить агитацию в деревнях. Писали плакаты, например, такие: «Здесь живет злостный зажимщик хлеба». Эти плакаты Павлик с друзьями вывешивал на воротах зажиточных мужиков, а те спускали на ребят собак. Особенно злая собака была у Кулуканова, никому прохода не давала.

Сейчас некоторые готовы с кулаков иконы писать, утверждают, что они зря страдали. Это опять от незнания. Многих, конечно, неправильно раскулачивали, но были и настоящие эксплуататоры, хищные, жестокие. Не давали беднякам вступать в колхозы — боялись дармовую рабочую силу потерять. Знаю случай, когда учительницу на кресте распяли. В Герасимовке никого не раскулачивали, но богатен все равно не раз хотели меня убить. Как-то шли мы с Павликом по деревне — он тетради принес на проверку, вдруг через забор полено летит, чуть мне голову не проломили.

Пионерский отряд в Герасимовке я тогда не успела организовать, его создала после меня Кабина Зоя, но и я рассказывала ребятам о том, как борются дети за лучшую жизнь в других городах и селах. Однажды привезла из Тавды красный галстук, повязала его Павлику, и он радостный побежал домой. А дома отец сорвал с него галстук и страшно избил. Какая уж тут «родственная связь»! Чем дальше, тем больше становились они чужими. Павлик, сама слышала, плакал, уговаривал Трофима не пить, не издеваться над матерью, пожалеть малышей, дать ему возможность ходить в школу. Очень он стремился учиться, брал у меня книжки, только читать ему было некогда, он и уроки из-за работы в поле и по хозяйству часто пропускал. Потом старался нагнать, успевал неплохо, да еще маму свою грамоте учил...

Пишу, а сама думаю: «Кому это сейчас надо? Кто нашу жизнь поймет да всю правду без издевки и прикрас расскажет?» То возносили до небес, то в грязь втоптывают, а правда ведь посередке. Однажды приехал мой Исаков из Тавды, рассказывает — положил перед ним секретаря райкома наган и говорит: «В двадцать четыре часа организовать в Герасимовке коммуну, иначе под расстрел пойдешь». «Что будешь делать?» — спрашиваю. Муж отвечает: «Партия велела, надо выполнять!» Только мы из бедняков коммуну организовали, выходит статья Сталина «Головокружение от успехов». Секретаря райкома обвинили в перегибах, и он застрелился. Коммуна распалась, а мужа моего кулаки до полусмерти избили. Меня же спасла Устинья Потупчик, предупредила, что Кулуканов с компанией собираются убить. Подхватила я ребенка и в чем была убежала из Герасимовки. Спряталась в тайге, потом кое-как до Тавды добралась. Вот, наверное, с тех пор Павлик Кулуканова и возненавидел, первым в пионеры вступил, когда отряд организовали. Писем он мне не писал, хотя мы и дружили, не силен был в грамоте, чтобы все изложить, так что про дальнейшую его жизнь я не знаю. Думаю, братьев Морозовых зарезали те, кто и нас с мужем ненавидел. Такие же мерзавцы, которые стремились большевиков уничтожить, потом моего Илью оклеветали. Расстреляли его в 37-м как «врага народа». Осталась я одна с тремя малолетками на руках.

Перед войной встретила хорошего человека, но и он на фронте погиб. Шестерых детей сама поднимала, высшего образования дать не смогла, но честными людьми вырастила. Все они рабочие, один

сын награжден орденом Трудового Красного Знамени, другие тоже на хорошем счету.

Тридцать лет я проработала учительницей и всегда своим и чужим детям про Павлика рассказывала, значит, одна из тех, кто создавал его «культ». И не стыжусь этого! Светлый он был человек, мечтал, чтобы никто чужую судьбу не задал, за счет другого не наживался. За это его и убили..

Мне вообще за свою жизнь стыдиться нечего. Как могли, на своем горбу вытащили Советскую власть. Может, что и не так делали... Только что-то я голоса писателя Амлинского тоже не слышала, когда у крестьян приусадебные участки урезали, личный скот не давали держать, губили «неперспективные» деревни. Плохо ли, хорошо ли, мы свое дело сделали, теперь вы позаботьтесь перестройку не заболтать С мертвыми воевать просто: на кресте не распнут и к стенке не поставят. Вы с теми повоюйте, кто сейчас народ обирает, богатеет за счет других.

Мне хоть и 76 лет, но рассудок еще не потеряла и считаю, что кампания, которая ведется в печати против Павлика, ничего общего с очищением не имеет. Не очищение это, а отречение! Написала я в ЦК ВЛКСМ о том, что перестройка — это прежде всего уважение к личности, к ее достоинству, просила защитить ученика своего от экстремистов, напомнила и слова члена Политбюро тов. Яковлева А. Н. о том, «что нельзя все разрушать и жить на развалинах». Молчат. Так, может быть, вы мне ответите, есть ли такой закон, который не позволяет безвинного шельмовать? Живой за себя вступить-ся может, а как быть мертвому? Человек уходит, честь его остается...

Прошли времена инквизиции, когда Илью Исакова оклеветали и уничтожили. Так почему в наши дни ученика моего предателем объявляют, репрессируют посмертно? Прошу ответить. г. Мелитополь Запорожской области».

И второе письмо. От брата Павлика Морозова — Алексея Трофимовича.

«...Я простой рабочий и, может быть, многого не понимаю, но хочу спросить тов. Амлинского: «Нам что, надо было жрать ворованное?» Ответьте прямо, без выкрутас: да или нет? Я вам писал, вы промолчали. Так вот, я без ваших советов обойдусь и внукам своим, фамилию которых вы опозорили, накажу: всегда жить по совести, как мой брат Павел, бороться со взяточниками и расхитителями, кем бы они им ни приходились. Иначе страну нашу окончательно разворуют!

Вы о доверии к родителям, о любви к ним толкуете Обвиняете брата в том, что он оборвал «наработанную веками родовую связь, на которой всегда держалась человеческая жизнь». Ну а кем тогда Тараса Бульбу считать? Тоже Иудой-предателем? Как быть с теми, кто в гражданскую в белых стрелял, сын против отца шел, брат против брата, значит, их тоже считать негодяями? Я так понимаю: гражданская война — трагедия народа. История Павлика Морозова — трагедия семьи, которую отец растоптал и предал. Из-за корысти и любви к легкой жизни. Это уж я знаю точно

Дед с бабкой тоже для нас давно были чужими. Никогда ничем не угостили, не приветили. Внука своего, Данилку, дед в школу не пускал, мы только и слышали: «Без грамоты обойдешься, хозяином будешь, а щенки Татьяны у тебя батраками». Вот так.

Ваша, тов писатель, собеседница в «Литгазете» Елена Яковлева утверждает, что Трофим Морозов «спасал записанных в кулаки од-

носельчан, которых знал с детства и над которыми нависла беда». Спросили бы прежде у меня, чем такое утверждать. Мне ведь одиннадцатая лет было, все помню. Так знаете: у нас «записанных в кулаки» не было, из богатеев никто не пострадал да и высылать некуда — и так медвежий угол. К нам действительно высылали. Привезли ссыльных переселенцев осенью тридцатого года. Вы думаете, отец их жалел? Ничуть. Он мать нашу, сыновей своих не жалел, не то что чужих. Любил одного себя да водку. И с переселенцев за бланки с печатями три шкуры сдирал. Последнее ему отдавали: деньги, сало и мясо. Может, по нынешним понятиям мало брал, а мы дураки были, что не пользовались? Но мать нам всегда говорила: «Лучше по двоим с сумой ходить, чем на чужой беде наживаться».

Вот еще один журналист, С. Соловейчик, пишет о «верности, не поддающейся ни на какие соблазны». Что-то непонятно. Кому Паша должен был верность хранить — взяточнику, мздоимцу? Я тут в «Неделе» недавно прочитал о «наследниках». Крупные советские, партийные работники золото и бриллианты хапали. Наш бы батя тоже так поступал, если бы до таких высот добрался. Дети же современных взяточников, естественно, помалкивали, ни один не сказал: «Что ты делаешь, батя, прекрати!» Наследникам молчать было выгодно, все к себе гребли: машины, должности, дачи. А какой был у Павла «соблазн»? Вся семью на себе тащить?.. Отец иногда хоть зарплату приносил, а как его забрали, мы по дворам с сумой начали ходить.

И вот что обидно. Одну из этих «наследниц» знаменитый художник в шелку и бархате нарисовал, Павла же нашего не только в печати распинают, но и, как мне сообщили, на картинах изображают в позорном виде. Я про отца старался плохо не говорить — вы меня вынудили, чтобы брата от позора спасти. О мертвых плохо говорить — грех. Так неужели не понимают этого те писатели и художники, которые брата моего перед всем миром ославили? А еще утверждают, что пекутся о нравственности народа! Я так считаю, товарищи Амлинский и Соловейчик, утверждаете вы двойную мораль. Если преступление совершает родственник, то есть свой человек, это, по-вашему, не преступление: ворон ворону глаз не выклюет, кровное родство все спишет — так, что ли? Нет, есть другая позиция — гражданственная. Она выше кровного родства. И для вас нетерпима. Поэтому и ополчились на Павла.

Пишу вот сейчас в редакцию «Человек и закон» и не знаю, какими словами передать свое состояние — так мне сейчас тяжело, если бы вы знали! Жизнь у меня была трудная, но за одно судьбу благодарю, что не дождалась мать до такого позора. Это была бы для нее последняя капля... И еще думаю: если брат мой снова кому-то мешает, значит, не умер он. Жив Пашка-коммунист и всегда будет с нами! Правильно в свердловской газете сказано: «Павлик Морозов народен, потому что отвечает идеалам именно трудового человека». И еще об одном. Когда братьев моих убили, несколько ребят вступили в пионеры, а я сплеховал. Опасался мести кулукановских наследников. Вои когда добрались до меня эти наследники!

Поймите меня правильно. Я славой Павла никогда не пользовался, всю жизнь на заводе проработал и сейчас тружусь. Но вступить за честь брата мой долг. Только объясните, что мне надо сделать и помогите! г. Алупка, Крымская область».

А БЫЛ ЛИ ДОНОС?

Раскроем два тома уголовного дела № 347 за сентябрь — ноябрь 1932 года об убийстве братьев Морозовых. Пожелтевшие, сшитые суровыми нитками листы грубой конторской бумаги. Но не цвет ее, не плохое качество говорят о том, что перед нами страницы далекого прошлого. Посмотришь на полуграмотные каракули — одно показание за день не разберешь, увидишь вместо подписей отпечатки пальцев (их большинство), и покажется: не 56 лет прошло, а века... Так далеко от нас жизнь глухой деревушки, избы с земляными полами, ребятишки в лаптях, мужики, идущие за сохой... И очень близка. Тот же страстный поиск путей к лучшей и справедливой доле. Несравнимая с нашей — яростная, но такая более понятная мечта о счастье, та же любовь и куда более страшная ненависть.

Полагаю, материалы, предоставленные мне Прокуратурой СССР, не держал в руках в наши дни, во всяком случае, не вчитывался в них внимательно ни один историк, писатель или журналист. Если бы литераторы и историки изучили два тома этого дела, они смогли бы заметить, что материалы его значительно отличаются от всего того, что мы знаем о трагедии в Герасимовке.

О Павлике Морозове написано много. В 1932 году корреспонденты «Пионерской правды» В. Губарев и Е. Смирнов были посланы на показательный процесс в Тавду в качестве общественных обвинителей. Потом они написали книги и очерки. На основе этих книг и были созданы стихотворение Сергея Михалкова и поэма Степана Щипачева. То, что все они рассказали, соответствует действительности в главном, но очень отличается в деталях. Да это и понятно: ведь это был не стенографический отчет.

Более достоверны книги уральского журналиста П. Соломеина (их в Москве, кроме «Ленинки», ни в одной библиотеке не найдешь), но и в них присутствует свойственная литературному произведению фантазия. Да, кстати, и портреты пионера-героя, которые мы привыкли видеть в школьных классах и которые сейчас оттуда призывают вынести, мало похожи на Павлика. Портрет его написали уже после смерти, по воспоминаниям. При жизни Павлика никто не фотографировал — не до того было, да и не на что. Чудом, правда, сохранился групповой снимок деревенских ребят, есть среди них и десятилетний Павлик. Но снимок очень плохой, нечеткий.

Так вот, после того как я сравнила все, что написано о трагедии в Герасимовке, с материалами следствия и судебного дела, мне показалось, что в руках у меня старый холст, записанный кистью разных художников. И мне, как реставратору, придется смыть эти записи, тогда и предстанет перед нами наиболее точное изображение событий и действующих лиц трагедии.

Внимательно изучая дело об убийстве, перечитывая его много раз, я прежде всего обратила внимание на то, что ни один из многочисленных свидетелей, ни обвиняемые ни разу не сказали, что Павлик «донес» (т. е. тайно сообщил кому-то) о преступлении своего отца. Как правило, они утверждали, что Сергей Морозов был «сердит на внука, ругал его за то, что тот давал показания против отца на суде». А это, согласитесь, совсем не одно и то же. Если человека приглашают на суд как свидетеля, он не должен молчать или врать. И сейчас, когда я пишу эти строки, действует закон, по которому и родственники обвиняемого несут ответственность за дачу ложных показаний. Они обязаны говорить правду и только правду. Хотя, если

сказать честно, сколько раз присутствовала я на процессах, где судили взяточников и расхитителей, столько раз слышала, как выгораживают их родственники. Одна дама, например, долго рассказывала о том, как они нуждаются, как сама вынуждена стричь мужа и шить ему брюки, и никак не поймет, откуда у них в шкафу оказались сорок пять тысяч... Убеждена, дама лгала не потому, что безумно любила супруга (судьи, кстати, относились к показаниям родственников критически), а просто потому, что была единомышленницей мужа, моральным соучастником его преступлений, пользовалась их плодами. Павлик же так поступить не мог. Правдиво ответив на вопросы судьи, он выполнил свой гражданский долг. Но вот что касается доноса... Нет, я не собираюсь как-то выгораживать Павлика, он в этом не нуждается, просто хочу установить истину. Я даже вполне допускаю, что он мог и до суда с кем-то поделиться своей тревогой, попросить совета, как повлиять на отца. Но чтобы специально писать куда-то или тем более ехать... да и куда, к кому?

В Свердловске я разговаривала с А. И. Шехурдиным, который в 1931—1932 годах работал в Тавде военным инспектором, то есть занимался в деревнях района вопросами мобилизации, присутствовал он и на суде над убийцами. Александру Ивановичу уже много лет, но прошлое он помнит хорошо. Так вот, Шехурдин утверждает, что в Герасимовке, этой богом забытой таежной деревушке, в тридцать первом году никакого начальства вообще не было... Кроме председателя сельсовета Трофима Морозова. Участковый инспектор Я. Т. Битов (это я знаю уже по материалам уголовного дела) появился там в тридцать первом, а весной тридцать второго его сменил Я. Титов. Иногда в деревню приезжал уполномоченный райкома по хлебозаготовкам. И вот что интересно. В книге Соломеина сказано, что Павлик явился в сельсовет (где мог каждую минуту встретиться со своим отцом!) и обратился к уполномоченному райкома Кучину, а в книге Губарева, который был на суде над убийцами и одновременно с Соломеиным собирал материал для газеты, названа совсем другая фамилия. Губарев пишет, что уполномоченный Дымов зашел к Морозовым в дом и случайно увидел оброненную Трофимом бумажку, поднял ее, а Павлик сказал, что отец этими справками торгует.

В книге же о Павлике Морозове для малышей Губарев пишет совсем другое: к Дымову вместе с Павликом пришла учительница Зоя Кабина и отдала уполномоченному сфабрикованную Трофимом Морозовым справку. Однако в материалах дела таких показаний Кабиной нет.

Из материалов дела известно (это подтверждают свидетельские показания), что Трофим давно завел себе другую женщину, в семье появлялся редко. Думаю, не мог он при бывшей жене и детях принимать «клиентов», а скорее всего, обделывал свои дела у Кулуканова, в доме которого поселился с молодой супругой, где жили и собирались ссыльные переселенцы. Убеждена, выявить торговлю бланками наверняка сумели без помощи Павлика. Для этого стоило в той же Тавде задержать одного или нескольких ссыльных переселенцев, в справках которых значилось, что они «коренные» жители Герасимовки и бедняки. Полуграмотные люди, каким был Трофим, обычно старательно выводили свои подписи, так что установить лицо, которое выдало фальшивый документ, было делом одной минуты. В книге же Соломеина Кучин, якобы получив информацию от Павлика, переодевается, чтобы выдать себя за ссыльного переселенца, да еще при-

клеивает бороду и таким образом разоблачает преступника. Детям такая сцена может показаться вполне убедительной, но не взрослым людям — историкам и журналистам...

Но, даже если верить тому, что написано в книгах, остается неясным, кому все-таки Павлик сообщил об отце — Дымову или Кучину? Л. П. Исакова утверждает, что в Герасимовке уполномоченных райкома с такими фамилиями вообще не было. Илью Исакова сменил уполномоченный райкома Толстый. Лариса Павловна это хорошо помнит, так как фигура уполномоченного вполне соответствовала его фамилии. Значит, Кучин и Дымов вымышленные? Так не вымысел ли и сам факт доноса? Думаю, П. Соломеин написал об этом, не руководствуясь точными фактами, не на основании бесед с уполномоченным, а пойдя на поводу разговоров и слухов, которые могли распространять и недоброжелатели Павлика. Герасимовка — деревня сложная. В ней и сейчас еще живут бывшие ссыльные переселенцы, которые много пострадали из-за тотального раскулачивания, а тогда жили и те, кто противился всему новому и люто ненавидел Советскую власть. Так что послушаться в этой деревне можно было всякого.

Но вернемся к «доносу». Деяние это, как известно, тайное. Кто вообще может поклясться, что оно имело место? Только сам Кучин. Однако слов его Соломеин в своих книгах не приводит, нет показаний Кучина и в деле об убийстве. Зато есть в нем свидетельство участкового инспектора милиции 4-го участка Якова Тихоновича Битова, который работал в Герасимовке, как я уже сказала, в тридцать первом году. Он рассказывает о двоюродном брате Павлика Иване Потупчике, который состоял в обществе содействия рабоче-крестьянской милиции, помогал ему в работе, и о том, что Павлик был активный, агитировал односельчан вовремя выполнять поставки и т. д. Но ни слова не говорит о том, что Павел сообщил ему об отце, хотя именно он, участковый милиционер, и был тем должностным лицом, к которому Павел, пожелай он сообщить что-то, и должен был обратиться в первую очередь. К Битову, а не к Кучину или Дымову, существование которых ничем не подтверждается!

И вот что еще важно. В книге П. Соломеина «В кулацком гнезде», выпущенной Уральским издательством в 1933 году, автор приводит речь Павлика на суде над его отцом 31 декабря 1931 года. Цитирую: **«Это я доказал на Трофима Морозова и его банду»** (подчеркнуто мной.— В. К.). Теперь откроем дело № 374. В нем есть документ, из которого видно, как в действительности вел себя на суде двенадцатилетний подросток. Допрошенный в присутствии матери и учительницы, Павел Морозов ответил утвердительно, что отец его не заботится о бедняках, присваивает себе кулацкое имущество. Так, например, взял койку у Кулуканова, у него же хотел взять себе стог сена, но тот не отдал, сказал: «Пусть лучше в казну пойдет». Как видите, о справках спецпереселенцам, которыми торговал Трофим, мальчик не сказал ни слова. Дорого же ему обошелся вымысел писателя!

Сколько веков обвиняли Бориса Годунова в том, что он замешан в убийстве царевича Дмитрия! Но вот в 1983 году вышла книга ленинградского историка, профессора ЛГУ Р. Г. Скрынникова, в которой он убедительно доказал, что Борис Годунов к преступлению не причастен. Я же ничего утверждать не берусь, не считаю, что только мне известна истина в последней инстанции. Однако хочу сказать: сейчас в судопроизводстве ведется решительная борьба с обвинительным уклоном. Так стоит ли скатываться по этому уклону нашим писателям и журналистам? Убеждена — тот, кто хочет верить исто-

рический суд, обязан помнить о презумпции невиновности. Пусть те, кто утверждают, что Павлик донес на своего отца, докажут это не на литературном материале, не на основании злой молвы, а с документами в руках, пусть приведут неопровержимые доказательства. Иначе все, что они пишут, самая настоящая клевета. Нынче мы рьяно клеймим тех, кто клеветал на людей в прошлом, и тем более не должны допускать оговора в настоящем и будущем, если, конечно, не на словах, а на деле хотим создать по-настоящему правовое государство.

НАЧАЛО БОРЬБЫ

Так за что же тогда убили Павлика? Он действительно был очень опасен. Хотел хорошей, справедливой жизни и так стремился к ней, что все время мешал тем, кто цеплялся за старое.

Я читала о том, что, когда Трофима осудили, Сергей Морозов свалил забор, отделявший его двор от двора снохи. Напомню, ненавидел он ее за раздел земли и имущества, вероятно, считал, что теперь, когда сына нет, он имеет право вновь стать хозяином своих владений. А внук — «сопливый коммунист», как называл его дед, — мешал. Да еще если организуют колхоз (а время это неуклонно приближалось), собирается, как бедняк и пионер, вступить в него. Вот старик и стремился поскорее лишить Павлика имущества, чтобы голытьбе в колхозе не досталось.

Есть в деле да и в книгах эпизод о том, как дед попросил у внука седелко и не отдал его. Кажется, пустяк? Но только на первый взгляд. Хорошее кожаное седелко с потником для крестьянина того времени было дороже, чем нашему современнику «Жигули». Без машины обойтись можно, без седелки Павлик бы пропал. Какая работа, если плохим седелком лошадь сотрет себе спину? Мальчик пытался вернуть седелко, за это Данила избил его. Так начинается борьба не только за имущество — за способ существования. Данила, считая себя наследником деда, надеялся через год-другой стать полновластным хозяином двора и надела. Вот и боялся, что Павлик уйдет в колхоз, мечтал вернуть назад землю братьев, превратить их в дармовых работников. Павел противился этому изо всех сил. Он знал, что его семье из пяти едоков, где одни малолетки, из нужды не выбраться, что придется ему или гнуть спину в хозяйстве Данилы, или батрачить на кулаков. Поэтому и поддерживал Советскую власть всей душой, понимая, что в ней спасение.

После Трофима председателем сельсовета выбирают бедняка, его заместителем становится бывший батрак Кулуканова Денис Потупчик, родственник Павла, муж его тетки Устиньи. Вокруг сельсовета сплачивается беднота, среди них двоюродный брат Павла, коммунист и осодмилец Иван Потупчик. Начинается настоящая война. Павел стоит за Дениса и Ивана не потому, что они ему родня. Эти люди близки ему по духу, связаны с ним одной судьбой. Против сельсовета и бедняков богатеи Силин, Кулуканов — тоже родственники, но враги.

Продразверстка давно заменена продналогом, но Кулуканов не хочет его платить и в соответствии со статьей 60 Уголовного кодекса РСФСР (редакция 1926 года) попадает под суд. В счет погашения налога у Кулуканова описывается часть собранного хлеба и имущества. Все это должно перейти в сельский Совет на помощь беднякам. Однако Кулуканов решение суда не выполняет, прячет хлеб у старика Морозова, а имущество — у Арсентия Силина. В деле есть

показания Сергея Морозова о том, что внук «ходил по пятам за Силиным и Кулукановым, стыдил их за то, что прячут хлеб» (подчеркнуто мной.— В. К.), то есть не наушничал, а боролся в открытую. Прижимистому и хитрому деду, который помогал Кулуканову, Павел тоже не давал покоя.

В конце концов Денис Потупчик с участковым, сыном Иваном и Павлом находят спрятанный хлеб. Отбирают они у Шатраковых и незаконно хранящееся ружье — здесь еще помнят о берданах, направленных в большевиков. И Пашка-коммунист, как называют теперь в деревне паренька, становится опасен. Значит, его надо убрать. Пустить бы в распыл и Ивана, но за ним отец, Павлик же беззащитен и более уязвим.

Листаю страницы дела. В них жизнь без ретуши, обнаженная, грубая, а борьба жестокая. Читаю и изумляюсь стойкости и упорству тринадцатилетнего мальчишки. Ему шипят: «Отрекись! Уйди из пионеров, не вяжись за Денисом, не помогай большевику и милиции». Он стоит на своем.

Да, не читала я в детстве про Павлика, другие были у меня герои. Но именно сейчас мне хочется встать рядом с ним и так же, как он, смело и до конца отстаивать свои убеждения. Всегда ли мы это делаем? Чаше хнычем, что перестройка идет вяло, никак не одолеем бюрократов и хапуг, киваем на объективные обстоятельства. И, по существу, ничем не рискуем. Бережем здоровье, устроенность и душевный покой. Разводим руками и... отступаем. Павел же рисковал жизнью, но не отступил. Представляю, как ему было страшно в глухой, заброшенной в тайге деревушке, с ребятишками на руках, для которых он был отцом и кормильцем. Среди темной родни, живущей по волчьим законам. **Но Павел был настоящим борцом, отважным и верным. Именно этому у него надо учиться.**

РАССЛЕДОВАТЬ ДОСКОНАЛЬНО!

Но вернемся в Герасимовку. Второго сентября, в пятницу, Татьяна Семеновна уехала в Тавду сдавать телят. Бедняки всегда вовремя рассчитывались с государством, хотя сами еле сводили концы с концами. Их выручал лес, где на зиму запасались ягодой. Вот и в субботу, 3 сентября, ребята чуть свет побежали за клюквой.

Вернувшись в понедельник из Тавды, мать с ужасом узнала, что Павла и Феди нет дома. Заметалась по деревне, бросилась к участковому. Титов поднял людей прочесывать лес. Кулуканов выйти на поиски отказался.

Братьев нашел Дмитрий Антонович Шатраков. Прежде чем процитировать его рассказ, хочу предупредить — почти все показания мне пришлось несколько подредактировать, иначе невозможно было бы их читать. Показания давали простые крестьяне, а записывал, особенно в первые дни, полуграмотный участковый инспектор милиции Титов. Однако смысл сказанного и некоторые обороты речи сохраняю в точности. Итак, Дмитрий Шатраков сообщил следующее: «Когда 6 сентября Титов поднял народ искать братьев, я взял у него ружье, которое было ранее сдано в сельсовет, и пошел с собакой. Найти не надеялся, в тайге год можно искать — бесполезно. Я шел по тропе, а собака бежала стороной и выгнала тетерок. Я тогда стрелил и убил одну тетерку. Полез искать. Собака бежала передом и тут нашла убитого Морозова Павла»

Я стал кричать, но на мой крик никто не пришел, тогда я дал выстрел вверх, никто опять не отозвался. Возвратившись в Герасимовку, я заявил в сельсовет Денису Потупчику и Титову, которые только что пришли из леса, что в роще под Сергиной нашел Павла. Мы втроем снова пошли к трупу убитого и там недалеко от Павла нашли Федора».

Далее следует акт осмотра трупов, подписанный участковым инспектором Титовым, фельдшером городищенского медпункта П. Макаровым, понятными Петром Ермаковым, Авраамом Книгой и Баркиным Иваном. Вот его текст: «..Морозов Павел лежал от дороги на расстоянии 10 метров, головой в восточную сторону. На голове надет красный мешок. Павлу был нанесен смертельный удар в брюхо. Второй удар нанесен в грудь около сердца, под которым находились рассыпанные ягоды клюквы. Около Павла стояла одна корзина, другая отброшена в сторону. Рубашка его в двух местах прорвана, на спине красное багровое пятно. Цвет волос — русский, лицо белое, глаза — голубые, открыты, рот закрыт. В ногах две березы

Труп Федора Морозова находился в пятнадцати метрах от Павла в болотине и мелком осиннике. Федору был нанесен удар в левый висок палкой, правая щека испачкана кровью. Ножом нанесен смертельный удар в брюхо выше пупка, куда вышли кишки, а также разрезана правая рука ножом до кости».

Титов был в Герасимовке человеком новым, но в деревне каждому хорошо известно, кто из-за чего и с кем враждует. Поэтому люди после гибели братьев сразу же указали ему на Данилу и Сергея Морозовых. Прежде чем взять их под стражу, Титов в присутствии понятых П. Макарова, Д. Потупчика, М. Книги, К. Ермакова произвел в их доме обыск, о чем и составил нижеследующий протокол: «При обыске обнаружены холстяные, в синюю и белую полоску, штаны и холщовая темно-синяя рубашка, которые были выстираны и лежали около кадки. Правая штанина обмарана кровью, левая штанина тоже обмарана в крови на колене, кровь имеется и на задней стороне штанов около пояса. На груди рубашки тоже застиранные кровавые пятна. Одежда преступника была заварена крутым кипятком, отчего пятна крови остались несмываемыми» (л. д. 8, 9). Позднее при повторном осмотре изы за божницей был обнаружен завернутый в бумагу большой очень острый кухонный нож.

Данилу и Сергея Морозовых посадили под замок в амбар. Взят их под стражу двоюродный брат и внук, осодмилец Иван Потупчик. Титов же начал допрашивать крестьян, обстоятельно записывая не только фамилию, имя и отчество каждого свидетеля, но и его имущественное положение. Так, Варыгин Прохор Иванович (18 лет, малограмотный, беспартийный, бедняк, имеет одну корову) показал: «Морозов Павел и Федор убиты с политической точки зрения, так как Морозов Павел являлся пионером и активистом, часто выступал на общегражданских собраниях, говорил за проводимые мероприятия Советской власти, заступался за бедняков, стыдил свояка Кулуканова Арсентия, Силина Арсентия и деда Сергея за то, что скрывают конфискованный ходок (телегу) и другие вещи. С помощью Павла Морозова была раскрыта кража хлеба. Кулуканов украл его с поля снопами, которые принадлежат Герасимовскому сельсовету, и спрятал у деда Морозова. После того, как хлеб и имущество были найдены, Данила грозил Павла убить. Со стороны Силина Арсентия, Кулуканова, его жены Химы и деда Морозова тоже были угрозы. Я сам

слышал, как они ему кричали: «Сопливый коммунист, уйди из пионеров, иначе не будешь жить». Все они ненавидели Павла, ругали его и издевались». То же самое показал Иван Потупчик, бригадир Герасимовской бригады содействия рабоче-крестьянской милиции, бедняк Ефим Гольцов и многие другие.

Был допрошен и Дмитрий Антонович Шатраков (1910 года рождения, холост, едоков 11 человек, изба с надворной постройкой, лошадей 2, корова 1). Его, который первым обнаружил трупы братьев, Титов, видимо, тоже заподозрил в убийстве. На это Дмитрий Антонович возражал: «Виноватым себя не признаю, потому что все эти дни был в Городищенском сельсовете, что могу доказать документально. Там была комиссия допризывников, о чем в военном билете имею отметку. Еще ставлю свидетелей Михаила Потупчика и Ермакова Кирилу, которые могут подтвердить, когда я ушел в Городище и когда вернулся домой». Вместо подписи под своими показаниями Дмитрий поставил отпечаток большого пальца. К делу подшита и справка, выданная Дмитрию Антоновичу Шатракову в том, что он действительно 3 сентября был на слете призывников.

Многие свидетели показали, что подстрекателем к убийству мог быть только Кулуканов, поэтому позднее он тоже был арестован. Посадили под замок Ксению Морозову, бабушку Павла, и Ефрема Шатракова. Участковый Титов несколько дней не мог поехать в Тавду и сообщить об убийстве братьев. Только 11 сентября к допросам приступил присланный из управления милиции агент уголовного розыска Спиридон Карташев. В присутствии учительницы З. А. Кабиной и понятых Карташев допросил учеников первой группы Сакову Анастасию, Степанову Анну, Фокина Павла, Коваленкову Пелагею, которые сообщили: «Не помним которого дня, но в то время, когда были посажены в амбар при сельсовете арестованные Данила и Сергей Морозовы, мы играли в прятки. Схоронились возле амбара и услышали разговор. Дед Морозов сказал Даниле: «Сделали неладно, поспешили. Надо было заткнуть убитых в Петрушинский мох, и никто отродясь бы не нашел» (л. д. 33).

Затем Карташев в присутствии понятых, избача Павла Ельшина и Василия Книги предъявил для опознания Сергею и Даниле Морозовым изъятые при обыске в их доме холщовые брюки и рубашку. Арестованные засвидетельствовали, что вещи принадлежат именно им. На вопрос о том, почему штаны и рубаха в крови, Данила пояснил, что у «деда был понос и он обмарался».

О том, как эти двое вели себя на допросах, я расскажу позже, а сейчас приведу имеющуюся в деле и подписанную секретарем ячейки ВКП(б) (подпись неразборчива) и председателем Герасимовского сельсовета Неймытовым характеристику на Кулуканова Арсения Игнатьевича, его жену Ефимию Сергеевну и Силина Арсения Никитовича. Вот ее текст с некоторыми сокращениями: «Все эти люди с 1921 г. по 1931 г. занимались эксплуатацией бедняков и батраков, которые вынуждены были работать на них за кусок хлеба. Например, на Кулуканова работал Денис Потупчик, у которого не было в тот момент лошади, нечем было обработать свою землю. Работал он за то, чтобы Кулуканов дал ему коня вспыхать землю и посеять сколько-нибудь хлеба для себя. Но Кулуканов со своей женой Химой лошадь не дали, говорили людям так: «Если мы ему дадим коня вспыхать своевременно землю, то он сможет получить хороший урожай, обеспечит свою семью хлебом и не пойдет больше нам работать».

А если мы дадим коня после времени, то у него уже выйдет урожай плохой и он опять будет нам работать за кусок хлеба».

Силину тоже работали бедняки и батраки. Он был к тому же и спекулянт, покупал у населения скот, резал и продавал его мясом в Тавде по дорогой цене. Нашел себе агента где-то в Туринске для того, чтобы шире развернуть свою спекулятивную сеть, от чего получал большой доход для укрепления своего хозяйства. И через что мог еще больше заниматься эксплуатацией чужого труда».

Здесь надо сказать, что в Уголовном кодексе РСФСР, принятом в 1926 году, была специальная статья, предусматривающая уголовную ответственность за злостное повышение цены на товары путем скупки. Поэтому понятно, почему люди, писавшие эту характеристику, возмущались и Трофимом Морозовым, который смотрел на «спекуляцию Силина сквозь пальцы и не пресекал его противоправные действия». «Все эти проделки,— сообщают они дальше,— продолжались до 31-го года, но сельский Совет никаких мер не принимал. Трофим всегда потакал богатым, освобождал их от платежей, то есть делал им снижение по всем государственным задолженностям. Потом Морозов начал писать фальшивые документы и продавать их спецпереселенцам, за что получал деньги, водку, одежду, сало и другие вещи. Трофим завел среди спецпереселенцев агента и через него продавал большое количество поддельных справок, получая за них много денег. Он хотел делать так дальше, но был арестован и отдан под суд. На суде его сын, Павел Морозов, подтвердил, что видел в доме чужие вещи».

Далее в характеристике говорится, что «суд приговорил продавца документов к десяти годам, а Сергей Морозов, Силин и Кулуканов понесли зло на Татьяну и Павла Морозовых за то, что они оставили их без защитника. Им теперь приходилось выполнять твердое задание, чего они не хотели. Павел стал их на собрании стыдить, а они ему угрожать...» (л. д. 44).

Допросил С. Карташев и неимущего (нет ни лошади, ни коровы) батрака Иосифа Марковича Протоповича, который рассказал о том, что весной 32-го года в Герасимовке проходила регистрация оружия. Напомню, что по закону того времени (статья 182 УК РСФСР, ред. 1926 г.) изготовление, хранение, покупка и сбыт взрывчатых веществ или снарядов, а равно хранение огнестрельного (не охотничье-го) оружия без надлежащего разрешения влекли за собой уголовную ответственность. Шатраков Антон, его сыновья Ефрем и Дмитрий имели два ружья, «бердан регистрировать не стали, а шомпольное отдал в сельсовет». «Когда я,— продолжал свои показания Иосиф Маркович,— участковый инспектор Титов, осодмилец Иван Потупчик, Григорий Книга и председатель сельсовета Неймытов спросили ружье, Шатраковы сказали, что продали его. Тогда Павел, который во всем помогал сельсовету, в присутствии нас сказал Шатраковым: «Отдайте бердан, вы его не продали, а прячете». Отец и сыновья отказались. Тогда мы произвели у Шатраковых обыск и нашли бердан за печкой. Ефрем тогда сказал Павлу при нас: «Будешь помнить наше ружье».

Записав это показание, Карташев, который вел следствие всего четыре дня, свою работу закончил. Вместо него прибыл другой следователь, вероятно, более опытный и грамотный. В это же время Денис Потупчик и Яков Титов провели опись имущества арестованных Морозовых. К сожалению, мы не знаем, что имелось в хозяйстве Павла. Со слов Л. П. Исаковой известно, что «лошадь звали Бусы-

хой, в избе был земляной пол, мать бесценно ходила в одной и той же кофте, под младенцев вместо пеленок подкладывала в зыбку мох, а Павел носил картуз, который ему кто-то подарил Христа ради. В хозяйстве же деда, который называл Павла «нищетой» и «гольию перекастной», по описи значилось, кроме коровы, лошади, телят и мелкой живности, 18 пудов хлеба, три чугуна, дойник, две миски, одна тарелка, сахарница, сковородка, зеркало, один матрац, брюки, брезент, четыре топора, пила, две косы, два молотка, лампа, два деревянных ведра, кадка, телега, хомут, седелко, дуга, сена один воз. Все это, «т. к. сами арестованы и хранить дома некому», было передано в сельский Совет «до выяснения дела по суду».

12 сентября состоялось собрание бедняков Герасимовки, на котором присутствовало 22 человека. Председателем на нем был Ефим Книга, секретарем — Фирс Парфенов. «Обсудив вопрос об убийстве братьев Морозовых», собрание постановило просить «пролетарский суд выехать на место и все досконально расследовать». «Кроме того, вступить в ряды ВЛКСМ решили Парфеновы Фирс и Давид, Ефремов Петр, Юдов Карп и Чухонцев. Они дали слово досрочно выполнить все виды государственных хлебозаготовок, в чем и подписались».

16 сентября в ответ на требования герасимовских бедняков из Тавды прибыл райуполномоченный ОГПУ Быков. Вот что поведала ему мать убитых Татьяна Семеновна Морозова (домохозяйка, разведена, неграмотная, неумирующая, сочувствует Советской власти), позже многое она рассказывала и сыну Алексею: «Мой свекр ненавидел нас с Павликом за то, что он на суде дал показания против Трофима. Данила тоже делал сыну угрозы, избивал. Всячески насмеялся он и надо мной за то, что младшие дети иногда ходят в куски. Орал: «Помогла посадить мужа, теперь майся». А мы и при Трофиме света не видели. После того, как его арестовали, Данила и дед стремились отнять у нас последнее. Так, например, летом Павел просил вернуть седелку, на что двоюродный брат сказал: «И без нее сдохнешь с голоду». Дед грозил Павлу «бить до тех пор, пока не выпишется из пионеров». На это сын ему ответил: «Убивайте хоть сейчас, но из

пионеров не выйду». Однажды Данила ударил Павла оглоблей по руке, которая стала опухать. Я подбежала оборонить сына, закричала: «За что бьете?!» Данила ответил: «Будем бить коммунистов, как в 21-м году, сдерем с них шкуру». Он снова замахнулся на Павла, но я встала между ними, и тогда Данила ударил меня кулаком по лицу, изо рта пошла кровь. Бабка Аксинья сказала Даниле: «Зарежь этого сопливого коммуниста».

Когда я приехала из Тавды, стала расспрашивать про детей Алешу. Он сказал, что 3-го вечером видел, как Данила быстро шел из леса и с ним бежала наша собака. Алеша спросил, не видел ли он Павла и Федю, Данила ничего не ответил, усмехнулся и вошел в свою избу. Алексей сказал, что Данила был одет в самотканые штаны в белую и синюю полоску и большую черную рубаху. Спрашивала я про детей и Аксинью, на что она мне сказала: «Татьяна, мы тебе наделали мяса, а ты теперь его ешь». Она говорила это в присутствии Юдовой Степаниды и Варыгина Прохора Ивановича».

Юдова и Варыгин потом подтвердят, что действительно слышали эти жуткие слова Аксиньи. Татьяна Семеновна так заканчивает свой рассказ: «Яков Титов, Денис и Иван Потупчик вместе с Павлом требовали, чтобы Кулуканов отдал конфискованное по суду имущество. Тот от добровольной выдачи отказался. При обыске в огороде старика Морозова был обнаружен в яме ходок и два передних колеса, а у Силина Арсентия зарытые в яме два задних колеса». Кулуканов решил, что это Павел показал участковому, где спрятано имущество, и тоже грозил убить «голоштанного пионера».

К показанию Татьяны Семеновны подшита справка от 29 августа 1932 года, выданная Павлу Морозову участковым Яковом Титовым. В ней говорится, что мальчик был избит Даниилом Морозовым и направлен в Городищенскую больницу. Участковый просил осмотреть Павла вне очереди и установить наличие телесных повреждений. Внизу имеется приписка того же Титова: «Морозов П. к врачу не выехал, т. к. лошадь работала в поле».

КТО УБИЙЦА?

Итак, в убийстве и причастными к нему подозреваются С. С. Морозов, Д. И. Морозов, А. Морозова, А. Кулуканов, А. Силин и Е. Шатраков. Один лист показаний, три, десять — Данила подробно излагает, как его друг Ефрем Шатраков, который «был сердит на Павла за ружье», подговорил его выследить в лесу ребят и убил их. Эти показания он давал Титову. Шатраков, наоборот, утверждал, что убил Данила, но потом Ефрем от своих слов отказался и подал жалобу, что участковый инспектор вынудил его дать ложные показания. За это Титов был немедленно отстранен от следствия, хотя Иван Потупчик письменно заверил, что присутствовал на всех допросах и «участковый не только не бил Шатракова, но даже не матерился». Так или иначе, но Титов сложил свои полномочия и далее сам стал выступать в качестве свидетеля. Он рассказывал, что «Павел был очень активный и с Иваном всегда помогал ему и сельсовету в работе».

Очень любопытны дальнейшие показания Данилы. Сначала он оговорил друга, за что того арестовали, и Ефрем несколько дней присидел в кутузке. Думаю, что старик Шатраков едва не заболел

от расстройства: Дмитрия должны были призвать в армию, и если бы Ефрема осудили, старик «с девятью ртами окошел бы с голоду или пошел в куски по деревне». Однако судьба Шатраковых Данилу не волновала, как и судьба собственного деда. Когда Ефрема освободили, он стал старательно наговаривать на деда. Причем — вот уж кто настоящий доносчик! — Данила постоянно подчеркивал, что дед его «ненавидел Павла, враждебно настроен к Советской власти, постоянно держал связь с Кулукановым и Силиным, которые тоже настроены антисоветски». Настойчиво указывал он и на то, что Силин тоже «подговаривал деда избавиться от Павла». Арсентий Силин категорически это отрицал.

На допросах Данила заявил, что рубаха и штаны принадлежат не ему, а деду, который «весь день в них ходил». Жаловался, что Сергей Морозов подучил его все свалить на братьев Шатраковых, а сам убил Павла и Федора, «о чем ему в амбаре сознался».

Однако акт от 16 сентября, составленный райуполномоченным ОГПУ по Уралу по Тавдинскому району Быковым, ставит под сомнение слова Данилы. В акте говорится, что Быков «произвел обмер изъятых при обыске самотканых в синюю и белую полоску штанов. При надевании такихых на Сергея Сергеевича Морозова указанные штаны не лезут, а при надевании на Морозова Данилу Ивановича приходится впору и сшиты по его росту».

Далее выясняется, что Данила 4 сентября купил у Силина за 30 рублей сатин, который тот приобрел для себя на рынке и по настойчивой просьбе уступил Даниле. Быков дотошно выясняет, где Данила мог раздобыть деньги. В деле имеются документы, из которых видно, что в феврале и марте Данила работал в леспромхозе, за что получил 35 рублей. На эти деньги он купил себе шапку за 14 руб. 45 коп., брезентовые брюки за 6 рублей. На вопрос следователя, где Данила достал деньги на сатин, тот пояснил: «Когда я пришел к товарищу моему Захару и сказал, что ребята Морозовы пропали и надо об этом заявить в сельсовет, его отец, Кулуканов, дал мне чашку вина, потом вышел в другую комнату, вынес оттуда пригоршню, штук 20, золотых монет и сказал: «Не заявляй, дед твой ребят прикончил, в лесу не найдут. Если будешь молчать, я дам тебе золота». Но золота не дал, а только бумажные деньги — три пятерки и пять троек. На эти деньги я и купил сатин».

На очной ставке Силин подтвердил, что получил от Данилы именно такие купюры. Данила же продолжал: «Мне известно, что на квартире у Кулуканова стоял спецпереселенец, у которого Арсентий украл это золото. Моя бабка Аксинья говорила, что наш свояк очень богатый человек, обобрал до нитки спецпереселенца, который уехал в Тавду и там умер К Арсентию приходили сын и жена ссыльного, требовали золота, но он ничего не дал».

В своих показаниях Кулуканов признал, что украл 150 снопов, принадлежащих Герасимовскому сельсовету, обмолотил их и 16 пудов хлеба спрятал у Сергея Морозова, укрыл у Сергея и часть своего подлежащего конфискации имущества. Однако Кулуканов категорически отрицал, что давал деньги Даниле и учил его убить Павла.

Снова допросы, очные ставки, экспертизы — обо всем не расскажешь. Замечу только, что Аксинья Морозова, ранее судимая за кражу лошади, Данилу не выгораживала и подтвердила, что в день убийства он ходил именно в тех штанах, которые она потом замочила. Вот ее слова: «Данила нигде не работает, продавать ему нечего».

На что он купил себе мануфактуру — не знаю. Когда пришел из леса, сказал, что Павел и Федор убиты».

Показания старухи подтверждает и дед Морозов. Он признает, что «с Павлом жили недружно, что ребяг убил Данила и сделать это ему велели Кулуканов и Силин. Деньги внук мог взять только у Кулуканова, потому что он очень богатый». Утверждал он и то, что жена его Аксинья знала о предстоящем убийстве.

Есть в деле и такие сведения: когда арестованных перевезли в Тавду, Силин в отместку за то, что старик Морозов «показал на него, не стал давать ему питания из передач от родственников, отнял и казенную пайку хлеба». За такое поведение Силин был переведен в другую камеру, подальше от старика.

Оговаривают Сергей и Данила Морозовы не только свояка Силина, но и Ефимию Кулуканову, которая одному доводится дочерью, а другому — теткой, потом какого-то Владимира Фомича Мезюхина. Их задерживают, но вскоре «за недоказанностью улик» освобождают. Подробности, которые я привожу, может быть, читать скучно — не детектив и не судебный очерк, но считаю нужным наиболее важные показания все-таки процитировать, так как по ним можно судить, как развивались события дальше и как вели себя главные действующие лица этой истории.

Например, Аксинья Морозова откровенно заявила: «Муж мой Сергей такой же злой человек, как и свекор, который служил в Витебске тюремным надзирателем, а потом городовым. Сергей тоже в молодости работал посыльным в полиции и там научился плохому. За всю жизнь мне ни одного доброго слова не сказал, а только бил смертным боем. Павла ненавидел: то дугу у него отберет, то топор, то седелку. Грозил ему: «Все равно, сукин сын, не будешь жить на свете». Ненавидел он и сноху с детьми. Как придут в избу внуки, ворчал: «Зачем, паршивцы, пришли?» Часто говорил: «Этих гадов вместе с матерью надо выкурить из дома». Хотел отобрать у снохи хозяйство, а ее по миру пустить. Данила боялся старика и делал все, как он скажет».

В день убийства, — продолжает свои показания Аксинья, — дед вел себя странно. Когда я собиралась в лес, то сказала ему, что погода хорошая и шел бы он порыбачить. На что Сергей ответил: «Есть дела поважнее». Когда я пришла из леса, Сергей и Данила сидели в другой одежде, а прежняя, вся в крови, была брошена в углу. Я ее замочила. Весь вечер и потом Сергей сидел невеселый, обедать отказался, был чем-то озабочен».

Показала Аксинья и следующее: «Уходя с очередного допроса, Сергей сказал мне в коридоре: «Оплошку сделали, надо было сжечь или утопить трупы в болоте, тогда не было бы и следов». Эти слова старика подтвердил и Силин».

После Быкова дознание продолжал следователь ОГПУ Федченко По существу, он начинает работу заново. Допросы идут уже по третьему и четвертому кругу, привлекаются новые свидетели, уточняются детали. Данила в своих показаниях настойчив, он продолжает утверждать: «Окровавленная рубашка принадлежит деду, штаны мои, но я их в тот день не надевал. Братьев убил дед с Кулукановым и Силиным, дед потом жаловался, что совершили оплошку — не сожгли и не спрятали в мох трупы» (л. д. 172). Признался он, что Ефрема Шатракова оговорил для того, «чтобы спутать следствие».

Проходит еще много времени, и, наконец, Данила заявляет: «Кулуканов несколько раз уговаривал меня убить Павла, однако не было подходящего момента. 3 сентября я зашел к нему домой и сказал, что братья ушли по ягоды. Арсентий сказал: «Я давно договорился с Сергеем обо всем, но ему одному ничего не сделать. Возьми деньги, а когда прикончим Павла, я дам тебе золота две пригоршни». После этого мы с дедом поехали на пашню боронить. Работали до часу или двух дня. Потом решили идти в лес. Мы знали, какой дорогой Павел ходит с болота домой, и пошли ему навстречу. Ребята ничего не подозревали, подошли близко, и тогда дед внезапно ударил Павла ножом. Павел крикнул: «Беги, Федя, убивают!» Я кинулся за Федором, схватил его, дед подбежал и нанес ему несколько ударов. Таким образом, убийство совершил дед при моей помощи. Сделали мы это по наущению Кулуканова, а Силин к убийству не причастен». Протокол этого допроса подписан сотрудником ОГПУ А. Д. Икриным и представителем ГПУ УССР И. И. Лихобабиным. Допрос производился в присутствии Силина, который и удостоверил показания Данилы своей подписью. Все дальнейшие допросы проходили также только в присутствии других обвиняемых.

После многочисленных очных ставок Сергей Морозов признался, что задумал убийство, так как «Павел его вывел из терпения, не давал проходу, укорял за то, что он содержатель кулацких вещей. Но сам он братьев не убивал, только держал Федора. (Вероятно, еще и ударил его палкой.) Зарезал же ребят впуск» (л. д. 129). Наконец, и Данила подтвердил эти показания: «...Павел не шевелился, но дед вытряхнул ягоды из мешка и сказал: «Надо надеть ему мешок на голову, а то очнется и домой приползет». Потом я стащил Павла с тропы на правую сторону в лес, а дед стащил Федора на левую. Федю мы убили только затем, чтобы нас не выдал. Он плакал, просил не убивать, но мы не пожалели».

11 декабря 1932 года материалы следствия и обвинительное заключение, подписанное следователем ОГПУ Шепелевым и рядом других ответственных лиц, направили в Верховный суд РСФСР. Выездная сессия Уральского областного суда была назначена на 25 декабря.

СУД ИДЕТ

Суд проходил в Тавде под председательством судьи Задревского, народных заседателей Клименковой и Бороздина. В процессе участвовали прокурор Зябкин, адвокат Власенко и общественные обвинители — корреспонденты газеты «Пионерская правда» В. Губарев и Е. Смирнов.

Все свидетели и подсудимые в основном подтвердили свои показания. Сергей Морозов добавил, что со снохой у него «были неприятности из-за раздела. Я сына выделил, но неприятностей не забыл. Просил Татьяну унять своих ребят, но она их учила лучше в колхоз идти, чем со мной соединиться, за что я их не мог видеть. До раздела с сыном у меня было две лошади и две коровы, пришлось отдать половину. После того, как Трофим ушел к другой женщине, я стал считать Татьяну чужой. Когда же она с Павлом на суде стала говорить против Трофима, я рассердился на них еще пуще. Решился убить Павла после того, как он крикнул мне в поле: «Старайся работай, а будешь красть чужое, хлеб у тебя выгребем».

Силин продолжал доказывать, что к убийству братьев не причастен: «3 сентября ездил в Тавду на рынок, жена и соседи могут это подтвердить». Мать убитых показывает: «Титов послал Островского в Кулаховку узнать, нет ли там детей. Я не знала, куда себя деть, ко мне же никто из родных не пришел. У стариков все время ворота скрипели, Силин и Кулуканов с женой к ним то и дело бегали, о чем-то совещались. Ко мне даже не заглянули».

Эти показания дополнил сын Алексей: «Деда и Данилу я видел в окровавленной одежде, но сначала не сказал об этом следователю, так как боялся Кулуканова и тетку Химу. Они часто говорили Павлу: «Недолго тебе жить, щенок». Данила его бил постоянно. Павел заявлял об этом милиционеру и говорил маме, что его хотят убить, поэтому и указал Титову, что Шатраковы ружье спрятали. Бабка тоже не раз говорила Даниле: «Убей коммуниста». Брат мой был пионер и привлекал других. Сейчас его товарищи Яков Коваленко и Яков Юдин вступили в отряд, остальные ребята боятся. Я тоже боюсь Кулуканова Захара — может прикончить, как Павла».

Выступили на суде девятнадцатилетняя заведующая школой Зоя Александровна Кабина и такая же молоденькая учительница Клавдия Прозорова. Они рассказали, что Павел был «самый активный, поэтому его выбрали председателем совета отряда. Но ребят в отряде мало, так как многие ненавидят пионеров, смеются, что они голодные и денег нет на портки, не то что на галстуки. Сейчас дети особенно стали бояться идти в отряд, родители не пускают, говорят: «Будет, как с Павлом». Богатей угрожают работникам сельсовета и учителям. Вообще в Герасимовке жить и работать страшно».

После учительниц на вопросы судьи ответил свидетель Волков Константин Михайлович. Он рассказал, как однажды был с Павлом и Данилой на рыбалке и Данила вдруг схватил Павла и начал топить в воде. Еле он его отбил. А потом, когда легли спать, Данила засунул под рубаху Павла горячую головешку.

Сколько лет прошло, но суд этот Александр Иванович Шехурдин никогда не сможет забыть. Очень волнуется, когда рассказывает: «Суд шел в клубе. Перед зданием стояли толпы народа. Многие пришли со знаменами и транспарантами, на которых было написано: «Требуем сурово покарать убийц!» Все мы настолько потрясены услышанным, что даже мужчины не смогли сдержать слез. На Татьяну Морозову и ее сына смотреть было страшно. Мальчика бил озноб, а мать часто теряла сознание, и к ней вызывали врача. Долго не мог начать свое выступление защитник Влащенко. Но потом он сказал в своей речи, что Силин не виноват. Прокурор Зябкин его поддержал и от обвинения Силина отказался».

Многое из того, что рассказал Шехурдин, я потом прочитала в материалах судебного расследования. Обратила внимание и на одну весьма существенную деталь этого процесса: прокурор возбудил против участкового инспектора Якова Титова уголовное дело, обвинив его в служебной халатности (не обратил должного внимания на Данилу, который постоянно избивал Павла) и в том, что во время допроса «превысил власть, оскорбил личное достоинство подследственного». Если бы в последующие годы за это наказывали!

Присутствовал на процессе еще один человек — тоже двоюродный брат Павла Морозова, сын Силина, который живет сейчас в Тюмени. Его воспоминания очень интересны. «Когда отца освободили, — рассказывает Кузьма Арсентьевич, — он поклонился судье и прыгнул прямо со сцены в зал. Мы с матерью глазам своим не поверили. Отец прежде уже привлекался как зажимщик хлеба. Правда, его тогда быстро отпустили и пшеницу отобранную вернули. А тут такое жуткое преступление! Думали, не увидим его больше. Он ведь действительно с Кулукановым дружил, и кто разберется, что к убийству Павлика не причастен? Разобрались, однако...»

Добрым словом вспоминает сын Арсентия Силина судью, прокурора и защитника, но до сих пор в обиде на литераторов, которые написали книги о трагедии в Герасимовке. Ни один с ним не встретился, не поговорил, изобразили же в книгах очень некрасиво. Раз кулацкий сынок — значит, можно валить на него все, что хочешь. Вот и расписали, что Кузьма постоянно делал пакости пионерам, дразнил и преследовал Павла. Неправда это! Всей своей жизнью Силин-младший доказал свою верность Советской власти. Прошел войну от Ленинграда до Праги, награжден тремя орденами и медалями. В сорок четвертом, перед тем, как пойти в разведку, написал заявление: «Если не вернусь, считайте меня коммунистом». Уцелел, вернулся домой, занимал на Урале и в Сибири ответственные должности, на пенсию ушел в 67 лет. Кузьма Арсентьевич и сейчас тепло вспоминает о Павлике, говорит о нем как о смелом, прямом и порядочном человеке, «который боролся и погиб за новую жизнь».

Но мало ли чего не бывает в детстве? Может быть, все же правду написали литераторы? Нет! И я подтверждаю это. Заглянем еще раз в текст выступления Зои Кабиной на суде. Там есть фраза: «С Кузьмой Силиным Павел дружил, учился в одном классе. Кузьма помогал Павлу в учебе, хорошо относился к пионерам».

Как же ответственно надо нам, журналистам, относиться к своей работе! Не гнаться за звонкой фразой и ложной занимательностью. Все досконально проверить и уточнить, так как любая ошибка может испортить человеку жизнь, ранить его, оскорбить до глубины души. Много лет прошло, а Кузьме Арсентьевичу до сих пор обидно, что висит на нем этот ярлык и ни разу не пригласили старика на пионерский сбор, а у него есть что рассказать о своем брате и однокласснике Павле.

Но вернемся на процесс. Общественный обвинитель, корреспондент «Пионерской правды» Е. Смирнов «от имени всех пионеров Советского Союза потребовал осудить обвиняемых по всей строгости закона». Этого же потребовал и прокурор.

Убийц судили по статье 58⁸ УК РСФСР, в которой говорилось: совершение террористических актов, направленных против представителей Советской власти или деятелей революционных рабочих и крестьянских организаций, и участие в выполнении таких актов, хотя бы и лицами, не принадлежащими к контрреволюционной организации, влекут за собой меры социальной защиты, указанные в статье 58² УК РСФСР, — расстрел или объявление врагом трудящихся с конфискацией имущества и изгнанием из пределов СССР

Быть может, с современной точки зрения, суд тот вынес слишком суровое наказание подстрекателю А. Кулуканову (виновным он

себя не признал) и бабке Аксинье, вина которой была лишь в сокрытии преступления, приговорив этих двух, как и Данилу с Сергеем Морозовым, к высшей мере социальной защиты — расстрелу. В материалах дела имеется запись о том, что приговор был приведен в исполнение в отношении Данилы и Кулуканова, старики же умерли в тюрьме своей смертью в 1933 году. Да, может быть, Аксинью и Кулуканова покарали сурово. Но из истории слова не выкинешь. Когда приговор был оглашен, все, кто присутствовал в зале, поднялись со своих мест. Запели «Интернационал».

Сегодня литератор Соловейчик говорит, что убийц прощают... Можем ли мы простить Сергею и Даниле Морозовым? Нет, не будет им нашего прощения! Ибо самое страшное преступление на земле — детоубийство.

ВОТ ТАКАЯ ЖИЗНЬ...

О том, как сложилась судьба Татьяны Семеновны и ее оставшихся в живых сыновей, нам сообщил Алексей Трофимович Морозов. Снова цитирую его письмо:

«Нашей семье оставаться в Герасимовке было опасно, и мы перебрались в Тавду. Еще до суда меня грозили убить, так как я был единственный свидетель того, как бабка Ксения зазывала нас в лес. Всегда ходила одна, а тут прибежала с утра пораньше и стала звать Павла по ягоды. Павел пытался меня разбудить, но я не вставал — приболел немного, и с Павлом пошел Федя. Знал я и о том, что Данила вернулся в окровавленной одежде. На суде мне было выступать страшно, но я все же рассказал всю правду.

После всего пережитого мать заболела тяжелым душевным расстройством и попала в больницу. У меня тоже было шоковое состояние. Когда я немного пришел в себя, журналист П. Д. Соломеин отвез меня в Свердловск, подальше от наших мест, определил в детский дом. В самое страшное время он нам очень помог. Вот кто был для меня и Ромки настоящим отцом!

В конце 1933 года нас с мамой и герасимовских пионеров пригласила в Москву Надежда Константиновна Крупская. Она очень тепло говорила о Павлике. Просила чтить его и всегда помнить.

Крупская интересовалась, как я живу в детском доме, как нас там одевают и кормят. Расспрашивала ребят про пионерскую работу, дала указание выдать им горн, барабан, знамя, пионерские галстуки, форму и библиотечку. Угостила всех конфетами, а Ромке подарила игрушку. Очень жалела маму, как могла ее утешала.

После этой встречи я вступил в пионеры. Летом отдохали мы с ребятами из детдома в санатории под Свердловском. Вдруг вечером собирают нас в красном уголке, приносят посылку и торжественно ставят ее на стол. В посылке оказался костюм, черные кожаные ботинки и шелковый пионерский галстук. Это был мне подарок от Крупской. Не забыла ведь, разыскала!

В записке, вложенной в посылку, Надежда Константиновна призывала нас быть достойными Павлика Морозова, расти смелыми, честными и крепко любить свою Родину. Этот завет я храню всю свою жизнь.

Крупская знала, что мама моя постоянно болеет, и перед самой своей смертью помогла ей переехать в Алупку. Было решено платить маме за Павлика пенсию. Я же в 1939 году был направлен

по комсомольской путевке в Иркутск, в военное авиационно-техническое училище, которое окончил с отличием.

Война застала меня на курсах командиров в Ташкенте, и нас срочно перебросили в другое место. Мы обслуживали самолеты и рвались на фронт. И тут опять случилось страшное: с меня сорвали все знаки отличия, отобрали ремень и оружие, короче — арестовали. Полгода находился под следствием, потом был осужден на 10 лет лишения свободы с поражением в правах на 5 лет. Так брат Павла Морозова стал «врагом народа». «Доброхоты» сообщили маме, что я хотел перелететь через линию фронта и сдать в плен немцам. Нашлись и такие, которые писали в Москву, требовали, чтобы с матери сняли пенсию. Пенсию оставили, она получала 60 рублей до конца своей жизни.

Находясь в лагере в Воркуте, я писал жалобы во все инстанции, но передо мной стояла глухая стена, ответа никто не дал.

Мама в мою вину не поверила, не отказалась от меня, как сейчас не отказалась бы от Павла. Кинулась на прием к Берни. Он ее принял, но ничего не сказал. Так она и уехала не солоно хлебавши. В 1947 году постигло ее еще одно горе: умер мой брат Роман, который добровольцем пошел на фронт и вернулся с войны инвалидом. Осталась мама совсем одна. Поддерживали ее только пионеры.

Я освободился в 1955 году, устроился на работу в Алупке, женился. Через год вручили мне документ. В нем говорилось, что дело мое пересмотрено военным трибуналом, приговор отменен, дело за отсутствием состава преступления производством прекращено и я полностью реабилитирован. Прочитал этот документ и разрыдался. Вот такая у нас с мамой жизнь невезучая. Предложили бы снова ее прожить, мы бы отказались. А теперь вот и Павлика опорочили...»

НОВОЯВЛЕННЫЙ «ШЕРЛОК ХОЛМС»

Татьяна Семеновна Морозова умерла в 1983 году. А за два года до смерти пожаловал к ней симпатичный человек с бородкой. Представился писателем. Фамилию старая не разобрала, переспрашивать постеснялась, поведала о своей жизни. Писатель сочувственно вздыхал и что-то записывал в блокнот. Если бы Татьяна Семеновна знала, кому рассказывала о Павле и как потом извратят ее рассказ!

Примерно в то же время учительница Павлика Л. П. Исаковой вручили письмо от журналиста И. М. Ачильдиева. Он просил ее ответить на множество вопросов и выслать фотографию, обещал подготовить публикацию. Учительница все старательно исполнила. Прошел год, два — ни статьи с упоминанием Исаковой, ни новой повести о пионере-герое не появилось. Учительница робко напомнила о себе, но ни ответа, ни привета от журналиста не получила.

По просьбе Ларисы Павловны я отыскала Ачильдиева в редакции, сотрудником которой он ей представился. Сказала, что старушка умоляет его найти и вернуть фотографию, так как она ей очень дорога — последняя память о молодости. Журналист клялся и божился, что занимается наукой и антирелигиозной пропагандой, о Павлике никогда писать не собирался, об Исаковой в первый раз слышит. Я выложила на стол конверт и список вопросов. Вы-

яснилось: под фамилией Ачильдиева действовал другой человек, некогда работавший с ним в одной молодежной газете.

А дальше произошло вот что: вечером 4 августа прошлого года включила я приемник и вдруг опять услышала о Павлике Морозове. На этот раз имя его произносили с английским акцентом. Записала на пленку передачу и, еще раз прослушав ее, убедилась, что «истинную правду» о пионере, оказывается, знает совсем другой человек — Юрий Израильевич Альперович-Дружников, который покинул нашу страну в 1987 году.

Но предоставим слово ведущей передачи «Голоса Америки» Людмиле Форстер:

Юрий Дружников проживает сейчас в Техасе, у нас в Вашингтоне проездом. Зашел в студию, чтобы рассказать о своей новой книге «Вознесение Павлика Морозова», которая недавно вышла в лондонском издательстве «Оверсис».

Ю. Д. Я начал собирать материалы о Павлике Морозове восемь лет назад. История создания книги оказалась почти детективным романом. Ездил в Сибирь, просматривал старые газеты, встретился с матерью, братом, учительницей убитого мальчика, следователем, который вел дело. Книга моя широко циркулировала в самиздате, и до того, как вышла в Лондоне, ее прочитали многие советские писатели. Я очень доволен, что они получили наконец возможность узнать нечто новое.

Л. Ф. Почему вам пришла идея начать исследование?

Ю. Д. Я был вполне благополучным детским писателем и автором педагогических книг, интересовался вопросами воспитания детей. И вот однажды, в 1977 году, на конференции в Союзе писателей очень осторожно поставил вопрос: «Почему памятники Сталину снесены, культ его осужден, а Павлик Морозов — герой той же эпохи, продолжает оставаться в славе и почете, памятники ему стоят по всей стране?»

Л. Ф. И детей учат его идеалам?

Ю. Д. Да, учат доносить на своих родителей. На вопрос мне никто не ответил, но через пару недель я получил официальную повестку явиться в КГБ. Со мной разговаривали вежливо, но советовали не касаться Павлика Морозова. Но я все же продолжал расследование. Журналистов, которые первыми писали о Павлике, уже не было в живых, судебных материалов я не достал, но мне повезло: я нашел один очень любопытный документ, составленный за два дня до того, как нашли трупы. Документ был подписан Иваном Потупчиком и уполномоченным ОГПУ Карташевым. В нем назывались те лица, которые потом были расстреляны.

Л. Ф. Получается, что два человека заранее знали об убийстве?

Ю. Д. Да, и на них падает тяжелое подозрение. Дело в том, что в деревне нужно было организовать кулацкий террор, спровоцировать. После чего все шло по заданному расписанию: массовые аресты, высылка кулаков из деревни, конфискация хлеба и все остальное...

Л. Ф. Почему вы назвали одну из глав «Суд на сцене»?

Ю. Д. Потому что это было настоящее шоу. Судили невиновных. Балансируя на грани между Шерлоком Холмсом и следователем, складывая по крупицам доказательства, я нашел убийц. Это были Спиридон Карташев и Иван Потупчик.

Л. Ф. Вы встречались с ними?

Ю. Д. Сейчас их уже нет в живых, но тогда я с ними разговаривал. Они путались в показаниях, повторяли затверженное...

Л. Ф. Был ли Павлик Морозов пионером?

Ю. Д. Нет, я убежден. Этот миф был нужен Сталину. Он был создан с поучительной целью, как раньше писали жития святых. Кстати, Сталин сам изучал житийную литературу, когда учился в духовной семинарии. Потом я достал еще документы, которые доказывали, что существует непосредственная связь между Павликом и главой государства. Ему нужны были миллионы Павликов.

Л. Ф. И последний вопрос. Что вы думаете сейчас в связи с перестройкой: развенчают ли советские писатели Павлика Морозова, развеют ли миф о нем?

Ю. Д. Очень хотелось бы. Уже появились несколько заметных выступлений в печати. После них посыпались письма в «Пионерскую правду». Один мальчик спрашивал: «Я состою в отряде имени Павлика Морозова. Недавно прочитал, что он плохой, как же мне теперь быть?» Газета ответила что-то неясное. К происходящему в этой области я отношусь со сдержанным оптимизмом. Несмотря на гласность, правда о Павлике Морозове все еще скрывается...

Должна разочаровать Дружников: Спиридон Никитович Карташев жив! И напрасно «детский писатель» сравнивает себя с Шерлоком Холмсом. Прославленный сыщик никогда так плохо не работал, дорожил профессиональной честью, не гнал «липу», не занимался подтасовками. Он боролся за правду, за что и заслужил любовь и признание миллионов. Дружников же действовал иначе. О том, как он втерся в доверие к Спиридону Никитовичу, я сейчас расскажу, так как сразу же после передачи «Голоса Америки» разговаривала с Карташевым. И не только разговаривала, а самым тщательным образом изучила его воспоминания, документы и послужной список.

Итак, посетив Алупку и Герасимовку, человек с бородкой прибыл в уральский город Ирбит, нашел нужный дом и поднялся на второй этаж. В квартире Карташева его встретили приветливо. Дочь Спиридона Никитовича засуетилась — как же, гость из Москвы! — начала срочно лепить пельмени, затеяла пироги. Сейчас она в первый раз в жизни проклиная себя за гостеприимство...

В тот вечер, отужинав и похвалив хозяйку за пироги, гость из Москвы был сама благожелательность. И ветеран расчувствовался, распахнул перед ним душу. Он рассказывал ему, что родился в простой крестьянской семье, вступил в комсомол, потом в партию. Жизнь у него была тяжелая, образования получить не смог, окончил годичную школу милиции, да 6 классов вечерней школы. Работал в Туринске участковым инспектором, затем в Тавде — агентом уголовного розыска. Тут-то и выпало ему на долю расследовать убийство братьев Морозовых. Арестовал он кулаков Силина и Кулуканова.

Думаю, что, рассказывая о тех днях, Карташев кое-чего не знал или просто запамätовал, — простим старику, ведь ему скоро девяносто. Иначе он непременно бы рассказал «писателю», что провел тогда в Герасимовке всего четыре дня, а после него продолжил следствие уполномоченный ОГПУ Быков. Но поскольку Альперович-Дружников подлинного дела № 374 не читал, то случилось то, что Карташеву и в страшном сне не могло присниться — стал он «убийцей» Павлика Морозова.

Нет, в 1932 году не в ОГПУ работал Спиридон Карташев, а в уголовном розыске, боролся с бандитами. Стреляли в него не раз, и так он был изувечен на этой работе, что, когда началась война, его даже на фронт не взяли, как ни просился — служил в Ирбите начальником пожарной охраны эвакогоспиталя. Однако трудности жизни Спиридона Карташева «писателя» не волновали, ему нужен был убийца, и он его нашел! Убедена, англичанам этот роман вовсе не интересен, у них своих проблем хватает, да и рассчитана книга на читателя советского, поэтому и издана на русском языке. Для того, чтобы мы вечно каялись, ничем и никем не гордились бы в своем прошлом...

Не так давно Дружников жаловался, что всю жизнь провел в СССР в очередях, только родился вне очереди — в коридоре роддома. Теперь благоденствует в Техасе, преподает в университете. Повезло ему и еще раз: быстро сумел напечатать в Англии свой роман. Видно, не терпелось издательству «Оверсис» выпустить в свет еще одну антисоветскую фальшивку.

И вот о чем хотела бы я спросить Дружникова: «Что он теперь думает о правах человека, конкретно, о правах С. Н. Карташева? На каком основании ослабил старика, объявив его «убийцей»? Не мешаает писателю вспомнить, что в нашей стране закон охраняет честь и достоинство граждан, и тот, кто закон этот злостно попирает, может быть наказан в уголовном порядке. И не пришлось бы «автору», получив в Техасе повестку, вернуться в покинутую им страну, чтобы держать ответ перед советским судом. Любопытно было бы посмотреть, на основании каких документов попытается «писатель» отстаивать свою «версию».

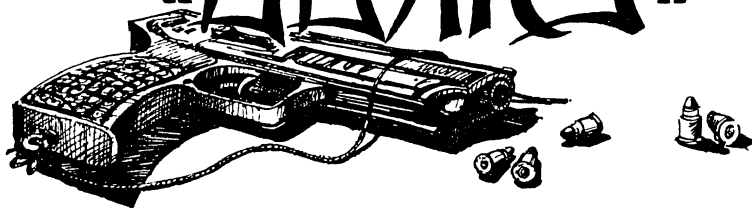
Ну, да бог с ним, с нынешним зарубежным писателем, у которого много, вероятно, своих проблем. Что же касается советских литераторов, которые упоминаются в этой статье, то допускаю, что ополчились они на «пионера-доносчика», руководствуясь благими намерениями спасти души детей и взрослых. Но, как известно, благими намерениями вымощена и дорога в ад.

Вот и М. Гостев из Воронежа, прочитав, вероятно, Амлинского, Эйдельмана, Соловейчика и других, написал свое письмо в редакцию «Молодой гвардии», которое и было опубликовано в журнале. Гостев возмущается: «Господи! Почему стоит до сих пор в Москве на Красной Пресне парнишка-доносчик? Павлик Морозов — вечный наш стыд и позор. Когда это кончится?»

Здесь, как видите, речь уже не о мифе, созданном злой молвой, — о Павлике, чтить которого завещала пионерам Н. К. Крупская. Каково это читать сегодня тем, для кого Павел Морозов не только книжный герой, имя которого занесено в Книгу почета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина, а еще и родной и очень дорогой человек?

Да, многое мы сейчас переоцениваем в своем прошлом, но не отдадим на поругание своих героев и мучеников! Бросился к свердловским журналистам житель Герасимовки, школьный товарищ Павлика Дмитрий Васильевич Прокопенко: «Как же так, — спрашивает, — заступитесь!» Свердловчане, надо отдать им должное, сделали все, чтобы не дать в обиду земляка. Заступилась за Павлика и «Пионерка».

ОСТРОВНЫЕ КОПТИ «ДБАНЭ»

Е

сть в японских народных сказаниях мифическое чудовище «обакэ» — «призрак», «оборотень». Льстивыми посулами и хитростью заманивает он людей в свои сети, навлекая на них беды и несчастья. Образ «обакэ» не раз вставал в памяти авторов этих строк во время подготовки материала о «якудза» — японской мафии. Почему? Судите сами...

«СТОЛПЫ» ОБЩЕСТВА

Мы шли по торговому кварталу Осаки Нанива-ку. Узкие улочки, бесконечные лавки, закусочные, украшенные красными бумажными фонариками, изящные чайные домики. Был теплый солнечный день, и потому букет цветов на тротуаре близ фешенебельного ресторана казался ярким костром. Прохожие, не обращая внимания на цветы, с японской невозмутимостью спешили по своим делам.

— На этом месте убили президента строительной фирмы «Мацуда» Йодзи Фурукава, — объяснил, поймав наши вопрошающие взгляды, коллега из местной газеты. — Его уничтожили гангстеры — «якудза» за какие-то грехи, а может, за излишнюю болтливость. Родственники покойного в память о нем на место гибели приносят цветы...

Другой раз слово «якудза» мы услышали во время посещения игорного центра «патинко». Эти центры расцвели яркой неоновой рекламой и гирляндами пульсирующих разноцветных лампочек буквально все крупные города и поселки страны. Автоматы «патинко» — типично японское изобретение. Представьте вертикально установленный бильярд с множеством пружинок и отверстий. Вы бросаете в одно из отверстий десяток металлических шариков, регулируя рычажком скорость их движения. Те, что попали в мини-

«лузы», приносят выигрыш в виде еще десятков шариков, другие же — бесследно исчезают. Сверкают никелем, шипят и потрескивают автоматы «патинко» в огромных, похожих на аквариумы залах. Сотни людей отрешенно сидят перед механическими билльярдами, замороженно следя за мечущимися под стеклом шариками. Дзинь—сотня выигрышных «колобков», дзинь — мимо... «Если после игры у вас остались еще шарики, то их можно обменять на жвачку, сигареты, другую мелочь»,— объяснили наши японские сопровождающие.

В конце зала за стеклянной перегородкой восседал холеный молодчик в черных очках и брюках в обтяжку. Его скуающе-самодовольный взгляд говорил о том, что он владелец заведения.

— Можно поговорить с ним? — спросили мы у наших проводников.

— Что вы! — замахали те в ответ.— Он явный «якудза», не стоит связываться...

В городах на западе Японии штаб-квартиры «якудза» расположены на главных улицах, причем названия и гербы преступных групп открыто красуются на фасадах. Гангстеры с важным видом прогуливаются по увеселительным районам, демонстрируя свою принадлежность к той или иной банде золотыми значками на лацканах пиджаков. Прохожие расступаются перед ними и готовы сойти в придорожную канаву, лишь бы избежать стычки. Официально обставленные церемонии смены лидеров японских мафиози транслируются по телевидению в программе новостей. Да и помимо этого «голубые» экраны по вечерам часто заполняют фильмы о «якудза». В них есть весь традиционный голливудский набор: стрельба, погони за черными «мерседесами», изнасилования и неразделенная любовь. «Герои» подобных кинолент обычно копируют своих самурайских предков: попадая в ловушку полиции, зачастую кончают жизнь самоубийством.

«В Японии самая низкая преступность в Азии», «Нашей стране удалось избавиться от страшного бича, поразившего ныне Западную Европу и Соединенные Штаты,— наркомании», «Иностранцы, приезжающие в Японию, поражаются тем, как они беззаботно и в полной безопасности могут бродить до полуночи по улицам наших городов»... Эти выдержки мы взяли из японской печати. Действительно, по сравнению с разгулом преступности и насилия, захлестнувшего американские и западноевропейские города, Япония представляется островком благополучия в капиталистическом мире. Число правонарушений на 100 тысяч человек здесь в три раза ниже, чем в ФРГ, в четыре раза ниже по сравнению с США, в 2,5 раза — с Англией.

Основываясь на личных впечатлениях о поездке по стране (а один из нас побывал за последние годы там четыре раза), мы можем со всей ответственностью подтвердить: японские города вполне безопасны для полных прогулок. На вечерних улицах Токио или Осаки немало подвыпивших людей, но все они ведут себя в рамках приличия и мирно бредут своей дорогой. В токийском районе Роппонги мы наблюдали такую сценку: полицейский заботливо усаживал в такси изрядно пьяного чиновника. Когда машина уехала, мы спросили блюстителя порядка, чем мотивированы его действия.

— Мы должны быть терпимыми друг к другу, кто знает, может, завтра на его месте окажется я сам,— ответил полицейский.

Конечно, до полной идиллии в Японии далеко. Об этом нам не раз говорили коллеги из местной печати. И здесь случаются убийства, ограбления, изнасилования, пышным цветом процветает подпольный преступный мир, чье имя японцы произносят почему-то шепотом — «якудза».

— Знаете, в нашей стране пороки предпочитают скрывать за раздвижными перегородками «сэдзи». Но стоит раздвинуть их, и вы увидите: хотя поверхность озера чиста, под водой немало черных водорослей,— говорил нам профессор университета «София» Х. Тераки.

«ЧЕРНЫЕ ВОДОРОСЛИ»

«Якудза» появилась в Японии в XVIII веке как тайное общество, контролирующее игорные дома. Не случайно само слово «якудза» состоит из начальных слогов трех цифр — 8—9—3, означающих комбинацию карт с общей суммой очков 20, считающуюся «беспольной».

Сегодня японский преступный мир представляет собой множество кланов, синдикатов, банд и шаек. В деятельность этих гангстерских организаций вовлечено ни много ни мало свыше 100 тысяч человек. Примерно треть из них состоит в могущественных преступных синдикатах. Самый крупный из них, «Ямагути-гуми» собрал под свои знамена 13 тысяч гангстеров, входящих в 400 организаций. Он располагает десятками не только игорных домов, казино и других увеселительных заведений, но и более 30 тысячами промышленных предприятий. Центр руководства «Ямагути-гуми» расположен в префектуре Хёго. Годовой доход клана, по оценкам японской прессы, превышает 120 миллиардов иен. Следующий влиятельный отпрыск мифического чудовища-оборотня «обакэ» — ассоциация «Томоёси». Ее численность — 7 тысяч членов, объединенных в 150 организаций с центром в Токио. Далее следуют «Кёкутоайдзакура» (4,5 тысячи головорезов), «Итава-кай», «Мацуба-кай», «Сумиёси рэнго» и т. д. Список, как видите, довольно длинный.

Одной из основных причин существования и пополнения преступных групп является то, что само общество поставляет людей, которым некуда идти, кроме как к якудза. В полицейских досье содержатся следующие сведения: 64 процента гангстеров окончили лишь обязательные по закону шесть классов школы; 42 — в детстве по меньшей мере один раз убежали из дому; 43 — воспитывались в неполной семье. В одном из докладов полицейского управления отмечалось: «Большинство людей вступает в преступные группы, будучи уволенными с работы или покинув кров. Они остаются в рядах якудза потому, что их привлекают отношения «гири-ниндзё» (по иерархии старшие в бандитских синдикатах должны быть великодушны по отношению к младшим, а те, со своей стороны, послушны и лояльны), обеспеченная жизнь и романтика».

В прошлом многие гангстеры были выходцами из дискриминируемых в японском обществе социальных групп. Сегодня в ряды якудза вливаются в основном малолетние правонарушители, те, кто не могут свести концы с концами из-за пристрастия к наркотикам или попали в сети ростовщиков, преступники, отбывшие тюремное заключение и не способные социально адаптироваться. В списках

гангстерских групп можно найти также имена находящихся в бегах владельцев обанкротившихся мелких и средних компаний, бывших полицейских и других государственных служащих, юристов, которые, используя профессиональные знания, помогают преступникам обходить закон. Из прибежища тех, кто не способен преуспеть в обществе, мир якудза превращается в место, где способный человек, готовый полностью посвятить себя бандитскому синдикату, может достичь больших высот. Этот мир, без сомнения, будет процветать, пока не изменится сама социальная среда в Японии.

Кроме традиционных в прошлом сфер деятельности, таких, как торговля наркотиками, порнографией, игорный бизнес, содержание публичных домов, тотализатора, рэкета, современные гангстерские организации Японии распространили свой контроль и на некоторые отрасли экономики. Например, благодаря ряду хитроумных комбинаций клану «Ямагути-гуми» удалось установить монополию на производство и распродажу видеоигровых автоматов. Однако для этого ему пришлось вступить в настоящую войну с соперничающей с ним другой преступной организацией — «Инагава-кай». В результате «военных действий» с обеих сторон погибло около десятка человек, а «Ямагути-гуми» благодаря численному и финансовому превосходству одержала верх.

Известный токийский публицист Кэндзи Инно, написавший немало разоблачительных материалов о деятельности японского преступного мира, считает, что «якудза» еще никогда не действовала так нагло и беззастенчиво, как сейчас. «Наши гангстеры очень непохожи на тех, что имеются в Западной Европе или Америке,— писал он.— Они ходят в черных смокингах, разъезжают на супердорогих иностранных лимузинах, заседают в директорате крупных фирм и компаний, участвуют в работе местных муниципальных органов власти, многих общественных и даже благотворительных организаций».

Что ж, боссы «якудза», подобно оборотням, ныне приняли вполне добропорядочный облик. Но деньги, текущие к ним, питают те же источники: горе, страдания, а то и человеческая кровь.

КОГДА ЗАКОН НЕ ПОМЕХА

...Местные остряки окрестили их «бумажными тараканами». Каждый вечер они «выползают» на стены общественных телефонных будок. Это яркие бумажки-липучки, где в манящих позах запечатлены полуголые девицы. Внизу телефоны и цена: 90 минут — 26 тысяч иен, 30 минут — 8 тысяч иен. Проституция в Японии запрещена законом, и потому утром уборщики улиц срывают «бумажных тараканов» со стен будок. Но к вечеру они появляются вновь. Изредка полиция совершает облавы по адресам, указанным на бумажках, но, как правило, находит там лишь автозаписывающее устройство для приема заказов клиентов. В целом же запрет на проституцию действует лишь на словах.

Гостеприимные японские хозяева, организовавшие нашу поездку по стране, поселили нас в Фукуоке, городе в юго-восточной окрестности Кюсю, в отеле «Даи-ити». Вечером, когда мы вышли прогуляться по ночной Фукуоке, обнаружилось, что гостиница расположена в самом сердце злачного увеселительного района Хигасинакадзу. У манивших красными фонарями заведений, поеживаясь от дуновений прохладного морского бриза, стояли похожие друг

на друга типчики в кожаных куртках. Словно веер карт, они держали кипы фотографий местных жриц любви. На руках у нескольких из них мы заметили татуировку — верный признак принадлежности к банде «якудза»...

Проголодавшись, мы заглянули в бутербродную «Макдональд», которую предприимчивые японцы скопировали у американцев и сделали непременным атрибутом своих городов. В небольшом зальчике среди немногочисленных вечерних посетителей по соседству с нашим столиком сидели две девушки, судя по их облику, явно не японки. Услышав незнакомую речь, они обратились к нам по-английски. Мы разговорились. Выяснилось, что это филиппинки — Лолита и Тереза. Им по 20 лет. Три года назад один японский служащий «производственной компании» в Маниле предложил им заключить годовой контракт на работу в Фукуоке в качестве «секретарей». По приезде сюда выяснилось, что японец — один из «якудза»-вербовщиков для публичных домов.

— Денег на обратную дорогу у нас не было, пришлось согласиться на их условия, — попивая сок, рассказывала Лолита.

Наша беседа прервалась неожиданно. В бутербродную зашел молодой японец и хозяйским жестом позвал девушек к выходу. Те покорно последовали за ним.

Как писал недавно американский журнал «Ньюсуик», японские мафиози и их подручные в Маниле и Бангкоке сейчас играют доминирующую роль в вербовке молодых женщин на Филиппинах и в Таиланде для работы в Японии в барах и клубах в качестве проституток. Этот нелегальный бизнес поставлен на широкую ногу.

Нелегальные иммигранты становятся не только объектом нещадной эксплуатации, но и новым источником дешевой рабочей силы. Нам не раз доводилось видеть выходцев из Пакистана, Таиланда, Бангладеш, Филиппин, работающих официантами в японских ресторанах и барах. Все они получают намного меньше, чем местный обслуживающий персонал.

Сотни нелегально прибывших по каналам «якудза» иммигрантов трудятся в мелких подпольных мастерских, где им платят жалкие гроши.

Тем, кто попадает в когти всемогущих «оборотней», действительно трудно вырваться из них. «Якудза» сурово карает тех, кто противится диктату «оябуна», или «крестного отца». «Дисциплина лишь там хороша, где она скреплена кровью» — гласит одна из уставных заповедей японской мафии. И хотя местная статистика кичится малочисленностью убийств, но, когда они случаются, 76 процентов из них приходится на гангстеров.

«ДОЛИНА НИЩЕТЫ»

...В 30 минутах езды на электричке от небоскребов Синдзюку, суперсовременных отелей Акасаки и сверкающих витрин шикарных универмагов Гиндзы есть район, который не обозначен на туристических картах Токио. Правда, по соседству все же имеется достопримечательность, полюбоваться которой привозят заезжих гостей, — пятиярусная пагода богини милосердия Каннон. Но, увы, милосердие не распространяется на живущих неподалеку обитателей Санья, квартала токийских трущоб. Санья — это скопище зловонных ночлежек «дайя», преступных притонов, хижин из картонных коробок и жести.

Каждое утро в 6 часов в грязных, зловонных переулках Санья появляются микроавтобусы с «тэхайси» — вербовщиками рабочей силы на поденную работу в мелкие компании. У определенных перекрестков их уже ждут шеренги людей с мрачными лицами, чей вид говорит о том, что общество процветания низвергнуло их на самые низкие ступени социальной пирамиды. «Фурся» — так называют этих бродяг японцы, которым повезло больше.

Отбрав после придирчивого осмотра с десятков наиболее крепких бродяг, «тэхайси» сажают их в автобусы и увозят на целый день на работу — чистить за гроши канализацию, разрушать старые здания, собирать металлолом. Остальные жители токийских трущоб разбредаются по столице в поисках милостыни. В зимнее время ночуют в подземных переходах, под мостами, в парках, в зловонных ночлежках Санья.

— Будьте осторожны, район токийских трущоб нынче очень неспокоен, — предупредили нас знакомые журналисты в Токио, когда мы сообщили им о намерении посетить Санья.

Мы прибыли туда вечером. Пробки на дорогах японской столицы — бич для слабонервных водителей. Томительно просидев в автомобиле битых полтора часа, мы наконец добрались до цели нашего путешествия, как вдруг...

— Район оцеплен, въезд запрещен, — откзырял остановивший нас полицейский.

Впереди, перегородив дорогу, стояли два темно-серых автобуса с зарешеченными окнами. За цепочкой полицейских в шлемах, напоминающих самурайские, со щитами и дубинками в руках волновалась толпа оборванных обитателей Санья. Слышалась ругань, возмущенные крики.

— Что случилось?

— Советую изменить маршрут, — словно не слыша нашего вопроса, пробурчал блюститель порядка. — Тут очень... очень неспокойно.

На следующий день из газет мы узнали, что причиной для беспорядков в Санья послужила расправа над молодым активистом местной левой организации «Санья соги-дан» («Комитет протеста Санья»). Его избили до полусмерти молодчики из местной банды «якудза» «Камати — икка», специализирующейся на найме поденных рабочих. Три года назад гангстеры расправились с прогрессивным кинорежиссером Митио Сато, который снял документальный фильм о трагедии обитателей Санья и бесчинствах «якудза» в «долине нищеты»

Нож мафиози оборвал и жизнь помощника Сато, одного из руководителей «Санья соги-дан», К. Ямаока.

«Торговля грязью» — так именуют на своем жаргоне «якудза» операции в кварталах нищеты японских городов, где они содержат различные притоны и игорные дома, подпольные мастерские. Когти «обакэ» впиваются в тех, кто в силу разных обстоятельств оказался сломлен буржуазным обществом. Из них-то «якудза» и выжимает последние соки.

СКОЛЬКО «СТОИТ» МИНИСТР!

Побывав на дне империи японской мафии, мы можем заглянуть и на верх. Кто восседает там? Чьим покровительством пользуется? Почему на преступную деятельность смотрят сквозь пальцы власти

и полиция? Все эти вопросы мы не раз задавали японским журналистам и обозревателям. В ответ они мило улыбались, ссылаясь на терпимость в их обществе, демократию. Но фальшью отдавало от этих речей.

...Начальник одного полицейского участка в Осаке С. Ёсикава был арестован в начале прошлого года по обвинению в коррупции и сотрудничестве — с «якудза». В ходе следствия выяснилось: он поддерживал широкие связи с местными гангстерами и даже вовлек в преступную деятельность трех своих подчиненных.

...Согласно обзору ассоциации частных детективов Японии, свыше 30 процентов членов префектуральных ассамблей страны получали солидные пожертвования от «якудза» во время избирательных кампаний. Щедрые финансовые инъекции в сотни миллионов иен получали также представители правящей либерально-демократической партии. Известен, например, такой факт: бывший с 1981 по 1982 год министром труда А. Оно получал от «якудза» под видом «политических пожертвований» сто миллионов иен в обмен за его «квалифицированные консультации по юридическим вопросам».

— «Якудза» — это своеобразные крысы на помойке нашего общества, — рассказывал нам об осакских мафиози обозреватель газеты «Санкэй симбун» М. Сибата, — они возятся с отбросами, выполняя при этом и санитарную функцию. Кроме того, наша мафия в отличие от американской мало стреляет, а больше занимается бизнесом, а значит, способствует процветанию страны. Конечно, кое-где она перегибает палку, но, в общем, с ней можно ладить...

«С ней можно ладить...» Эти слова, услышанные нами из уст достаточно авторитетного журналиста, покорили нас. Преступник есть преступник, в какие бы одежды он ни рядился и какие бы «санитарные миссии» ни выполнял. На деле японская мафия знает, кому и сколько платить. Министру — сто миллионов иен, депутату — 20 миллионов, начальнику полиции хватит и миллиона. Благо деньги можно легко получить от запуганных лавочников, торговцев, директоров мелких и средних фирм. Вот как это происходит.

«Примите наше сердечное приглашение на вечер, посвященный кампании по оздоровлению окружающей среды в нашем городе», — значилось на пригласительном билете, который был прислан по почте одному знакомому нам руководителю фирмы по выпуску игровых автоматов. Внизу виднелась приписка — «Входная плата — 15 тысяч иен».

— Очередные поборы, — показывая нам красочно оформленный билет, вздохнул глава мелкой фирмы, а потом, понизив голос, добавил: — Знаете, кто стоит за всем этим? «Ямагути-гуми». На приеме будет по меньшей мере тысяча человек. Вот и подсчитайте барыши. Отказаться? Да вы что! Я не враг себе и своему бизнесу...

Что это? Страх перед организованной преступностью? Или привычка покорно повиноваться тем, у кого есть широкие связи с властью? Возможно, и то и другое. Но в отношениях между предпринимателями и бизнесменами с «якудза» есть еще один аспект, о котором они предпочитают помалкивать. Вспомните вербовщиков поденных рабочих в Санья или сводников в Фукуоке. Все они в той или иной степени оказывают услуги бизнесу, а в буржуазном мире за любую услугу надо платить. Тому же главе фирмы по выпуску игровых автоматов выгоднее дать взятку гангстерам, кото-

рые затем установят его «одноруких бандитов» в своих развлекательных центрах. Как говорится, рука руку моет. Вот вам и гармония и демократия, называйте это как душе будет угодно. Главное, на поверхности тишь да гладь. И преступности нет, и мафия существует почти легально. Парадоксы? Что ж, их немало в японском обществе.

«ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПАТРИОТИЗМ» «ЯКУДЗА»

Согласно данным на начало восьмидесятых годов, в целом доходы «якудза» по стране составили 1,04 триллиона иен (4,16 миллиарда долларов). По сведениям полиции, в 1983 году среднегодовая выручка гангстера достигла 10 миллионов иен (40 тысяч долларов). Для сравнения годовой доход средней японской семьи равнялся 4,2 миллиона иен (16 800 долларов), то есть в 2,5 раза меньше. Сообщалось, что, когда главу синдиката Ямагути заставили официально заявить о своих доходах (он владелец ростовщической конторы), тот выложил в виде налога 100 миллионов иен (400 тысяч долларов) наличными.

Ко всему прочему, «якудза», будучи спянной железной дисциплиной организацией, служит надежной резервной армией реакции. Финансовая поддержка — это всего лишь один из видов помощи власть имущим со стороны местной мафии. Другой ее вид — участие во всякого рода ультраправых организациях. Здесь-то мафиози могут проявить себя сполна, сбросить под видом «политического патриотизма» с себя маски добропорядочности и респектабельности и вдоволь покричать о необходимости «жесткой власти», «борьбы с коммунизмом» и т. д. Не случайно один из главных лидеров пользующейся поддержкой у либерал-демократов антикоммунистической «Азиатской лиги» Т. Никамото не кто иной, как гангстер из синдиката «Ямагути-гуми». И таких примеров немало.

...Каждый год 11 февраля — день «кигэнсэцу» — «основания империи» — сотни молодчиков в черной униформе собираются у храма Ясукуни, являющегося некоей «Меккой» для японских неофашистов. Под бравурные марши разгромленной во второй мировой войне императорской армии новые ультра долго и надсадно кричат о «великой Японии», призывают к «крестовому походу» против красных. В задачу этих ультра входит и проведение оголтелых антисоветских кампаний у зданий посольства СССР в Токио, наших генконсульств в Саппоро и Осаке, других советских учреждений в Японии. Именно эти молодчики по мановению палочки дирижера из официального истеблишмента годами раздувают историю вокруг «северных территорий», устраивают всякого рода антисоветские провокации. Причем и здесь дело поставлено на коммерческую основу. Авторам этих строк довелось наблюдать такую картину: два автобуса с мегафонами на крыше расположились по соседству со зданием, где проходили заседания советско-японского и японо-советского комитета по экономическому сотрудничеству. «Русские, верните Курилы», «Иван, домой!» — вопил записанный на магнитофонную пленку голос ультраправого «диктора». Часы на стене соседнего здания пробили пять часов вечера, молодчики-чернорубашечники по-деловому свернули свои антисоветские плакаты и быстро убрались восвояси.

— Им было уплачено за 4 часа «работы», — с усмешкой объяснил нам поведение правых токийский журналист. — Они выполнили свою миссию, теперь отправятся в какую-нибудь пивную...

...Это здание находится недалеко от станции метро Ёцүя в Токио. Шестизэтажное, с широкими матовыми окнами оно, на первый взгляд, ничем вроде бы не отличалось от соседних, если бы... ни знакомые черные автобусы. На прикрепленных к крышам машин щитах знакомые иероглифы — «Родина, верность, император». Молодой парень с ведром воды усердно драил кузов микроавтобуса. При виде подошедших к нему иностранцев он слегка оторопел, но, когда услышал наш вопрос, слегка приосанился.

— Да, я состою в славных рядах «Айкоку-то» (одна из ультраправых группировок, ставящая целью возвращение к абсолютной монархии, ратующая за милитаризацию Японии и «насильственное отторжение» у СССР «северных территорий». — Авт.), — бойко затараторил он. — Когда вступил в нее? Как бросил учебу. Учителя наши заражены гнилым пацифизмом, они утратили дух национализма. Впрочем, если вы интересуетесь идеями «Айкоку-то», давайте пройдем в наше отделение партии. Оно расположено как раз в этом здании...

Так мы попали в «гости». Бесшумный лифт поднял нас на четвертый этаж. За стеклянными перегородками суетились какие-то молодчики с удивительно похожими друг на друга выражениями лиц. Они перебирали бумаги, названивали по телефону, громко ругались, вызывали кого-то по рации.

Шеф местного отделения «Айкоку-то» являл собой яркую смесь «якудза» и американского гангстера. Лысоватый, средних лет с обрызгшим одутловатым лицом, он зорко оглядел нас с ног до головы и, узнав, что перед ним иностранцы, желающие узнать о его деятельности, пришел в неопикуемый восторг. Он протянул визитную карточку, из коей мы узнали, что перед нами некий Кодзо Такэмура, председатель патриотической лиги «Айкоку-то», района Чиёда.

— Не верьте рассказам красных, японские националисты вовсе не бандиты, стремящиеся к военной диктатуре. Конечно, восстановить престиж и былые привилегии императора — одна из основных целей «Айкоку-то». Более того, мы хотим видеть Японию сильной в военном отношении, должны отвоевывать у русских наши священные земли, которые по территории больше площади Токио или, скажем, Окинавы... Только разумная милитаризация может вернуть нам былое величие и спасти нацию.

Глава местных ультра распался все больше. Он размахивал волосатыми руками, на которых красовались цветастые наколки, верный признак мафиози. Казалось, Такэмура уже не видит сидящих перед ним иностранцев, а говорит сам с собой, наслаждаясь звуком собственного голоса. Пространные панегирики об «исключительности японской нации», ее «великом гении» сменились трагическими сентенциями об утраченном молодежь самурайском духе «бусидо».

— Чем конкретно занимается ваша лига в районе Чиёда? — перебили мы словоохотливого оратора.

— Наше отделение довольно многочисленно — около 300 человек. Кроме того, есть лица, которые симпатизируют и помогают нам материально, но в силу определенных причин (тут собеседник хитренько подмигнул) скрывают эти связи. Работа нетрудная. Прикажут устроить митинг — выезжаем и скандируем наши великие лозунги. Налаживаем контакты с общественностью, кое-кого приходится и постращать, не без этого. Нынче, например, готовимся ко

«дню северных территорий». Наша деятельность находит полную поддержку у видных деятелей правящей партии.

— Не кажется ли вам, что «Айкоку-то» копирует методы нацистских штурмовиков? — не выдержал один из нас.

Лицо лидера местных ультра сначала вытянулось, а затем стало пепельно-желтым. В водянистых глазах промелькнули искорки позрения.

— Нет, не кажется,— резко оборвал он.— Простите, а вы какой национальности?

— Я, например, армянин,— ответил один из нас, когда мы встали и, попрощавшись, решительным шагом направились к двери.

Последнее, что бросилось в глаза,— полная растерянности одутловатая физиономия босса патриотической лиги, нервно теребившего кончик ярко-зеленого галстука.

САМУРАЙСКИЕ ВОЙНЫ

Однако не надо думать, что внутри преступного мира нет своих противоречий. Порой они обостряются настолько, что приводят к настоящим войнам между отдельными кланами «якудза». Три года назад, например, Осаку и ряд других городов Японии захлестнула волна военных действий между соперничающими преступными синдикатами. Ее жертвами становятся и ни в чем неповинные люди.

«Трое школьников пали жертвами перестрелки, вспыхнувшей среди бела дня на улицах торгового района Иокогамы. Затеявшие стрельбу бандиты сводили счеты со свокми конкурентами...»

«...В настоящее время в руках гангстеров находится около двух тысяч единиц огнестрельного оружия. Только за один год от их рук погибли 58 человек».

«...Осакской полиции удалось предотвратить взрыв подброшенной в местную редакцию «Асахи» бомбы. Полагают, что взрывное устройство было послано в редакцию в отместку за публикацию разоблачительной статьи о деятельности местных «якудза»...»

Эти выдержки из японских газет красноречиво свидетельствуют о том, что не все спокойно во внешне благопристойном японском обществе. Два года назад 28 января миллионы телезрителей смотрели напрямую передачу о пышных похоронах «крестного отца» «Ямагути-гуми» Кадзуо Таока, убитого гангстерами из конкурирующей группировки «Итыва-кай». В отместку «якудза» «Ямагути-гуми» истребили свыше двух десятков своих соперников. Война между мафиози прокатилась по Иокогаме, Осаке, Киото, Токио. Ее жертвами снова стали ни в чем не виновные прохожие на улицах и посетители в барах. Но вспышки междоусобных войн угасают и наступают «трудные будни» гангстеров, продолжающих заребать миллиарды долларов на своем грязном ремесле. И редкие списки кровавых жертв «якудза» уже не омрачают респектабельный показатель уровня преступности в стране.

Надо отдать должное японским органам массовой информации. Они достаточно много пишут о «якудза». Причем порой настолько ярко, что в глазах неискушенных молодых людей гангстеры предстают порой в виде неких суперменов или японских Робин Гудов. Киноленты о «приключениях» «якудза» — практически обязательный атрибут японских вечерних телепередач. Что это: пресловутая буржуазная терпимость или подспудная реклама? Думается, и то

и другое. «Якудза» — удобный инструмент в руках нечистоплотных политиков и больших дельцов от бизнеса, и потому гангстеры могут и в дальнейшем рассчитывать на полную свободу действий и безнаказанность.

НА ФУДЗИ ВСЕ СПОКОЙНО

«Не слишком ли преувеличиваете? Разглагольствуете о японской мафии, а у них — самые современные компьютеры, электроника, машины!» — слышатся нам голоса скептиков по прочтении этой статьи. Что же, в чем-то читатели правы: Япония, несмотря на свои скрытые и явные язвы, стремительно мчится в XXI век, заставляя с удивлением смотреть на себя весь мир. Но нельзя не замечать и другие стороны японской действительности. «Якудза» — это реальность нынешней Японии, ее малоприметная посторонним язва. Но она создает внутренний климат в стране, определяет те или иные стороны общественной жизни, скажем, досуга — вспомните, центры «патинко», питейные заведения и т. д. Деятельность японской мафии пагубно сказывается на образе мышления определенной части молодежи. Призывы к «сильной Японии», «подведению послевоенных итогов», «восстановлению военной мощи» страны находят благодатную почву в умах националистических фанатов из среды «якудза», а значит, и усиливают крен общественной мысли вправо. Так что жертвы японских мафиози следует исчислять не числом убитых в междоусобных войнах или террористических акциях, а тем, сколь пагубно отравляют они сознание масс, продолжают тормозить процесс демократизации страны, развития морально-духовных ценностей всего общества.

«Следует серьезно подумать о возможности измерения уровня жизни в современной Японии по количеству отбросов. Мы все кричим: «Большой рост! Большой рост!» А растут-то только небоскребы, цены на землю да количество человеческих отбросов», — писал известный японский публицист Такэси Кайко в одном из своих блистательных очерков. Думается, этими его словами можно завершить рассказ о японской мафии и ее нынешних «корнях» в обществе компьютеров, сакуры, синтоистских пагод и оборотней — «обакэ». Когти последних длинны и остры, они цепко держат в своей хватке и политиков, и бизнесменов, и блюстителей порядка. А внешне — все добропорядочно, мило и по-японски улыбочиво-спокойно.

Г. МУСАЕЛЯН, И. СЕМЕНИХИН
международные обозреватели

ТОКИО - МОСКВА

накануне

приговора

Приговор она слушала равнодушно, словно все это к ней не относилось и не ей уготовано три года лишения свободы.

Судья положил перед собой белые листки, глянул поверх очков, съехавших на кончик узкого носа.

— Осужденная Углова, вам понятен приговор? Порядок обжалования понятен?

Она увидела в серых усталых глазах судьи нетерпение и выдавила:

— Понятен.

— Судебное заседание окончено, — с облегчением объявил судья, и все встали, задвигались, зашпешили, бросая украдкой смущенные и любопытные взгляды за решетчатую деревянную загородку, где была другая жизнь и находилась она, Надежда Углова.

Конвоир, рослый молодой парень, молча открыл дверь загородки

Надо идти

Всего несколько часов шел суд, а как она устала! Голова горела, и мышцы болели, словно после большой работы. Будто она отштукатурила стену огромного дома. Да в непогодь, да слишком густым был раствор.

Волоча ноги, как большая тряпичная кукла, двинулась к машине.

На улице шел дождь, значит, зима совсем кончилась. С этой мыслью толкнулась было привычная забота. Детям нужно летнее. Толкнулась, но не задержалась. Она же лишена свободы!

Лишена свободы заботиться о своих детях, о летней одежде для них..

С трудом поднялась в машину, конвоир помог ей, бесцеремонно приподняв.

В углу, у самой решетки, уже сидела и, закрыв ладонями лицо, рыдала Октябрина по кличке Пилка. Ее возили на суд больше месяца. И каждый день она прихорашивалась, тщательно взбивала длинные и густые волосы, в которых, несмотря на Октябринины сорок пять, не было седины. А может, ее просто не было заметно в пепельной гриве. В камере Октябрина держалась особняком, за-

метно презирая подруг по несчастью. И ее не любили. А Пилкой прозвали потому, что она была единственной обладательницей крошечной с белой ручечкой пилки для ногтей. Неизвестно, как ей удалось пронести и сохранить этот запрещенный предмет, но вот как-то удалось. Ей завидовали, но, поди ж ты, не донесли. Маленькая пилка как частичка другой, свободной жизни существовала в камере следственного изолятора — так назывался казенный дом, где они теперь жили. Октябрина долго ждала, потом ездила в суд, возвращаясь то возбужденно-радостной, то подавленной. Но не плакала, крепилась. А сейчас рыдала в углу машины. У нее сегодня тоже был приговор.

Надежда молча села напротив.

Спрашивать Октябрину, сколько дали, не было ни сил, ни желания. Хватит своей беды. Железная дверь с лягом захлопнулась. Парни-конвоиры закурили дешевые сигареты, душливый дым пошел к ним, женщинам с новым названием — осужденные, или, по камерному, «закрытые». Октябрина вскоре затихла, и по дороге они молчали, а в камере, едва переступив порог, Октябрина отчаянно вскрикнула:

— Десять!

И опять зарыдала.

Ее бросились утешать, и на Надю никто не обратил внимания. Она прошла к своему месту, села, бессильно уронив руки. Усталость не проходила, ей мучительно хотелось спать. Еще в машине стала одолевать частая зевота, скулы сводило судорогой от безудержных позывов.

Скорей бы наступила ночь, может, сегодня эта усталость поможет забыться, уснуть, спрятаться во временное небытие.

Октябрина, всхлипывая, рассказывала про суд. Ее торопливо спрашивали, и в этом жадном интересе ясно слышалась не столько жалость к товарке, сколько озабоченность своей судьбой, тревога и страх, скрываемый всеми по-разному, а то и совершенно откровенный.

Беда Октябрины не тронула Надежду. Пусть. Сама виновата. В тесной камере тайны не скроешь, все они знали о том, почему содержатся здесь. Октябрина-Пилка была начальницей на строительстве. Машину свою имела. «Волгу», не просто так.

От мужа откупились «Жигулями» и связалась с начальником управления-подрядчика. Он-то и подвел ее под монастырь. Приписки, фиктивные наряды, «мертвые души» — и вот теперь тюремные нары. И любовничек этажом ниже, в другом крыле здания. Пожили, повеселились. Пусть. Ей бы, Октябрине, хоть один прожитый Надей год, хоть один или, например, только зиму, когда Веруня стала калекой и приходилось, уходя на работу, оставлять ее в комнате барака привязанной на широком топчане, как собачонку. И оставлять ей молоко в бутылках со старыми, вздутыми сосками, а в миске еду...

Какими нескончаемыми были стены холодных квартир, которые она штукатурила! Она швыряла на эти враждебные стены плохо замешанный раствор, яростно терла их мастерком и гнала время: ну же, ну, иди быстрее, беги, беспощадное время, скорей отпусти меня к дочке-калеке, привязанной к топчану, чтобы не упала, не замерзла на холодном полу...

Октябрина, ты думаешь, этого не было? Было! Весь ужас в том, что было! Но тогда ты ездила в своей собственной «Волге», крапа

копейки у таких, как она, штукатуров, и не хотела знать, как нужны им эти копейки. Большая скорость была у твоей, Октябрина, «Волги». Мимо пронеслись чужие печали. Рыдай теперь, камерная Пилка, оплакивай роскошную жизнь...

— А Кислису, Кислису сколько? — выпрашивала приклатненная Ирка.

Кислис — это любовник Пилки. Тот, соблазнитель.

— Тоже десятка, — удовлетворенно отвечала женщина, — пусть нары полирует, гад.

Удивительно быстро слетела с Октябрины позолота. И вот она уже с Иркой на равных, а Ирка — блатная, воровка она, эта Ирка. И на свободе Октябрина ею бы побрезговала. Здесь же рада участию, и слова сыскала новые, из предстоящей своей жизни.

В Октябрине, видимо, уже проснулась злоба, воспаленно заблестели глаза, руки нервно подергивались.

— Не буду я столько сидеть, — возбужденно говорила она, — папа дойдет до Москвы. Деньги есть. Витька, молодец, успел снять с книжки в самый последний миг. Пятьдесят тысяч не успели менты загрести!

Пилка победно оглянулась и не сразу поняла свою ошибку: не надо было говорить о деньгах. Они здесь были на равных, эти женщины, и на воле ничего не имели. Богатство Пилки погасило сочувствие, но она этого пока не заметила.

— Витька адвоката возьмет. Московского, пробивного. Вот увидите, скостят половину, а там и амнистия будет, у меня орден есть, а награжденных всех под амнистию, Витька сказал...

— Рогач твой Витька! — прервала Октябрину Ирка и хохотнула. — Рогач он, и ты на него не надейся. Он твои денежки тю-тю! Молодым под хвост пустит! А ты выйдешь старуха. Кому ты нужна будешь?

Октябрина растерянно молчала.

— Ну что ты! — вступилась за Пилку добрая толстая Шура. — Зачем травмишь бабу, ей и так тяжело!

Ирка опять захохотала, и Шура придвинулась к Октябрине:

— Ладно, подруга, чего теперь-то. У тебя хоть детей нет, а у меня, сама знаешь, душа уж почернела...

На воле у Шуры с мужем остался сын-первоклассник и старая мать, что глядела за ним, сильно болела.

А Шура уже получила свои восемь лет, и в изолятор привезли ее из колонии, потому что на подельниц этот приговор отменили. «Сидели бы спокойно, нет, темнят бабы чего-то, а мне вот расхлебывайся», — осуждала подельниц Шура. Но ее мнения никто не спрашивал, в отношении ее приговор не отменили, и Шура шла теперь как свидетель по своему же делу. С первого дня, как ее вызвали еще на то, первое следствие, Шура призналась, что привела двух просителей к знакомой паспортистке — уж очень им нужна была прописка. За эту вот прописку отдали они через Шуру деньги, да и Шуру не забыли, отблагодарили, хотя вовсе и не из-за денег она старалась. В общем, получила Шура за свои услуги чetyреста рублей и восемь лет. В колонии ее навестил муж, дали им долгосрочное свидание на двое суток. Осталась Шура беременной после этого свидания, и вот снова сорвали ее с места, привезли в тесную камеру, где она еще пуще металась, потому что дом-то был совсем рядом, на автобусе только проехать. Октябрине выдавали бумагу, и Шура выпрашивала клочки, мелко-мелко исписывала

их, совала свернутые бумажки Октябрьине, дала и Надежде, когда ее повезли на суд. «Передай кому-нибудь, может, дойдут», — прошила.

А кому передашь? Шурино письмо Надя оставила в суде в туалете, заткнула за бачок, да так потом и забыла, не проверила, взял ли кто.

Иркины слова про старость упали на благодатную почву: Октябрьина, видно, сама подумывала об этом, да и не раз. Думала и боялась, а тут ей прямо в лицо бросили горькую, страшную правду: выйдешь никому не нужной старухой.

— А-ах,— опять забились в слезах Октябрьина,— я не хочу жить, не хочу жить! Зачем так меня! Пусть лучше расстреляют, чем мучиться, я не хочу жить, не хочу...

Шура обняла Октябрьину, уткнула широкое, обезображенное беременностью лицо в ее пышное плечо и сама мелко затряслась в плаче.

— Ну, хватит! — неожиданно для себя крикнула Надежда. — Душу надорвали!

Тут вспомнили и о ней, но она отмахнулась от расспросов, подняла вверх три пальца.

— Трояк,— перевела Ирка и позавидовала,— легко отделалась!

Легко. Она отделалась легко. Три года жизни, о которой она ничего не знала. Никогда не читала, не видела в кино, словно не было таких женщин, таких судеб.

Не думала, что есть такое. Не ведала, что выпадет ей эта доля. Не ведала и не хотела.

Простой жизни она желала, совсем незатейливой. Дом, дети и работа на стройке — вот что ей надо было и к чему тянулась она, сколько было сил.

Строила чужие дома, лепила свое гнездо, тыкалась, мыкалась, терпела, пока не пришел последний край... Когда подняла топор и, закрыв глаза, опустила...

Тихо стало в камере. Замолчала уставшая от слез Октябрьина. Ирка отошла от нее, задрал подбородок, уставилась на зарешеченное окно. Пригорюнилась толстая Шура. Безучастно сидели рядышком баба Валя и Зинуха — их слезы еще впереди.

Баба Валя сидела за самогонку. Вызывали ее редко — два или три раза на Надиной памяти. Баба Валя пугалась вызовов, крестилась, у нее начинала мелко трястись голова и повисала правая, когда-то парализованная рука. Надежда удивлялась, как это следователь не видит сам, что не могла управляться баба Валя с тем проклятым аппаратом, и ставить бражку в бочках, и ворочать эти неподъемные бутылки с самогонкой. Баба Валя прикрыла дочку, что работала поваром в столовой, таскала оттуда дрожжи и с муженьком варганила дефицитное зелье. Правильно, бутылочки баба Валя выдавала покупателям, дома ведь сидела, сподручно было. Но главное-то зло не в ней было, куда она денется, старуха, если велено ей отпустить самогонку. Дочкой велено да бугаем-зятцем, который работал через день где-то охранником и на работе не переламывался, нет. Выгодней была самогонка. На ладони все это лежало, ну, прямо на ладошечке.

А баба Валя упрямо, заплетающимся языком твердила свое: не знала дочка и зять ничего не ведал, я виновата, судите меня. И сидела в тюрьме развалина баба Валя, а дочка с зятем были на свободе. Старуха по крестьянской своей простоватой хитрости скры-

вала дочку и здесь, среди них, сердито шикала на Ирку, которая смеялась над нею, выплескивая жестокую правду, как Октябрьине про старость.

Ирка была всех просвещенней, все она знала.

— Тебе, баба Валя, много не дадут,— говорила она, вроде утешая,— может, даже еще и живая выйдешь. А помрешь — дочка поминки на воле справит, ты же будешь навек с нами. Хоть завещание оставь, чтобы дочка на поминки нам передачку подкинула, все ж мы тебе не чужие. А денежки у дочки есть, и не конфискуют ведь, твое имущество искать будут, а много ты его нажила, а, баба Валя? Поди, узелок смертный твой уж забрали, конфискуют. Зато, не горюй, дочкыны шмотки целы будут.

Баба Валя отмалчивалась, на жестокие Иркины речи не отвечала. Из старческих глаз начинали катиться мелкие белесые слезинки, застревали в глубоких морщинках, продельывали причудливый, извилистый путь и высыхали, не покидая лица.

За бабу Валю обычно вступалась только Зинуха, да иногда еще беременная Шура. Октябрьина глядела в сторону, ее не касались эти мелкие страсти. Она знала лучшую жизнь, бабы Валины беды ее не трогали. Не опускаться же ей до самогонщицы. Ей, которая ведала строительством театра. А еще раньше — органного зала, где звучала возвышенная, несовместимая с этой жизнью музыка.

Надежда жалела старую женщину, но утешать не могла. Она и вообще говорила мало, не только в своей новой жизни, всегда.

Родителей не выбирают, и Надежда не виновата, что родилась у глухонемой матери. А говорил ли отец — не знает, никогда его не видела. Язык жестов начала понимать раньше, чем приучилась к словам. Ладно, бабушка поняла угрозу, забрала девчонку к себе, учила говорить, испугавшись, что здоровый ребенок растет немтырем. Но ранняя привычка осталась в немногословии, которого преодолеть не смогли ни бабка, ни интернат, куда Надя попала после бабкиной смерти.

Даже Георгий не смог разговорить ее и потом, в злобе, часто упрекал «Немтырка». Вот с Веруней она говорила. Веруня была ей собеседница. Ах, дочка, Веруня! Простишь ли ты? Нет, наверное, не будет Надежде прощения, недаром же суд назвал ее преступной матерью.

Подумать только, она — преступная мать?! Или она не любила своих детей? Или пила-гуляла, водила к себе мужиков? Преступная..

Принесли ужин, и все, даже зареванная Октябрьина, съели до крошки свои порции. И Надя съела, не ощущая голода, вкуса и насыщения.

Главное, что время шло и близилась ночь, от которой она ждала успокоения.

Разбередив души, всколыхнув горе, женщины примолкли, думая о своем, отгородились друг от друга невидимой, но ясно ощущаемой стеной одиночества. Каждая была один на один со своей судьбой: все прожившие свой роковой кусок жизни, молодые и старые, повидавшие хорошее и худое, виноватые и не очень. Друг от друга они защищались. От самих себя не было им спасения.

Первой начала укладываться баба Валя.

Перед каждой надвигавшейся ночью она, по старости мало спавшая, становилась тревожной и суеверной.

Молить она не знала — откуда? — в работе прошла жизнь, без

кино и без церкви, некогда было себя вспомнить, не то что бога. Война да разруха, вдовство да одинокое материнство, потом старость да болезни — коли и поминала бога, то не тем словом. Теперь на вынужденном горьком безделье баба Валя пыталась утешиться — а чем больше, как не господом богом, про которого, слышала она, говорили, что он милосердный. И мать его, богородица то есть, само собой.

И все старушечье утешение сводилось к чуть слышному причитанию, которое баба Валя начинала, едва приближались сумерки и сгушалась, сгушалась в камере тоска.

«Господи-боже наш и богородица, к милосердию твоему взываю. Молю милосердия, господи-боже наш и богородица, дева пречистая, заступница страждущих...»

Старуха замолкала ненадолго, потом снова заводила свою придуманную молитву: «К милосердию твоему взываю, господи-боже и богородица, заступница...».

Поначалу бабу Валу травила Ирка, потом отстала, потому что поддержки ни у кого не нашла. Видно, каждая из женщин мысленно повторяла те же слова: «К милосердию взываю...». Кто к кому обращался с этими словами, кто к кому и, наверное, не только к богу.

Но милосердия ждали все они, единственное, что нужно было в их положении — милосердие, от кого бы оно ни исходило...

Жалости и сострадания ждали самогонщица баба Валя, взяточница Зинуха, блатная Ирка, стареющая Октябрина, беременная Шура и ее ребенок, который не успел родиться, следовательно, не сделал ничего хорошего или плохого, а был уже так наказан.

Был закон, были поступки и женщины — вот они, плоть их и кровь, думы и страх. Все было, кроме милосердия, а лишь оно могло заставить глянуть пошире на все вокруг. Да так ли вы праведны, люди, построившие это чистилище и заполнившие его. Настолько ли праведны, что отторгли от себя вот этих, не пожелали видеть их, однажды оскорбивших взор, отторгли и отказали в сострадании?!

А почему они здесь? И, главное, зачем? Как стать ему человеком, Шуриному неродившемуся ребенку? Что он чувствует сейчас, к чему готовится?

«К милосердию взываю, господи-боже и богородица, заступница», — шептала баба Валя.

Ужин давно прошел. Значит, наступила ночь.

И пришла она.

Закрыла темным своим покрывалом зарешеченное окно, уложила на жесткие матрацы неработавших, но уставших женщин и распласталась над каждой, прикрывая собой от негасимой лампочки под потолком и всего, что горело, пылало и жгло их души.

Надежда покорно ждала, что принесет ей ночь. Может, желанный сон и забвение? Может, милость ее будет столь велика, что придет Веруня здоровой, веселой? И маленький Димка хоть намекнет, как ему живется без мамки. Да что намекать-то, Надя лучше других знала, как именно живут детки без матери.

Уже затихли Ирка и Октябрина, тяжело во сне задышала Шура — ей и ребенку не хватало воздуха в тесной камере.

Похоже, засыпала и баба Валя. Из ее угла доносилось лишь оханье — укладывала поудобней старуха свои ноющие кости.

Время шло, и ночь сделала свое дело. Но с Надей не справи-

лась, присела к ней в изголовье и вместо желанного сна завела нескончаемую беседу.

Допрос ли вела, жалела ли, любопытство ли одолело, или чего-то не знала и хотела в беседе постичь пришедшая Ночь?

— Как это случилось? — вопрос не коснулся слуха, проник прямо в мозг и заставил содрогнуться, потому что Надя боялась, не хотела его, а он возвращался и приносил новые страдания.

И вот, пожалуйста, когда позади суд, когда надо успокоиться, забыть все, жить и ждать, пожалуйста, первая же Ночь задает этот проклятый вопрос.

— Как это случилось? — бьется в мозгу.

Надо отвечать. А что ответишь? Ее наказали, стало быть, она и виновата. Одна она, ведь наказали только ее. Зачем же теперь спрашивать, как это случилось? Да и почему она знает, как все произошло? Хотела бы понять сама.

— Вот и давай разберемся,— слышится настойчивей.

— Зачем? — возражает женщина.— Мне тяжело и без того. Был суд, и моя вина записана в приговоре. А спрашивать надо было раньше.

— Никогда не поздно спросить. Суд не решил ничего и не был справедливым, потому что не выяснил главного: почему? Пока не разберемся, не казни себя,— говорит Ночь, и Надя кивает.

— Я хочу думать так и боюсь. Я одна и некому доверить свои сомнения. Ладно,— смирилась она наконец,— пусть мне опять будет больно, только посиди со мною, помоги мне понять мою жизнь. Не осуждай и не давай советов, они запоздали. Просто выслушай и рассуди.

— У нас впереди есть время. Много раз я приду к тебе. Рассказывай, не торопись. Вначале было все хорошо? — спрашивает Ночь спокойно и доброжелательно.

Так не спрашивали Надю. Все спешили, все торопились. Спешка убивала интерес. А что рассказывать, коли в глазах собеседника видишь явное нетерпение, если даже он не говорит прямо: «По существу давайте, ближе к делу». Словно жизнь ее вся была не по существу. Не было жизни, осталось только дело, уголовное дело...

— Ведь хорошо было сперва, да? — настаивает Ночь.

— Да, было и хорошо,— начинает отвечать Надежда,— без хорошего и жить невозможно.

Ты права, Ночь, стоит вспомнить хорошее, чтобы совсем не увянуть, чтобы знать: есть для чего жить.

Память словно обрадовалась разрешению отбросить страдания, стала живо подкидывать то, что было дорого и радостно.

— В школу я пошла позже других,— продолжает Надя свою исповедь,— бабка упустила. К восьмому классу в интернате постарше была своих одноклассниц, поздравовее. Вот и поступила в строительное училище. Стала штукатуром-маляром, отделочницей

— Нравилась работа?

— Как сказать? Руки сначала очень болели. Покидай-ка раствор на стены да разотри мастерком. К вечеру не чувствуешь их, рук-то. А раствор как таскали! И все ведь бабы, мужики у нас на стройке все специалисты, раствор не носят. Придет к концу смены мастер-мужик, поморщится: там неровно, здесь мало, что вы, девчонки, день-то делали? А нормы крутые. Особенно трудно зимой. Переодевались на холоде. А роба такая, что поставь — стоит, не гнется и не падает даже. Какая тут любовь? Но привыкли, работа-

Рис. В. Родина

ли. Заработок был, это главное. Да я здоровая была, сильная, отдохну -- и в кино еще успею, читать любила. Общежитие хорошее у нас, девчата подобрались стоящие, следили все за порядком. Красиво у нас было, по-домашнему. Дружно жили, хорошо.

— А муж? Работали вместе?

— Нет, Георгий в селе жил. Послали нас однажды в подшефное село. Поработали месяц, там и Георгия встретила.

— Полюбила?

— Конечно. Ладный парень. Невысоконыйкий, правда, но видный. Сильный, крепкий такой, волосы смоляные, кудрявые, лицо веселое, глаза смеются. К матери своей привел меня, она болела сильно, обрадовалась мне, за дочку признала, приласкала, а я на ласку отзывчивая, мало видела ее. Нравилась мне его мать, жалела я ее, угодить старалась. Как она сына звала, до сих пор помню. Покличет, как ручеек зажурчит сказочный: «Георге-е, Гео-орге-е». Нам бы в деревне остаться, с матерью, может, все было б иначе. Не захотел Георгий, в город со мной подался, говорил, задаром ломаться не хочу. Оно и верно, порядка в селе у них было мало в те годы. Но город-то его и сломал.

— Как сломал? А ты где была?

— Где я была? Да рядом и была. Не справилась, не смогла. Не знала, как быть. Сама в семье не жила, откуда мне было знать? Своего ума не хватило, а подсказать некому. Где, скажи мне, таких, как я, учат семейной премудрости? А надо учить, ох как надо. Пока я своим умом до всего доходила, кончилось мое счастье...

— Не спеши, не спеши,— останавливает Надежду Ночь,— мы договорились разобраться, как случилось, что ты здесь. У тебя дети. Двое. Веруня и Димка. Значит, на Георгии жизнь не сошлась клином. Да и с ним что случилось, рассказывай, не торопись.

— Хорошо, слушай. Георгий был деревенский, понимаешь? Там были для него все свои, он с людьми считался, и с ним тоже. В городе по-другому стало. Я строила чужие квартиры, а жили мы по углам, снимали жилье. Пока Веруни не было, ничего, мирились. С ребенком стало трудно. Георгий в мехколонне работал, выпивали там многие, да скрывали, а у него хитрости никакой — дважды попался, перевели в слесаря. Как ремонт, так бутылка. Дома тоже уюта нет, не спешит Георгий к семье. Пьянствовать стал по-настоящему.

— А ты молчала? Не боролась?

— Боролась,— усмехнулась Надежда,— это в книгах. борьба за любимого, за семью. Поборись поди. Я слышала, что надо к людям, к общественности то есть. Пришла в профком к ним. Как меня там встретили, вспомнить стыдно. Еще бы, зачем им чужие горести. Нет, на слова все было правильно: «Примем меры»,— сказали. И приняла. «Разберись, Георгий, с женой,— сказали,— чего она кляузничает?» Тогда он впервые руку на меня поднял. Страшно. Хоть росла я сиротой, но не били меня, никто пальцем не тронул. Страшно было мне и стыдно. Потом плакал, совесть еще была. Прощения просил, простила. Семья, думаю, ребенок. И еще верила: бросит пить, одумается. Комнату мне дали. В бараке, правда, да я ее быстро обиходила. А тут мать его умерла. Я с больной Веруней сидела, поехал он один мать хоронить. Возвратился с деньгами — дом продал. С горем притих немного, прикупили кое-что в комнату, приоделись. Просила-просила, ушел с мехколонны, устроился в мастерские жестянщиком. Выпивать вроде меньше стал, но совсем не бросил. Я помалкивала, терпела, а его затягивала водка, опутывала. Мои воздушные замки разрушала быстро. А окончательно подкосило нас горе. Веруне было уже два года, и я решила на второго ребенка, беременная я была...

— Разве это горе? — Ночь не скрыла удивления.

— Вот теперь торопишься ты, Ночь. Это была радость. Знала я, как плохо одной, и не желала этого дочке. Пусть будет у нее родной человек, так думала и сказала об этом Георгию. Он тоже был рад. Готовился, ждал сына. Кроватку купил. Роды зимой ожидались, он рамы в барачной нашей комнате сам сменил, утеплил двери. Внимательнее стал, ласковее. Но попивал все же. И горе — вот оно, рядом было Оно с водкой рядом ходит, в обнимку.

В декабре я Димку родила, в самые морозы. Лежу счастливая, спокойная. Что передач, поздравлений нет, меня не волнует. Георгий один дома с дочкой, думаю, запурхался. Я к вниманию непривычная, баловать было некому. И предчувствий никаких у меня, ну ничего дурного мне в те дни не думалось, а несчастье меня пасло, как глупую овцу. И то сказать, неделя быстро прошла, поправились я, Димка тоже здоровенький, на выписку пора, а не выписывают и словно глаза все прячут от меня, не глядят прямо. Женщины в палате смотрят жалостно, подкармливают кто чем. Я благодарна им, а забеспокоилась.

Тут девки мои из бригады передачу послали, письмо. «Мы тебя встретим, — пишут, — ты не волнуйся». Какое не волнуйся, меня уж колотит. И пуше всего неизвестность пугает. Чувствовать стала, скрывают от меня что-то. С Георгием, думаю, беда. К врачу прибежала. Взмолилась. Врачица пожилая такая, усталая. Голову опустила. «Скрывай, — говорит, — не скрывай, а сказать придется. Муж твой девчонку поморозил и сам сбежал». Я так и села. Как поморозил? Где Веруна? Жива ли? «Жива дочка твоя, — успокаивает врачиха, — в больнице она. Ты побудь у нас, пока не окрепнешь. Глядишь, и муж вернется. Со страху он сбежал, не иначе. Вернется».

Ах, как мне было плохо! Сколько слез я пролила с той ночью, с больничной. И засобиралась на выписку. Тоска грызла — что с Веруней?

Встретили меня девчата, увезли домой, обласкали, с Димкой отались, а я в тот же час побежала в больницу к Веруне.

В роддоме меня берегли, здесь же встретили иначе. В белом халате толстуха отхлестала словами: «Бросила, — говорит, — ребенка на пьянь, всю жизнь теперь слезами умываться будешь. Оставили девчонку без ног».

— Как без ног?! — покачулась Ночь, затрепыхалась от ужаса, от непоправимости. — Как без ног?!

— Тебе слушать страшно, а я пережила это.

Вот что тогда случилось: выпил Георгий крепко, еще захотелось. Ребенка посадил на санки, да от пивнушки к пивнушке повез. Неведома жалость морозу: прихватил Верунины ножки. Когда добрые люди схватились да забрали санки с ребенком, уж поздно было. Увезли Веруну в больницу, и ножки спасти не сумели — отняли обе ступни, калекой стала Веруна в неполные три года.

Как я не умерла там, в больнице?! Как жить осталась? От крика зашлась, повалилась. Испугалась толстуха, врачи сбежались, отходили меня.

— А-ах, — закачалась над Надей Ночь, заломила руки, застонала, ведь была она женщиной, Ночь, и были, видно, где-то рожденные ею дети. Может, и Надежду признала она за свое дитя, потому и не бросила одну среди всех и сидит, и говорит с нею, и плачет.

— Руки на себя наложить хотела, — продолжала Надя, — дети ос-

тановили, испугалась сиротства их. Добрела до дому, а там малыш верещит. Тяжко ему, помощи моей просит. Как во сне жила, машиной была для ребенка. Девки мои помогали, подруги. Не обошли заботой. Еду носили, утешали, с ребенком сидели, когда к Веруне я бегала. Та кроха в больнице отошла, беды своей не знает, играет в постели, смеется. А у меня душа на части разрывается, боюсь ей в глаза глянуть. Пришло время, забрала ее из больницы. Стали мы в бараке втроем бедовать. Хотя что я говорю, тогда не одни мы были. Помогали мне, жаловаться грех. Соседки сочувствовали, подкармливали нас. Картошку, капусту, сало носили. Мужики и те — дрова подколят, уголь кто-то привез — до сих пор не знаю, кто, а привезли. Добра в людях много, ничего не скажешь, да у каждого заботы свои и не малые.

Схлынул первый ужас, попривыкли к моему несчастью. Видят, живу, перебиваюсь как-то. Один на другого надеяться стали мои благодетели, так и осталась я одна постепенно. Деньги мои декретные к концу подходили, сбережений и запасов не было. Продала кое-что: ковер, приемник, вазочка была у меня одна хрустальная — отдала за тридцатку. Нету ценностей больше, не на что кормиться, на работу надо, а куда мне детей девать?!

От Георгия ни слуху, ни духу. Испугался ответа, сбежал и глаз не кажет. А может, стыдно и страшно было, кто его знает. Всякое я передумала. Иной раз, думаю, вернулся бы — простила, лишь бы помог детей поднять. Нет, не появлялся Георгий.

Трудно мне было. Но не знала я, что горе мое многосерийным окажется, и только первая его серия проходила, другие будут страшнее, а жизнь все будет снимать и снимать новые серии...

На работу мне надо было выходить. То есть отпуск мне еще полагался, но кормит нас некому было. Пошла в наш профком. Помогли сразу, спасибо. Димку в ясли устроили. А с Веруней как быть? Куда только не совалась, кого не умоляла! Не было такого учреждения, куда бы не толкнулась. Сочувствуют, да, а помочь — никто. В детсад не берут — калека. В Дом ребенка просила взять до весны хотя бы — нельзя, мать есть и не пьяница, не развратница. «Няньку наймите», — так сказал мне один начальник, не помню уж кто. Это мне-то — няньку нанять?! Где ее взять, во-первых, чем платить, во-вторых?! Я сама на картошке сижу да манку себе на воде завариваю, вермишель. Няньку...

Ночь молча слушала, колыхалась, гладила Надежду, укрывала, баюкала, но заснуть не давала. Закрyla измученная Надежда глаза, затаилась, а Ночь темными своими пальцами разлепила ей веки, требует: «Говори!».

— Димке два месяца исполнилось, унесла его в ясли. Собираюсь на работу. Натопила тепло, усадила Веруню на топчан, мне к тому времени сосед топчан расширил, доски набил и барьерчик сделал — манежик вроде. Веруня, бедняжка, на нем и обитала. Раны на ножках у нее затянулись, пытается она встать на ножки, да не может — ступочек нет, больно култышки. Упадет на кровать, плачет, и я вместе с ней реву. Но ребенок же, привыкла понемножку, вставать не стала, все ползком по топчану.

Вот в таком виде я должна ее оставить на целый день и идти работать.

Натопила печь, говорила уж. Да, знаю, к вечеру вынесет все. В миску картошку положила, хлеба, прянички были. Молоко налила в одну бутылку, в другую воду, сосками Димкиными закрыла

бутылки. Веруня смеется, хватает все — думает, игра такая. А я заледенела вся, даже слез не было. Ноги ватные, сама как автомат. Поцеловать дочку не могла, стыдно было, будто предаю ее, на погибель бросаю.

Выбежала из комнаты бегом, соседку в сенях встретила, та руками всплеснула: «Лица на тебе нет, Надя, не убивайся так, я сегодня, может, пораньше с работы сорвусь, пригляжу за Веруней».

Как я тот первый день отработала, убей меня, не помню.

Отпустили меня пораньше, и прибежала я домой. Подхожу к своей комнате — тихо. Так тихо, будто нет живого человека внутри. Открываю дверь, открыть не могу, руки трясутся. Зашла наконец.

Господи, врагу не пожелаешь, что я там увидела. У двери, прямо на холодном полу, спала моя дочка. Зареванная, грязная, мокрая. Плохо, видно, ей стало в загончике, сумела калека перевалиться через бортик, упала на пол, да там и осталась. Цела в чашке картошка, и молоко не тронуто, только прянички разбросаны по топчану. Значит, вскоре после моего ухода упала Веруня и провела день на барачном полу. Беспомощная, голодная, несчастная моя девочка...

Незвиздела я свету, волчицей завывала, схватила дочку...

— К милосердию твоему взываю, господи,— зашептала Ночь смутным голосом бабы Вали,— к милосердию...

— Думаешь, не было этого? — зло спросила Надежда, но Ночь не ответила, тихо заскользила к решетке, потянулась к окну и исчезла за мутным стеклом, захлестанным весенним дождем, как слезами.

Не хотела больше слушать? Кончились силы? Так или иначе, но оставила она женщину и не дала ей забыться ни на минутку. Не было и здесь сострадания.

Ушла Ночь.

Камера просыпалась.

Это был самый тяжкий момент — пробуждение.

Сон уносил женщин в другую жизнь. Знакомую, незнакомую, цветную или черно-белую, или горестную — важно, что в иную.

Где они были?

Откуда возвращались?

Почему сегодня баба Валя начала новый день со своего вечернего причитания? А Шура так усердно задирает вверх бесформенные, даже утром отечные ноги — это утренняя гимнастика. Шура свято верит: гимнастика ей поможет, и терзается, что не всегда находит в себе силы заниматься. Сейчас нашла. Что, приснились ей скорые уже роды?

Почему молчит горластая Ирка? Уставила глазищи в грязный потолок, заложила руки за голову и не орет, как обычно: «Подъем! Выходи строиться!» Притихла. Чем угостил ее сон?

Октябрина старательно чешет роскошные свои волосы, перебрывает со стороны на сторону — массаж. Многолетняя привычка не оставляет ее и здесь. А глаза опухли, полуприкрылись водянистыми красными веками, дань вчерашним слезам скопилась в мешках под глазами, и лицо кажется совсем серым в серых же утренних сумерках. Но расчесывает женщина, убажывает, нежно ласкает свое богатство — волосы. Серебристо-пепельный палантин обнимает плечи, полочется — направо, налево... Не от него ли появляются светлые блики под зарешеченным окном? Не он ли согрел Октябринину ду-

шу, оживил во сне, поднял с казенного ложа и воззвал к новому дню?

Зинуха уже проделала нехитрый утренний туалет, под села к Надежде, коснулась ласково и сочувственно:

— Что ты так стонала во сне? — спросила. — Снилось дурное? Не печалься, смирись. Чем хуже, тем лучше, запомни. Хватит тебе терзаться. Какой-никакой, а выход в твоей жизни. За три года Димка подрастет, не оставят его добрые люди. Верую государство тоже выкормит, что бы ты сама-то делала с ними? Себя пожалей. Выйдешь-то, опять тебе ломаться!

Зина-Зинуха! Да не сыпь же ты соль на открытые раны! Дай передохнуть, ведь только что пытала Надежду Ночь, пыткой пытала, разбередила душу, и горит до сих пор голова, словно адский котел. Неужто новый день обернется старыми муками? К милосердию взываю, господи!.. К милосердию...

Иди, Зинуха, на свои нары. Иди себе. Жди свою судьбу, не кайся других.

На Зинухины сочувственные слова Надежда не ответила, промолчала. Та повздыхала, погладила серое одеяло, отошла.

А Надежда знала: это не только жалость. Себя Зинуха выверяет на ней. Вот-де, стоит ли мне печалиться, когда у соседки такое творится?! Оно и выходило, если подумать, что не стоит.

На воле у Зины-продавщицы оставались мать да дружок. С матерью проблем не возникало, у той была своя жизнь, по всей видимости, беспечальная. Жила она далеко от здешних мест, где-то на Севере, имела другую семью, где Зине давно не было места. Оно и к лучшему обернулось, не томила Зину хоть эта забота. На дружка она тоже махнула рукой. В лучшие-то времена приваживала бутылкой да угождением, а сейчас что? Парень — вольная птица, а девок в округе — пруд пруди, сами напроятся. Болела, конечно, душа. Не просто так Зина парня этого привечала — любила. Тосковала вначале, мучилась. Память у Зины была девичья, короткая, отбросила все плохое, подкидывала лишь доброе, а оттого было еще тяжелее. Но камерная жизнь довольно быстро спустила Зину с небес на землю, тем более что статья у нее была серьезная — обвиняли ее в получении взяток. И Зина обмирала, слушая радио, где-то то и дело громили взяточников, рассказывали о суровых карах для них и вообще разъясняли, какая это мерзость — взятки. Безжалостная Ирка, камерный юрист, накаркала ей не менее восьмерки. Господи боже мой, восемь лет! Что будет с ней за этот срок, если выживет она, если вытерпит только!

— Время такое, Зинка, — авторитетно говорила Ирка, — в неудачное для нас, воров, время ты попалась. Видишь, страна вся в перестройке. Не таких, как ты, вытянули за ушко да на солнышко. Все жулье к ответу призвали. Вот и ты попалась, мало тебе не будет. Очистимся, наконец от скверны! — и хохотала, издеваясь над побелевшей Зинухой.

Зина, конечно, понимала, что надо ее наказать. Но не могла взять в толк, почему ставят ее в ряд с теми, о ком говорило радио. Вон, должности продавали за многие тысячи и в золоте купались. Деньги, говорят, в землю закапывали. Один деятель государство целое себе устроил, даже тюрьма своя была, издевался над людьми.

(Продолжение следует.)

ПОСМЕРТНО... РЕПРЕССИРОВАТЬ?

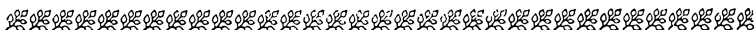
(Окончание)

Следовало бы спросить М. Гостева, написавшего письмо в «Молодую гвардию»: «Мы хотим, чтобы на нашей земле появилась могила Неизвестного мученика, собираем средства на памятник жертвам сталинизма, так почему же вы поднимаете руку на мертвого, оскорбляете могилу Мученика известного?»

* * *

Думается мне, нападки на Павлика Морозова не ведут к прояснению истины, которую мы так жаждем сейчас обрести, которая нужна нам для обновления общества и каждой человеческой души. Публичное осуждение, глумление над невиновным снова сможет завести нас в болото несправедливости, невежества и нравственной глухоты. И это вполне может произойти, ибо, как писал Н. Рерих, «пароксизмы невежества... прежде всего устремлены на все самое высокое. Невежеству нужно что-то истребить, нужно отрубить чью-то голову, хотя бы каменную, нужно вырезать дитя из утробы матери, нужно искоренить жизни и оставить «место пусто». Вот идеал невежества».

Мне хочется встать у памятника Павлику Морозову и обратиться к вам, дорогие читатели: если вы не хотите, чтобы ваши дети выросли Иванами, не помнящими родства, не остались жить на развалинах, чтобы в душах их не поселился идеал невежества, а чувства и разум не оскудели и не померкли, помогите мне защитить светлое имя пионера. Расскажите о нем на уроках, дайте прочесть эту статью родным и знакомым. Пусть каждый, если захочет, берет пример с героя любимого, с того, чей подвиг и судьба дороже, идеалы ближе и понятнее. Но не стреляйте в павших борцов — это самое низкое, подлое дело!

Про Вовку, козла и дядю Кузю

Ранним утром, когда в небе порхали облака, еще белые и розовые, бабка Фекла прибежала к новому участковому своей деревни, получившему сюда назначение всего неделю назад. Плача, заявила о пропаже козла по кличке Яшка, внезапно исчезнувшего из ее подворья.

Участковый, молоденький лейтенант Авдохин со смуглым лицом и коротко стриженными волосами, подробно расспросил ее. Старательно изложив услышанное на бумаге, он успокоил старушку:

— Не переживай, мать, найдем твоего козла, никуда он от нас не денется.

Обрадованная, полная надежд на скорую встречу с Яшкой, бабка Фекла отправилась домой, а Авдохин стал обдумывать план операции по розыску козла, мысленно назвав ее «Рога и копыта».

— Во-первых,— решил он,— нужно будет опросить местных мальчуганов, всюду сующих свои любопытные носы, а во-вторых, обшарить все деревенские закоулки и укромные местечки.

Поиски, продолжавшиеся целый день, не увенчались успехом, и тогда Авдохин решил обратиться за помощью к Володке Павловскому, шустрому и находчивому пареньку, слывшему лучшим в здешней местности дружинником.

— А Володи нет дома,— открыв калитку, сказала его мать, отвечая на вопрос участкового.— Он на танцы в соседнюю деревню побежал, обещал вернуться не раньше двенадцати.

— Ну тогда извините,— откликнулся Авдохин,— я, если не возражаете, зайду завтра утром.

В это время в соседней деревне, в клубе, шли танцы под магнитофон, на всю округу разносились нестройные звуки музыки. Здесь жила невеста Вовки, и на свидания ему приходилось бегать через сельское кладбище, которое раскинулось на холмах между двумя деревнями.

Сгустились сумерки. Заиндевший лес судорожно вздыхал, огромные тучи протягивали к нему свои свинцовые, черные лапы. Внезапно с севера налетел ветер и стал буйно раскачивать деревья. Крупными хлопьями повалил снег.

Парочки начали разбегаться по домам. Танцы прекратились.

— А тебе ведь еще до дому сколько бежать,— шептала на ухо Вовке его невеста Валя.— Замерзнешь весь, бедненький.

— Ничего, добегу как-нибудь,— гордо ответил Вовка.

Поцеловав на прощание девушку, он нырнул во мглу. Черные покрывала туч окутали луну, и не видно было дороги. Вскоре показались очертания кладбища, самый трудный, как считал Вовка, участок его пути. Кресты, растопырив деревянные руки, стерегли свои печальные тайны.

— Ну и темень, хоть глаза выколи,— пробормотал Вовка, стяхивая с себя снег — Совсем ничего не видно, даже страшновато.— Парень задумался о невесте. Но тут он вдруг поскользнулся и, по-

теряв равновесие, свалился в глубокую яму, на дне которой оказалась жидкое месиво.

Когда Вовка сообразил, что очутился в свежевырытой могиле, его охватил страх.

— Как же я теперь выберусь отсюда? — бормотал он дрожа.

Тут его передернуло, как от электрического тока, — в метре от себя Вовка услышал чье-то недовольное сопение. Обернулся и обомлел: в темноте жутковато сверкали два больших глаза. Крик ужаса уже был готов вырваться из его груди, но дыхание перехватило, и он не смог издать ни звука. Вовка затрясся от страха. Глаза его напряженно всматривались в темноту и, привыкнув к ней, различили нечеткие очертания самого обыкновенного козла. Тот сопел, тяжело дыша своим продолговатым плоским носом, дыхание густыми облачками пара повисало в холодном и мгlistом воздухе. Обессиленный, он забился в угол и испуганно рассматривал непрошеного гостя. Вовка перевел дух и сел поближе к козлу.

— А тебя-то как угораздило сюда попасть? — глядя его по мокрой спине, сказал он. — Выходит, мы с тобой друзья по несчастью. Только выбирать как будем отсюда?

Козел, видимо, поняв, что перед ним такой же, как и он, бедолага, успокоился и даже позволил Вовке прижаться к себе.

Метель утихла, и угрюмая тишина, воцарившаяся над кладбищем, угнетающе действовала на Вовку. Время, казалось, остановилось.

Вовка представлял, как переживает сейчас его мать, и от этого на душе стало еще тоскливей.

Обняв козла, он забился тревожным сном.

Занималось морозное утро, и мудрый покой природы нарушили звуки зазвучавшей неподалеку песни. Вовка встрепенулся, поднял отяжелевшие от дремоты веки и прислушался. По голосу он узнал дядю Кузьму, деревенского пастуха и большого любителя выпить.

— Как хо-о-ро-шо на св-е-те жи-и-ть! Их!

«Видно, был у кого-то в гостях, хватил лишнего да и остался там до утра заночевать», — подумал Вовка и обрадованно закричал что есть мочи:

— Дядя Кузя, вытащи меня из ямы, помоги выбраться!

Песня оборвалась на полуслове. Кузьма от неожиданности вздрогнул, остановился и встал как вкопанный.

— Что ты замолчал? Подойди сюда поближе, ты же меня знаешь! Это я, Вовка Павловский, Кирьянов сын! Помоги мне выбраться наверх, я всю ночь тут просидел и промерз до костей!

— А я думал, что до утра успею протрезвиться, — почесав затылок, выдавил из себя Кузьма, — и зачем я только вчера так нахрюкался?

После некоторого раздумья он решился, наконец, подойти к краю ямы.

— Вытаскивай меня отсюда поскорее своим кнутом! — прокричал нетерпеливо Вовка.

— На твоё счастье кнут у меня при себе, — отозвался в ответ Кузьма. — Обожди малость, сейчас вытащу его из сумки.

Через минуту в яму со свистом залетел лохматый конец скрученной веревки.

— Давай быстрее цепляйся, да я тянуть буду

Вовка обернулся на козла. Тот жалобно смотрел на него, словно предчувствуя близкое расставание. Глаза у парня задорно блеснули.

«А пусть сначала пастух его вытащит»,— озарила его шальная мысль, и он стал поспешно обвязывать козла веревкой вокруг живота и шеи.

— Давай, дядя Кузьма, тяни! — сложив ладони рупором, дал команду Вовка, а сам стал подталкивать обеими руками козла в спину.

Наконец поверх ямы показалась козлиная морда с закрученными рогами, обляпанной снегом и грязью жиденькой бородкой и испуганно вертящимися глазами. Кузьма отшатнулся, цепenea от ужаса.

— А-а, сгинь, нечистая! — закричал он надрывным голосом и бросил кнутовище. Козел полетел назад в яму.

Кузьма бросился бежать, да так, что дух захватывало.

Вовка расхохотался до слез, но вскоре ему стало грустно при мысли о том, что в этой яме придется сидеть еще бог знает сколько.

А трясущийся от страха Кузьма прибежал домой и, не раздеваясь, забрался под одеяло. Весь дрожа, сказал удивленной и оторопевшей жене:

— Я только что на кладбище чуть черта из могилы не вытащил

— У, пьянчуга, от водки у него уже белая горячка началась! Черты стали ему мерещиться. Повсюду борьба с пьянством идет! Постановление даже принято. А ты все не просыхаешь! — набросилась жена. И потоки ругательств, среди которых «пьяная харя» было едва ли не самым нежным, обрушились на Кузьму.

— Чего лаешься-то! — взбесился он.— Говорю тебе, что черта с рогами и бородой я на кладбище видел, да еще и разговаривал с ним.

Это услышал младший сынишка пастуха и сразу смекнул, что, наверное, это и есть тот самый козел, о котором вчера его спрашивал участковый. Не говоря никому ни слова, он помчался в милицию, не чувствуя под собой ног. Запыхавшись, влетел к участковому и сбивчиво обо всем рассказал

— Ах, вон, оказывается, куда козел бабки Феклы запропастился,— улыбаясь, произнес Авдохин,— спасибо, малец, тебе за помощь.

Так был найден пропавший козел бабки Феклы, а рассказанная Вовкой история стала достоянием всей деревни, и долго еще жители смеялись, пересказывая ее друг другу. Перенесенное же Кузьмой потрясение было так велико, что пастух совсем бросил пить. При встречах с Вовкой он поднимал вверх кулак и, грозя им, неизменно говорил:

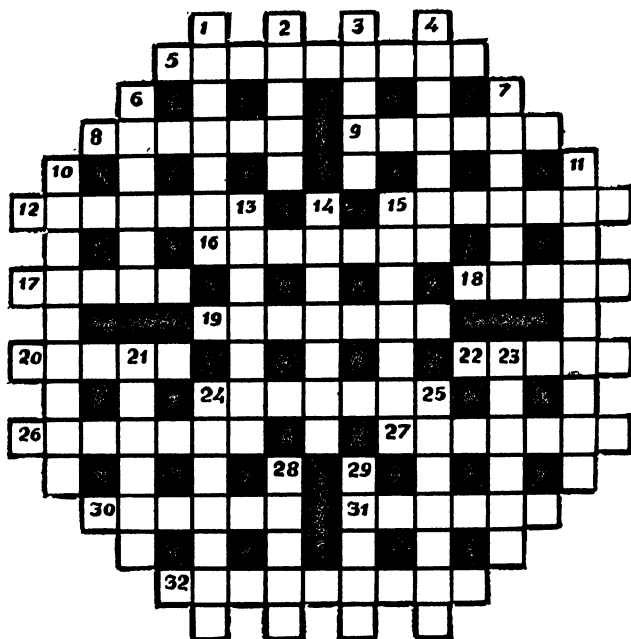
— У, шельма!

Вовка в ответ улыбался.

Дмитрий МУКИН

Знаете ли вы право?

По горизонтали: 5. Русский ученый-криминалист, создатель первого в России специализированного криминалистического учреждения — Петербургской судебно-фотографической лаборатории. 8. Общественная организация в СССР — Советский комитет по культурным связям с соотечественниками за рубежом. 9. Часть территории государства, со всех сторон окруженная территориями других государств и не имеющая морского берега. 12. Политикан, старающийся создать себе популярность среди народных масс с помощью обмана, лживых обещаний, лести и т. п. 15. Лекарь-самоучка, действующий собственными невежественными способами. 16. Человек, изменивший своим убеждениям, перешедший в лагерь противников. 17. В прошлом — орудие наказания, позорящее личность преступника. 18. Знак отличия государства. 19. Советский актер, народный артист СССР, снимавшийся в фильме «Академик Иван Павлов». 20. Количественное содержание золота, серебра и платины в лигатурном сплаве, из которого изготавливаются ювелирные изделия, производится чеканка монет. 22. Нидерландский кинорежиссер-документалист, постановщик фильмов «Испанская земля», «Мы за мир». 24. Советский актер, народный артист РСФСР, игравший роль «элегантного» жулика в фильме «Берегись автомобиля». 26. Самочинная расправа с кем-нибудь. 27. В феодальной Европе королевские привилегии на получение определенных дохо-

дов (судебных штрафов, рыночных пошлин и др.). 30. Спешное дипломатическое уведомление. 31. Английская писательница, автор детективных романов. 32. Неодолимое импульсивно возникающее болезненное влечение к поджогам.

По вертикали: 1. В Российской империи должность в военно-судебных учреждениях. 2. Розыгрыш, произведенный по займу или лотерее. 3. Свод правил, регулирующих деятельность организаций, учреждений. 4. Процент, взимаемый банками при учете векселей. 6. Форма борьбы капиталистов против рабочего класса. 7. Название феодала у тюркских народов в средние века. 10. Немецкий писатель-реалист, автор антифашистского романа «Пляска смерти». 11. Человек, по воле сильного покровителя оказавшийся на время у власти. 13. Одно из тягчайших преступлений против человечества. 14. Русский писатель, автор произведений «Расправа», «Мирской суд». 15. Тайное соглашение о совместных действиях против кого-нибудь в политических и других целях. 21. Лицо или фирма, специализирующиеся на посреднических биржевых операциях. 23. Способность и возможность оказывать определяющее воздействие на деятельность, поведение людей с помощью каких-либо средств. 24. В христианстве — реально существовавшее или мифическое лицо, возведенное в ранг святого за страдания и смерть, принятые им за веру. 25. Наличие в ком-нибудь выдающихся свойств, внушающих преклонение, уважение. 28. Советский кинорежиссер и актер, народный артист СССР, постановщик фильма «Жизнь прошла мимо». 29. Установившийся порядок, сложившееся устройство (общественной жизни, быта и т. п.).

Составитель ЧЕЛЕДИНОВ И. П.

Винницкая область

Ответы на кроссворд, опубликованный в № 12 за 1988 год.

По горизонтали: 3. Побег. 8. Тратта. 9. Акцепт. 10. Вебер. 11. Калым. 12. Нерва. 13. Стоглав. 16. Трактат. 20. Буренин. 21. Антанта. 23. Никулин. 27. Банкнот. 30. Малик. 31. Голый. 32. Агора. 33. Отпуск. 34. Натура. 35. Адрес.

По вертикали: 1. Стюарт. 2. Стимул. 3. Павлов. 4. Бабушка. 5. Гарант. 6. Оценка. 7. Ставка. 13. Сабин. 14. Отрок. 15. Алиби. 17. Рента. 18. Тенин. 19. Тракт. 22. Досмотр. 24. Иванов. 25. Локаут. 26. Носака. 27. Балдус. 28. Ногатц. 29. Обычай.

Сдано в набор 27.10.88. Подписано к печати 24.11.88. А 12329.
Формат 84×108^{1/32}. Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,72. Усл. кр.-отт. 7,56.
Уч.-изд. л. 9,40. Тираж 10 000 000 экз. (1-й завод: 1 800 000 экз.)
Заказ № 3292.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Рис. В. Буркина

**Цена 60 коп.
Индекс 71075**

**«Человек и закон».
1989, № 1, 1—128.**

Реформа политической системы в корне изменит работу Советов всех ступеней. В органы власти должны быть избраны лучшие представители нашего общества, способные выражать и проводить в жизнь интересы избирателей. Наш фоторепортаж рассказывает о том, что сделано для людей депутатами Советского района столицы.

